

КАЙЛИ
МИНОУГ:
НАДЕЖДА
НА СЧАСТЬЕ

4/2004

МЫ

Джек
НИКОЛСОН

Мы

4/2004

Основан в 1990 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ
Заместитель
главного редактора
Игорь ВАСИЛЬЕВ

Редакционный совет:
Сергей ЕСИН
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Геннадий ФРОЛОВ

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-5351.
Учредитель – ООО «Литературно-
художественный журнал "Мы"»

✉ Адрес для писем:
Абон. ящик № 1, Москва, 105005
☎ Контактные телефоны
(095) 150-11-97, 733-32-48
E-mail: magazine_we@mtu-net.ru

Сдано в набор 31.03.2004 г.
Подписано в печать 23.04.2004 г.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 8080 экз. Заказ № 3424.

ГП Московская типография

Денис

Моск

E-mail: typ

http://www

© «М

СОДЕРЖАНИЕ

■ ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Геннадий Фролов. Отзвук погони.
Стихи 8
Филип Рив. Смертельные гонки.
Фантастический роман.
Перевод с английского.
Окончание 12

■ ПРОБА ПЕРА

Стихотворение из конверта ... 72

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Проблема из конверта.
«Я всё разрушила сама...».
Письмо девятнадцатилетней
Оксаны читает журналист
Алексей Будкин 75
Письма в «Мы» 2

■ КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Джек Николсон предпочитает
жить, как живется 83

■ НЕПОЗНАННОЕ ВОКРУГ НАС

Сергей Демкин.
Тайна твердого луча 114

■ МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Новости виртуального мира,
или Во что бы нам сыграть? 120
Мозаика 125
Ищу друга 127

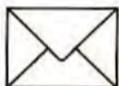
■ МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Кайли Миноуг:
«Каждый видит во мне то,
что ему хочется...» 149
Компакт-издания 147

..... 129

..... 99

ПИСЬМА В «МЫ»

МОЖЕТ БЫТЬ, Я ПРОСТО ОЗЛОБЛЕНА...

Я всегда стараюсь понять тех парней и девушек, которые пишут письма в журнал «Мы». Надеюсь, что и меня поймут – вот решила написать о наболевшем. А письмо свое я хочу адресовать ребятам, и думаю, что многие девушки, побывавшие в такой же ситуации, как и я, поддержат меня.

Я читаю очень много разных молодежных изданий, и там часто попадаются письма парней, которые жалуются на девчонок: дескать, над моей любовью посмеялись, и вообще все девчонки – легкомысленные, «динамистки» и корыстные стервы, пожалейте меня, бедного, разнесчастного. А сами-то как вы поступаете с девушками? Поджентльменски разве?

Ничего подобного! Я не говорю о придурках, которые сразу лезут тебя лапать и под юбку, а разговаривают исключительно матом. Я имею в виду умных, воспитанных ребят из благополучных семей. Так вот, эти приличные мальчики ведут себя, в принципе, не лучше отморозков. Те, по крайней мере, сразу дают понять, что им от девушек нужно только секса.

А прекрасный принц на белом коне сначала будет долго и упорно ухаживать, очарует, наобещает золотые горы, прикинется нежно влюбленным – а в один прекрасный день подойдет и скажет, пряча глаза: извини, дорогая, давай останемся друзьями, ничего у нас с тобой не получится, потому что ты – девушка порядочная, а я – такой-сякой, сложная натура, и вообще хочу погулять... И что-нибудь еще в таком же духе. И с чувством выполненного долга и сознанием собственной честности влюбленный Ромео делает ноги. А у покинутой девушки после слез и истерик остается вопрос: зачем? Зачем ухаживать, играть в любовь, подавать девушке напрасные надежды, если ты видишь, что девушка серьезная, а тебе надо просто развлечься? У Сент-Экзюпери есть замечательная фраза: «Мы в ответе за тех, кого приручили...» К сожалению, ребята никогда не вспоминают ее.

И после таких вот «благородных» поступков ребята ждут от девушек преданности и постоянства? Да любая девчонка, с которой так обошлись (и я – исключение), станет вас «кидать», динамить, раскручивать на до-

рогие подарки и рестораны, а потом попросту пошлет на фиг. Безответственность тоже порождает безответственность.

Не знаю, может быть, я просто озлоблена и потому так говорю, и, может быть, среди парней действительно еще попадаются настоящие мужчины-рыцари, но в моей жизни встречались в основном самовлюбленные эгоисты, ничтожества и трусы.

*Александра, 18 лет
Москва*

От редакции. Уважаемая Александра, скорее всего, твое письмо действительно написано «в минуту жизни трудную», когда еще не сумела пережить жизненное разочарование. Но мы уверены – пройдет время, и ты на произошедшее с тобой, и на своего бывшего поклонника и его поступки помотришь по-другому. И, скорее всего, поймешь, что становиться девушкой-динамисткой (то есть девушкой другого сорта) – может быть, и весело, но... как-то низко. Неблагодарно. А ты, похоже, ценишь это качество в человеке.

Как мы поняли из твоего письма, под словами «подавать девушке напрасные надежды» ты имеешь в виду надежду на законный брак со своим избранником. Для себя ты вроде бы это решила (мол, подходит парень). Но ведь и парень должен решить для себя, каких именно отношений с тобой он хочет!

Нам кажется вполне вероятным, что он действительно был увлечен тобой, влюблен, а то, что он долго и красиво ухаживал, только делает ему честь. Но понимаешь, не всегда в жизни удается достичь того, чего хочется. И никакими цитатами тут дело не объяснить. А почему ты не хочешь предположить, что в процессе вашего, так сказать, знакомства выявилось нечто, что заставило парня изменить свои планы? Ну, например, ему не понравилась твоя семья, или как ты одеваешься и ведешь себя в компании, или твоя в чем-то излишняя строгость и принципиальность... Или, может быть, ты слишком быстро стала его, этого легкомысленного парня, «перестраивать» под себя, серьезную... Да мало причин могут человека навести на мысль о том, что он, этот человек, с этим другим конкретным человеком жизнь связывать не хочет? И еще один плюс этому парню – та форма, в которой он сообщил тебе о том, что ваши отношения зашли в тупик, что продолжать их он смысла не видит: фактически он взял всю вину на себя, дабы твое самолюбие было поменьше уязвлено. Так что, как нам кажется, так уж сильно упрекать его не стоит.

Вообще эти взаимные обвинения парней и девчонок в том, что, мол, мы хорошие, а противоположный пол плохой, «ему надо только одно» – парням секса, девушкам де-

нег и подарков – тема, набившая оскомину всем без исключения редакциям молодежных изданий. Другое дело, что раз за разом мы убеждаемся в том, что молодежь всё равно, переживая ту или иную личную неурядицу, пишет об этом... Поэтому тему закрывать не будем. А поговорим лучше вот о чем – о тех выводах, которые ты, Александра, должна сделать из случившегося.

Понимаешь, все твои обещания «поматросить и бросить» следующего парня, который заведет с тобой некие отношения, – тоже возможный путь. Но при этом тебе придется расстаться с некоторыми своими убеждениями, в числе которых, например, то, что ты девушка серьезная и порядочная. Думаем, этот путь не для тебя. Нам кажется, что тебе надо самой для себя уяснить, чего ты хочешь от парня, с которым ты завела роман (не побоимся этого старинного слова). Если этот роман – путь к замужеству, тогда ты должна внимательнее и строже относиться и к этому парню, и к себе, дабы опять не создать ситуацию, когда вы будете взаимно разочарованы. Если же ты, несмотря на свою пресловутую «серьезность», просто хочешь приятно провести время с приятным человеком, а что касается будущего – тут, как говорится, жизнь покажет – то не стоит предъявлять к парню уж сильно завышенные требования: будь, мол, только рыцарем и ни кем

иным. Он прежде всего человек. И ты должна быть готова к тому, что он вдруг (а такие вещи всегда происходят вдруг) влюбится в другую девушку! Так что здесь очень важно – не создавать лишних иллюзий ни у себя, ни у него. Пусть всё будет так, как будет. Тогда ни счастье, ни разлука не будут так больно ранить душу.

ПОНИМАЮ, КАКАЯ Я ПЛОХАЯ

Когда я читаю журнал «Мы», то всегда искренне сочувствую парням и девушкам, которые рассказывают о своих проблемах. Но очень часто проходит в голову мысль, что многие из этих проблем создаем мы сами. Вот так, например, произошло со мной.

Я отличница, хотя и выросла в строгой и не очень счастливой семье. И вот однажды я пришла домой ну просто в ужасном виде! Не знаю, где я смогла так здорово напиться? До сих пор не могу вспомнить. А ведь мне всего двенадцать лет!

Мама с бабушкой были в шоке. Они начали пытаться меня, и мое дурацкое поведение, о котором они не знали, выплыло наружу. А хуже всего то, что в этом мама обвинила мою лучшую подругу, которой шестнадцать лет. Она живет в нашем доме, и мы с ней друг друга прекрасно понимали. А теперь мама запретила мне с ней дружить. У меня немало других друзей и приятелей, но та-

кой, как она, мне, конечно, больше не найти.

Наша семья живет без семейного счастья. Отец нередко бьет и меня, и маму. Бог спас меня в тот день, когда я пришла домой пьяная, – отца дома не было, он сам пил где-то со своими друзьями, пришел домой очень поздно. Мама и бабушка ничего ему не сказали. И мне до сих пор перед ними очень стыдно за тот вечер – как я могла так поступить? Особенно стыдно сейчас – они обе очень болеют, отец уехал, и я одна занимаюсь всем домом. Теперь я поняла, какие они слабые и беззащитные.

А сейчас у меня появился близкий друг, замечательный парень, он учится в девятом классе. И я боюсь, как бы до него не дошли слухи о том вечере. Я, конечно, ничего ему об этом не рассказала. А вдруг он узнает – какими глазами он тогда будет на меня смотреть?

Когда я думаю обо всем этом, я понимаю, какая я плохая и что уважать меня не за что. Может быть, я вообще сделала неправильный выбор. Он очень хороший, искренний парень, а я? Мне иногда кажется, что я больше подхожу тем бабникам, которые достают меня. Но я не хочу никому больше врать! Я хочу просто наслаждаться той любовью и дружбой, которые мне дарят. Я красивая девушка, выгляжу старше своих лет. А красивой быть не так уж просто: то

какой-нибудь качок приставет, то парень из старших классов вычислит твой телефон и начнет доставать. Знаете, сколько я слышала предложений от ребят переспать с ними! Но это совсем не то, чего бы мне хотелось. Я хочу настоящей, чистой любви, и мне кажется, что она пришла. Но я так боюсь своего прошлого, боюсь того, что мой парень узнает о моем поведении.

Бог дал мне большую душу, я умею помогать людям и прощать им, но жизнь моя почему-то заполнения пакостью и матом. И в этом виновата только я. В моем возрасте я ощущаю себя совершенно взрослым человеком, а значит, я и должна вести себя, как взрослый человек. Так меня научила жизнь. Потому я и выпиваю тайком, и ругаюсь. А ведь так хочется, чтобы тебя понимали, чтобы тебя защищали! Но кто будет уважать такую девушку, как я? Девчонки, давайте стараться сохранить свое человеческое достоинство! Каждая из нас еще успеет прийти домой, нахрюкавшись до потери пульса, или рассказать лучшей подруге, как она вчера стала женщиной. Никуда это не уйдет, а вот уважение нормальных людей потерять очень легко. Или придется жить так, как я, – боясь, что твое прошлое станет известно твоему парню.

В.Л.
Оренбургская область

От редакции. Уважаемая читательница, ты, конечно, всё правильно поняла и сделала верные выводы из того, что с тобой произошло. Но, знаешь, тебе не стоит судить себя так уж строго. К сожалению, жизнь полна соблазнов, а вы, молодые, не всегда можете им противостоять. Вот скажи: кто уж так уговаривал тебя «нахрюкаться» до потери пульса? Если кто-то и приглашал, что называется, «к бутылке» – то ведь не для того, чтобы ты обрела свинское состояние. Мы не видим ничего плохого в том, что девушки и парни (ну, не в двенадцать лет, конечно) выпивают по праздникам или на дискотеках. Таков, увы, образ жизни сегодняшней молодежи, и ничего с этим не поделать. Но во всем нужно знать меру.

Но будет очень плохо, если ты станешь жить с мыслью, что ты – плохая, что ты не годишься для порядочных парней и твоя судьба – бабники и т.д. Твоя судьба, между прочим, в твоих руках. Ты и только ты будешь решать, как тебе жить, каким человеком ты станешь. А потому – прекрати комплексовать, улыбнись и скажи сама себе: «Больше этого никогда не повторится». И твердо выполняй этот завет. И помни всегда: твои самые близкие люди, мама и бабушка, очень переживают за тебя. А они действительно люди очень слабые, и ты должна быть для них жизненной опорой. Ты не можешь их предать – потому что эта рана

может стать для них смертельной.

МОЖНО ЛИ ЕЙ ПОМОЧЬ?

Мне пятнадцать лет. Я хотела бы рассказать о своей подруге, не буду, конечно, писать, как ее зовут. Ей столько же лет, сколько и мне, но выглядит она старше, ей все дают лет семнадцать – восемнадцать. Она живет в хорошо обеспеченной семье, родители ее любят и никогда ей ни в чем не отказывают. Возможно, именно поэтому она всегда была очень избалованной и капризной.

Как-то раз ей взбрело в голову пойти в фирму, которая занимается «услугами досуга» – наверное, все понимают, что под этим имеется в виду. Она поделилась своими планами со мной, и я очень отговаривала ее идти туда. Но она не послушалась: пошла и сказала, что ей уже восемнадцать лет. Паспорта у нее, естественно, никто не спрашивал, а внешне она выглядела на этот возраст. И первый же клиент стал ее первым мужчиной в жизни, до этого она была девственницей.

После этого я почему-то не могу с ней общаться так же, как и раньше. Мне стало просто противно с ней разговаривать! А она, наоборот, гордится своим поступком, ее просто переполняют наглость и вульгарность, на своих одноклассниц она смотрит

вроде как свысока, стала сквернословить...

Однажды я ее спросила: «Скажи честно, зачем ты это сделала? Чего в этом хорошего?» А она мне ответила: «Не знаю даже, просто захотелось испытать чего-то нового и необычного».

Я попыталась ее образумить, но она даже слушать меня не хочет. Или мое мнение для нее совсем не интересно, или всё то, что я пытаюсь ей сказать, говорить уже поздно. Она твердо встала на этот путь.

Можно ли ей как-нибудь помочь? Может быть, ещё не поздно объяснить ей, куда ведет дорога, на которой она стоит?

Оля Л.
г. Владивосток

От редакции. Увы, уважаемая Оля, помочь твоей подруге практически нечем. И дело тут прежде всего в разных жизненных установках. Ты считаешь, что проституция – занятие позорное. Так считает огромное, подавляющее большинство человечества. А твоя подруга, если, конечно, она твердо отдаст себе отчет и осознает, чем она занимается, считает, что в этом, мол, нет ничего особенного, даже интересно. Поэтому что бы ты ей ни говорила, что бы ни пыталась объяснить, – она тебя не поймет. И будет находить в своем занятии даже приятные стороны – а кому не приятно в пятнадцать лет ощущать себя

взрослым, самостоятельным человеком? А она – то ли из-за своего недомыслия, то ли из-за инфантильности характера избалованной девочки – считает, наверное, что ведет интересную жизнь, до которой вам, наивным дурочкам, далеко, как до звезды...

Только звезды эти, увы, светят недолго. Что и говорить, сейчас в нашей стране полным-полно проституток, но ведь огромное большинство их них пошли на панель из-за неустроенности, из-за того, что не могут другим путем заработать себе на жизнь... Твоя подруга – другое дело. Она стала на этот путь из чисто детского любопытства, из желания испытать «что-то новое»... А как она, интересно, будет себя ощущать, когда поймет, что она – не человек, а просто тело, которое используют так, как захотят, с чьими желаниями никто считаться не будет (как у Достоевского – «взял деньги – играй!») и что ее клиенты относятся к ней как к последнему, прости, дерьму? Как к платной подстилке? Когда она это поймет – она, наверное, без всяких твоих уговоров бегом убежит из этой «фирмы досуга». Жаль, кстати, совсем не ее – каждый сам выбирает свою жизнь, свою дорогу. Бог ей судья. Жаль ее родителей, которые могут узнать о том, каким позорным промыслом занимается их любимое избалованное дитя. А тут уж попадает не «занятиями по интересам», а самой настоящей жизненной трагедией.

Геннадий
ФРОЛОВ

ОТЗВУК ПОГОНИ

* * *
Зима ручьями унесла
Свои снега.
Сквозная ранняя весна
Еще тиха.
Сухая грязная трава,
Следы колес.
И слабо брезжит синева
В ветвях берез.
Слегка морозный воздух сыр,
Пусты луга.
И жизнь опять, как этот мир,
Бедна, нага!..

* * *
Ветер дальнего юга
Улицею прошел.
Стало тепло и сухо,
Пыльно и хорошо.

Снова дождавшись лета,
В зелень ушли дома.
Запах земли прогретой
Сводит меня с ума.

Вспыхнули в чаще сада
Желтым огнем цветы.
Много ль для счастья надо,
Ежели счастлив ты?

Много ли надо горя,
Чтобы в глаза взглянуть
Ворону на заборе,
Выпятившему грудь?

Солнце лучом вишневым
Блещет в его пере.
Нежный жених, о чем нам?..
Не о любви ж теперь?

Юность ее отпела,
Крыльями мельтеша.
Слишком тяжелым тело
Стало тебе, душа!

* * *
Правда хорошо, а счастье лучше,
Но порой и в счастья тоска.

Видишь – золотой и тонкий лучик,
Словно бабочка, трепещет у виска.

Может быть, всей жизни оправданье –
Только эта солнечная нить,
Только это легкое дыханье,
О котором трудно говорить.

* * *

Все, что так трудно исправлялось,
То, что навеки зачерпнулось,
Все где-то срока дождалось
И вот опять ко мне вернулось.

Пусть от банальностей не скряться,
Теперь желанья никакого
Нет – на исписанной странице
И одного исправить слова.

* * *

Где в жизнь прорастает искусства
Жестокий и радостный сад,
Нас губит двусмысленность чувства,
Двоякость, двуликость, разлад.

Мир ясен, покуда не назван,
Но, скрывшись за словом моим,
Он форму срывает – и разом
Становится неуловим.

Напрасно, напрасно, напрасно
К нему имена мы опять,
Как ключ, подбираем – опасно
В неведомое проникать.

Вдруг там, за последнею дверью,
Что свет разделяет и тьму,
Таятся такие потери,
Которых не вынести уму?

* * *

Воздух темных аллей, как гранатовый сок.
Под ногой твоей розовеет песок.
Ряд густых тополей тонет в рыжем дыму
И проходит огонь по лицу твоему.
Так по ясному небу проходит гроза!

.....
И в испуге свои отвожу я глаза!

* * *
Ограда. Яблоня за нею.
В бадье зеленая вода.
И все отходит, все бледнеет
И исчезает без следа.

И' исчезает. О, не надо!
Рвануться следом – но куда?
Ни яблони и ни ограды
Не сохранили мне года.

Не сохранили. Нет их больше.
Нигде их нету на земле!
За ливнем давним, за порошею
Они растаяли во мгле.

Они растаяли, как юность,
Что в самолюбье молодом,
И уходя, не обернулась
Ко мне заплаканным лицом.

В ХРАМЕ

Купола ободраны на крыши
Полувекa более назад.
И пылает огненный и рыжий
Меж стропил синеющих закат.
Но внутри, где пасмурно и тихо,
В ясном блеске острого луча
Все видны рука Его и Книга
На покрытых гарью кирпичах.

* * *
С умытых лип струящаяся свежесть,
Скрип тормозов и скрежет на шоссе.
Да! Нет любви. Есть только страсть и нежность!
Огонь в крови и холодок в душе.

Есть две сестры с туманными глазами.
Я их встречал на улицах в Орле.
Весенними сырыми вечерами
Они порой маячили во мгле.

Одну я знал тогда. Другой не знаю
И посеючас. Но знаю, что придет
Еще пора – и в бледный сумрак мая
Она походкой легкою войдет.

Она войдет на краткий миг последний,
Стряхнет с плаща холодную росу,
Вино достанет – и, в ее колени
Упав лицом, я стихну и усну.

* * *
Куда мы торопимся? Кто нас
Уносит?.. Остаться?.. Не смею!
Съедает прожорливый Кронос
Детей обезумевшей Реи.

Ты слышишь ли отзвук погони
Дождей, дребезжащих о крыши?
Вгляни мне в лицо и запомни.
Ты больше его не увидишь.

Запомни усталые руки.
И губы запомни, и плечи.
Свиданье – начало разлуки,
Не «здравствуй» шепчу я при встрече,

«Прощай...» – я шепчу тебе тихо.
Ведь все непрозрачнее воды
За мигом летящего мига,
За годом идущего года.

* * *

Этих дней мятущаяся толочь,
Эти губы, сжатые от боли! –
Если вечно что, так только горечь.
Памяти морозной – и не боле!

Если вечно что, так только сила
Той волны, что носит нас и крутит!
Разве мы забудем то, что было?
Разве сбережем мы то, что будет?

И напрасно плачешь ты, не веря,
От тоски и ярости немея!
Как бы горьки ни были потери,
Обретенья вынести труднее!

И зачем рукой бессильно машешь?
Ведь давно с тобою понимаем:
То, что мы нашли, – еще не наше,
Наше только то, что потеряем.

* * *

Птичий свист не тревожит пространство,
Нет на кладбище ни деревца.
Только бабочка с нежным упрямством
Все кружит и кружит у лица.

Близко так, что касается кожи
Ее крылышек тонкий атлас.
Словно хочет открыть и не может
Мне какую-то тайну о нас.

СМЕРТЕЛЬНЫЕ ГОНКИ

Фантастический роман

Перевод с английского Виктора ВЕБЕРА

Иллюстрации Дмитрия Дьякова

Окончание. Начало в №№ 2 и 3

Часть 2

Глава 24. Агент Лиги

Странный свет на севере погас, далекие раскаты грома утихли, многократно отразившись от стен кратера древнего вулкана. Успокоив запаниковавших лошадей, жители Черного острова приближались в топоте копыт и копоты факелов.

Том поднял руки, закричал:

– Мы – друзья! Не пираты! Путешественники! Из Лондона.

Но всадники не желали слушать, даже если кто-то его и понял. Они весь день охотились за пиратами утонувшей платформы, сумевшими добраться до берега, и после того, что те натворили в рыбацких деревнях на западном берегу, убивали всех без пощады. Вот и теперь они переговаривались на своем языке и на скаку поднимали луки. Стрела вонзилась в землю у ног Тома, заставив его отступить на шаг.

– Мы – друзья! – вновь прокричал он.

Мужчина, скакавший первым, обнажил меч, но другой всадник обогнал его, что-то прокричал на местном языке, потом на английском:

– Мне они нужны живыми!

Том узнал Анну Фанг. Она натянула поводья, спрыгнула на землю, бросилась к Тому и Эстер, полы ее пальто развевались, как красный флаг. Длинный меч в ножнах висел на спине, а на груди Том увидел бронзовый значок в форме сломанного колеса – символ Лиги противников движения.

– Том! Эстер! – Она по очереди обняла их, лучезарно улыбаясь. – Я думала, вы погибли! Я послала Линдстрема и Ясмину, чтобы они отыскали вас, на следующий день после боя на Воздушной Гавани. Они обнаружили ваш воздушный шар в этих ужасных болотах и сказали, что вы умерли, умерли. Я хотела найти ваши тела, но «Дженни» получила серьезные повреждения, и сам город

нуждался в ремонте. А провести его, кроме как на Черном острове, нигде... Но мы помолились за вас и принесли жертвы богам неба. Вы думает, стоит попросить их вернуть жертвоприношения?

Том молчал. Грудь так болела, что он едва мог дышать, не то, чтобы говорить. Опять же значок на груди пилотессы подтверждал правоту Пиви: она – агент Лиги. И теперь он знал цену ее доброты и заразительному смеху.

Обернувшись, она что-то прокричала ждущим всадникам, двое спешились, подвели своих лошадей, в изумлении глядя на труп Шрайка.

– Я должна на короткое время вас покинуть, – объяснила она. – Нужно слетать на север и посмотреть, что там произошло. Островитяне за вами присмотрят. Вы умеете ездить на лошадях?

Том никогда не видел лошади, не то, чтобы сидел на ней, но от боли и шока не мог даже протестовать, когда его подняли, усадили в седло и повезли вниз по склону на маленькой, в густой шерсти лошадке. Он оглянулся и увидел, что Эстер, как обычно, мрачная, едет следом на другой лошади. Потом девушку окружили всадники, и в толпе на улицах караван-сарая он потерял ее из виду. Люди выходили из домов целыми семьями, стояли, глядя на север, между домов кружили пыль и мусор, а над головой висела Воздушная Гавань, один за другим проверяя двигатели.

Тома привели в маленький каменный дом, усадили, и мужчина в черных одеждах и белом тюрбане осмотрел его покрытую синяками грудь.

– Переломы! – радостно возвестил он. – Я – Ибрагим Назгул, врач! У тебя сломаны четыре ребра!

Том кивнул. Грудь ужасно болела, но он уже полагал себя счастливым, потому что остался в живых, и его радовало, что эти люди, сторонники Лиги, совсем не дикари, как он ожидал. Доктор Назгул наложил повязку на грудь, его жена принесла миску с дымящейся тушеной бараниной и покормила Тома с ложечки. По углам комнаты висели фонарики, а дети доктора стояли в дверях и во все глаза смотрели на Тома.

– Ты же герой! – объяснил доктор. – Говорят, ты сразил железного джинна, который мог убить нас всех.

Том сонно моргнул. Он уже забыл про схватку у болота: подробности быстро уходили из памяти, как сон при пробуждении. «Я убил Шрайка, – подумал он. – Да, конечно, один раз он уже умер, все так, но, тем не менее, был личностью. С надеждами, планами, мечтами, а я их растоптал». Он чувствовал себя не героем, а убийцей, и чувство вины и стыд остались с ним и после того, как голова упала на стол рядом с миской, и он заснул.

Его перенесли в другую комнату, уложили на мягкую кровать, а открыв глаза, он увидел за окном синее небо с белыми облаками и золотую полоску солнечного света на белой стене.

– Как себя чувствуешь, победитель Сталкера? – спросил женский голос.

Мисс Фанг стояла у кровати, глядя на него и улыбаясь, прямо-таки ангел на древней картине.

– Все болит, – ответил Том.

– Но путешествовать готов? «Дженни Ганивер» ждет, и я хочу улететь как можно быстрее. Мы сможем поесть после взлета. Я запекла жабу, настоящую жабу.

– Где Эстер? – сонно спросил Том.

– О, она тоже летит.

Он сел, поморщился от острой боли в груди и воспоминаний о случившемся.

– С тобой я никуда не полечу.

Пилотесса рассмеялась, словно услышала отменную шутку, потом поняла, что он говорит серьезно, присела на кровать, озаченно всмотрелась в него.

– Том! Я тебя чем-то обидела?

– Ты работаешь на Лигу! – со злостью ответил он. – Ты – шпионка, такая же, как Валентин. Ты помогала нам только потому, что надеялась побольше вызнать о Лондоне!

Улыбка сползла с лица мисс Фанг.

– Том, я помогала вам, потому что вы мне понравились. И если б ты видел, как твои родители умерли на борту безжалостного мегаполиса, неужели ты не стал бы помогать Лиге в борьбе с муниципальном дарвинизмом?

Она протянула руку, чтобы убрать со лба спутанные волосы, и Том вспомнил, как мать делала то же самое, когда маленьким он тяжело болел. Но значок Лиги по-прежнему украшал грудь мисс Фанг, а рана, нанесенная Валентином, не зарубцевалась: он больше не верил улыбкам и доброте.

– Ты убиваешь людей! Ты утопила Марсель...

– Если б не утопила, он бы атаковал Сто островов, убил и обратил в рабство в сотни раз больше людей, чем погибло от взрыва моей маленькой бомбы.

– И ты задушила... эту... как ее там...

– Султаншу Палау Пинанга? – Улыбка вернулась. – Я ее не душила! Как ты мог в такое поверить? Я просто сломала ей шею. Она позволяла водоплавающим мегаполисам заправляться топливом на ее острове, вот и пришлось от нее отделаться.

Том не понимал, чему тут можно улыбаться. Вспомнил людей Рейленда, лежащих у стенки на причале для воздушных кораблей на Стейнзе, когда мисс Фанг сказала, что они без сознания, но оклемаются.

– Я, возможно, не лучше Валентина, – продолжала она, – но разница между нами есть. Валентин пытался тебя убить, тогда как я пытаюсь сохранить тебе жизнь. Так ты полетишь со мной?

– Куда? – подозрительно спросил Том.

– В Шан Гуо, – ответила она. – Я готова спорить, что между солнцем, вспыхнувшим прошлой ночью, и артефактом олд-тек,

который Валентин забрал у матери Эстер, есть связь. И я узнала, что Лондон направляется к Щиту-Стене.

Том удивился. Неужели лорд-мэр действительно нашел способ прорваться через укрепленную границу Лиги? Если так, это лучшая новость за многие годы! Что же касается Шан Гуо, змеиного гнезда Лиги противников движения, то добропорядочный лондонец если и стремился попасть туда, то лишь в страшном сне.

– Я не намерен помогать тебе в борьбе с Лондоном, – ответил он. – Там мой дом.

– Разумеется, – ответила она. – Но ты не думаешь, что людям, живущим за Стеной, надо дать шанс уйти, если она подвергнется атаке? Я хочу предупредить их о грозящей опасности, и мне нужна Эстер, чтобы она рассказала свою часть этой истории. А Эстер согласна лететь только с тобой.

Том рассмеялся, но боль быстро оборвала смех.

– Я так не думаю! Эстер ненавидит меня!

– Чепуха, – отмахнулась мисс Фанг. – Ты ей очень нравишься. Она всю ночь рассказывала мне, какой ты добрый и какой смелый. Ведь это ты, а не кто-то другой, убил человека-машину.

– Правда? – Том покраснел, но при этом раздужся от гордости. Решил, что никогда ему не привыкнуть к переменчивости настроения Эстер. Тем не менее в этом огромном, зачастую непонятном мире не было у него более близкого друга, и он помнил, как она уговаривала Шрайка не сохранить ему жизнь. И куда бы она ни пошла, ему не оставалось ничего другого, как последовать за ней. Даже к дикарям Лиги, даже в Шан Гуо.

– Хорошо, – кивнул он. – Я полечу с вами.

Глава 25. Историки

В Лондоне идет дождь, нудный затяжной дождь, выливающийся из низких облаков, достаточно сильный, чтобы смыть снег и превратить землю, остающуюся в колеях, в желтую жижу, но не способный загасить пожары на Панзерштадт-Байруте, который по-прежнему пылает, как погребальный костер Титана, на северо-западе.

Магнус Кроум стоит на продуваемой ветром крыше Инженериума и наблюдает за поднимающимся дымом. Подмастерье держит над ним зонтик, позади застыли шесть высоких, неподвижных фигур в таких же резиновых плащах, как и у членов Гильдии инженеров, но черных. Террористов, прорвавшихся прошлой ночью в Инженериум, до сих пор не поймали, а потому меры безопасности усилены. Теперь лорд-мэра всюду сопровождает новая охрана: первая группа Сталкеров, созданных доктором Твикс.

Воздушный корабль-разведчик Гильдии заходит на посадку, опускается на крышу. Доктор Вамбрейс, глава службы безопасности, сбегает по трапу, спешит к лорд-мэру, полы его плаща нещадно треплет ветер.

– Ну, доктор? – Голос Кроума переполнен любопытством. – Что ты видел? Вы смогли приземлиться?

Вамбрейс качает головой.

– Там все горит. Но мы облетели конебейшн на малой высоте и сфотографировали. Верхние палубы расплавились и рухнули на нижние. Похоже, что котлы и запасы топлива взорвались при первом касании нашего энергетического луча.

Кроум кивает.

– Кто-нибудь выжил?

– Какие-то признаки жизни между палуб мы заметили, но в остальном... – За черными очками глаза шефа службы безопасности стекленеют. Он и его люди находятся в неустанным поиске новых и все более изощренных способов убийства, но он до сих пор не может прийти в себя от восторга, который испытал, увидев на улицах и площадях Панзерштадт-Байрута обугленные скелеты, многие из которых не лежали – стояли: взгляд МЕДУЗЫ действительно превращал людей в статуи.

– Ты собираешься вернуться и переработать остатки конебейшна, лорд-мэр? – спрашивает Вамбрейс после короткой паузы. – Пожары через день-другой потухнут.

– Ни в коем разе, – отрезает Кроум. – Мы должны как можно быстрее добраться до Щита-Стены.

– Людям это не понравится, – предупреждает Вамбрейс. – Они одержали победу, теперь хотят воспользоваться ее плодами. Металл и запасные части, которые можно взять с конебейшна...

– Я привел сюда Лондон не ради металла и запасных частей, – прерывает его Кроум. Он стоит у ограждения, идущего по периметру крыши, и смотрит на восток. На горизонте уже видны вершины высоких гор. Торчат, словно неровные зубы. – Мы не можем сбавить ход. Еще несколько дней, и мы будем у Щита-Стены. Я объявил выходной, устраю прием в Холле Гильдий в связи с этим великим событием. Подумай только, Вамбрейс! Новые Охотничьи земли!

– Но Лиге известно о нашем приближении, – предупреждает Вамбрейс. – Они попытаются нас остановить.

Глаза Кроума, яркие и холодные, устремлены в будущее.

– Валентин получил необходимые инструкции. С Лигой он разберется.

Утром, когда Лондон продолжал двигаться на восток, а дым горящего Панзерштадт-Байрута марал небо уже на самом горизонте, Кэтрин шла к лифтовой станции через парк, засыпанный мусором после вечерних праздничных гуляний. Ветер катил по плитам палубы мокрые от дождя китайские фонарики, мужчины в красных комбинезонах Департамента переработки отходов собирали в контейнеры брошенные картонные шляпы и плакаты с надписями «Мы любим Магнуса Кроума» и «Да здравствует Лондон». Собака бросился в погоню за бумажной гирляндой, но Кэтрин резко осадила его, крикнув: «К ноге!» Для игр времени не было.

По крайней мере, в Музее плакаты и гирлянды не развесили. В отличие от остального Лондона, Гильдия историков никогда не спешила восторгаться новыми достижениями Инженеров, и МЕДУЗА не стала исключением. В пыльных тенях выставочных галерей царил траурная тишина, приличествующая гибели огромного города. Лишь с улиц долетали приглушенные звуки, словно толстые занавеси времени отсекали стенды от жизненных реалий. Тишина помогла Кэтрин собраться с мыслями, и, подходя к кабинету Чадли Помроя, она уже четко знала, что должна сказать.

Она не успела поделиться с мистером Помроем сведениями, почерпнутыми в Инженериуме, но он видел, как она потрясена, когда вечером отъезжал от «Клио Хауз». И не удивился, найдя ее и Собаку у дверей своего кабинета.

– Мистер Помрой, – прошептала она. – Я должна с тобой поговорить. Бивис здесь? Он в порядке?

Бивис ждал ее в маленьком, обшитом панелями кабинете, в костюме подмастерья Гильдии историков; в тусклом желтоватом свете музейных ламп его лысый череп казался хрупким, как яйцо. Она хотела подбежать к нему, обнять, извиниться за все беды, которые из-за нее обрушились на него, но Бивиса окружал с десяток Историков, устроившихся на подлокотниках кресел и даже на столе Помроя. Все они с укоризной смотрели на Кэтрин, и ее вдруг охватил страх: неужто Помрой ее предал?

– Не волнуйся. – По голосу Помроя чувствовалось, что он прочитал ее мысли. – Раз уж подмастерью Поду предстоит на какое-то время стать гостем Музея, я подумал, что нужно представить ему моих коллег-Историков, устроившихся на подлокотниках кресел и даже на столе Помроя. Все они с укоризной смотрели на Кэтрин, и ее вдруг охватил страх: неужто Помрой ее предал?

Историки раздвинулись, дабы она смогла сесть рядом с Бивисом.

– Как ты? – спросила она, и при виде его нервной улыбки у нее чуть отлегло от сердца.

– Нормально, – прошептал он. – Тут так странно. Везде дерево, старинные вещи. Но Историки такие хорошие...

Кэтрин огляделась. Конечно же, она всех знала: доктора Аркенгарта, доктора Каруну, профессора Пьютертайда, молодую мисс Поттс, Нормана Нанкэрроу, из отдела гравюр и картин, мисс Плим, которая всхлипывала, промокая глаза носовым платком.

– Мы говорили об уничтожении Панзерштадт-Байрута. – Помрой сунул ей в руки кружку горячего какао. – Этой ужасной МЕДУЗОЙ.

– А все остальные думают, что это прекрасно, – с горечью воскликнула Кэтрин. – Я слышала, как они кричали и кричали: «Молодчина, Кроум! Молодчина, Кроум!» Их не съели, но... Не думаю, что мы спасем этот город, целый мегаполис.

– Это трагедия! – согласился Бивис. – Я слышала, как они кричали и кричали: «Молодчина, Кроум! Молодчина, Кроум!» Их не съели, но... Не думаю, что мы спасем этот город, целый мегаполис.

– Да кого волнует твоя керамика, Аркенгарт! – воскликнул Помрой, видя, как расстроена Кэтрин. – Ты посмотри, что случилось с Панзерштадт-Байрутом? Сгорел дотла!

– Вот к чему приводит одержимость Инженеров олд-тек! – вставил профессор Пьютертайд. – Нам бы учиться на опыте бесчисленных столетий истории, а их интересуют только эти машины!

– И чего достигли Древние со своими машинами? – поддержал его Аркенгарт. – Отравили всю планету, а потом уничтожили себя! Остальные согласно закивали.

– На Панзерштадт-Байруте был прекрасный музей, – заметил доктор Каруна.

– Помнится, их экспозиция славилась великолепными картинами, – согласился Нанкэрроу.

– И уникальной к-кабинетной мебелью тридцатого с-столетия! – взывала мисс Плим и, заливаясь слезами, уткнулась в костлявое плечо Аркенгарта.

– Ты уж извини бедную Мойру, – прошептал Помрой. – Этим утром она получила ужасную весть. Кроум приказал отправить нашу коллекцию мебели в топку. В результате этой безумной гонки на восток возник дефицит топлива.

Кэтрин в этот момент не заботила ни судьба музейной мебели, ни керамики, но настроение у нее чуть улучшилось. Все-таки не ее одну ужасали действия лорд-мэра. Глубоко вдохнув, она рассказала о том, что услышала в Инженериуме. О МЕДУ-ЗЕ и следующем этапе великого плана Кроума: атаке на Щит-Стену.

– Но это же кошмар, – прошептали они, когда она замолчала.

– Шан Гуо – страна древней и великой культуры, независимо от того, правит там Лига противников движения или нет. Батманкх-Гомпу нельзя просто взять и взорвать...

– Городские храмы!

– Керамика!

– Молельные колеса...

– Картины по шелку...

– М-м-мебель!

– Подумайте о людях! – зло воскликнула Кэтрин. – Мы должны что-то сделать!

– Да! Да! – согласились они, а потом устали на нее. После двадцати лет правления Кроума они и представить себе не могли, как и чем противостоять Гильдии инженеров.

– Но что мы можем? – наконец спросил Помрой.

– Сказать людям о том, что происходит! – воскликнула Кэтрин.

– Ты – действующий глава Гильдии историков. Собери заседание Совета. Объясни, что так жить нельзя!

Помрой покачал головой.

– Они не поймут, мисс Валентин. Ты слышала, сколько вчера было радости.

– Только потому, что Панзерштадт-Байрут намеревался нас съесть! Когда они узнают, что Кроум собирается использовать это оружие против другого мегаполиса...

– Они еще больше возрадутся, – вздохнул Помрой.

– Другие Гильдии возглавляют его сторонники, – напомнил доктор Каруна. – Преподанных великих гильденмейстеров больше нет. Они или умерли, или на пенсии, или арестованы по его приказу. Даже наши подмастерья интересуются олд-тек ничуть не меньше Инженеров, особенно после того, как Кроум поставил своего человека, Валентина, во главе Гильдии. Только не обижайся, мисс Валентин...

– Отец – не человек Кроума, – с жаром возразила Кэтрин. – Я в этом уверена! Если бы он знал о планах Кроума, то не стал бы ему помогать. Возможно, его и отправили с разведывательной миссией, чтобы он не смог им помешать. Вернувшись и узнав, что происходит, он попытается остановить это безумие. Видите ли, это он нашел МЕДУЗУ. И придет в ужас, увидев, скольким людям она принесла смерть. Попытается заглазить свою вину, я в этом уверена!

Она говорила так страстно, что некоторые Историки ей поверили, даже доктор Каруна, которого обошли с повышением, назначив гильденмейстером Валентина. Что же касается Бивиса Подда, то он смотрел на нее сияющими глазами, переполненный чувством, которому не знал названия: в классах-лабораториях этому его не учили. Но по телу бежали мурашки.

Помрой заговорил первым.

– Я надеюсь, что ты права, мисс Валентин. Потому что он – единственный, кто может противостоять лорд-мэру. Мы должны дождаться его возвращения.

– Но...

– А пока мы сошлись на том, что мистер Под останется в нашем Музее. Он сможет спать в старой галерее транспорта и помогать доктору Нанкэрроу составлять каталог произведений искусства. Если Инженеры устроят на него охоту, мы найдем, где его спрятать. Я понимаю, для Кроума это не удар. Но, пожалуйста, пойми, Кэтрин, мы старые, напуганные и, по большому счету, ничего не можем.

Глава 26. Батманкх-Гомпа

Мир менялся. В этом Том не находил ничего удивительного: прежде всего подмастерью-историку объясняли, что переменчивость мира – постоянная составляющая реальности, но теперь он менялся так быстро, что человек мог видеть эти перемены. Глядя из рубки «Дженни Ганивер» на равнины восточного региона Охотничьих земель, Том наблюдал, как разбегались в разные стороны города, напуганные случившемся на севере, разбегались от черного столба дыма, на полной скорости, на гусеницах или колесах, даже не думая о том, чтобы пожирать друг друга.

– МЕДУЗА, – услышал он шепот мисс Фанг. – Она смотрела на дым, в котором мелькали красные языки пламени.

– Что такое МЕДУЗА? – спросила Эстер. – Ты что-то знаешь, не так ли? Знаешь, из-за чего убили моих мать и отца?

– Боюсь, что нет, – ответила пилотесса. – Хотела бы знать. Но однажды я слышала это название. Шесть лет назад одному агенту Лиги удалось пробраться в Лондон, выдав себя за матроса команды воздушного корабля, имеющего лицензию на посадку в Лондоне. Он раскопал что-то интересное, но мы так и не узнали, что именно. Лига получила от него только одно сообщение, из двух слов: «Берегитесь МЕДУЗЫ». А потом Инженеры поймали его и убили.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что они прислали нам его голову, – ответила мисс Фанг. – Наложным платежом.

В тот вечер она посадила «Дженни Ганивер» на один из убегающих городов, уважаемый четырехпалубный Перипатетиаполис, который спешил на юг, к горам, расположенным за Кхазакским морем. В гавани для воздушных кораблей они узнали новые подробности случившегося с Панзерштадт-Байрутом.

– Я это видел! – рассказывал один из пилотов. – Я находился в ста милях, но все видел. Язык огня протянулся с Верхней палубы Лондона, неся смерть всему, к чему прикасался.

– Лондон откопал какое-то оружие времен Шестидесятиминутной войны, – заявил им какой-то археолог. – Американская империя тех времен просто обезумела. Я слышал истории о разработанных там ужасных машинах уничтожения: квантовых энергетических лучах, которые черпали энергию из источников, расположенных вне реальной вселенной....

– Кто теперь решится противостоять им, когда Магнус Кроум может сжечь любой мегаполис, отказывающийся выполнить его приказ? – спросил охваченный паникой перипатетиаполисский торговец. – «Подъезжайте ко мне, чтобы я мог вас съесть», – скажет нам Лондон, и придется подъезжать. Это конец нашей цивилизации! Опять!

Но в случившемся нашлась и светлая сторона: на Перипатетиаполисе вдруг вспыхнула любовь к лондонским деньгам Тома. Импульсивно он купил красную шелковую шаль, чтобы заменить шарф, которую потеряла Эстер в ту далекую ночь, когда он гнался за ней в Брюхе.

– Это мне? – изумилась она, когда он протянул ей шаль. Эстер не помнила, чтобы кто-то ей что-то дарил. Она практически не разговаривала с ним после того, как они покинули Черный остров, стыдясь своих слов, брошенных в лицо Тому после смерти Шрайка. – Спасибо тебе. И я должна поблагодарить тебя за то, что ты спас мне жизнь. Хотя и не знаю, стоило ли беспокоиться.

– Я знал, что в душе ты не хочешь становиться Сталкером, – ответил Том.

– Я хотела, – возразила она. – Тогда многое бы упростилось. Но ты поступил правильно. – Она отвернулась, смущенная, посмотрела на шаль, которую держала в руках. – Я стараюсь держать себя в руках. До тебя никто и никогда не выказывал доброго отношения ко мне, для меня это внове. Вот я и пытаюсь тоже быть доброй и пушистой, как тебе того хочется, но потом ловлю свое отражение в зеркале или думаю о нем, и все идет наперекосяк, в голове остаются только мысли об убийстве, я кричу на тебя и стараюсь причинить боль. Извини.

– Да ладно тебе. – Том тоже чувствовал себя не в своей тарелке. – Я понимаю. Все нормально.

Он взял шаль и повязал ей на шею, но, как он и ожидал, она тут же подтянула ее выше, чтобы прикрыть рот и нос. Тому вдруг стало грустно; он привык к обезображенному лицу Эстер, знал, что ему будет недоставать ее перекошенных улыбок.

Они взлетели до рассвета, пересекли цепь высоких холмов, сверху напоминающих скомканную коричневую бумагу. Весь день земля поднималась и поднималась, и скоро Том понял, что Охотничьи земли остались позади. К вечеру «Дженни Ганивер» летела над территорией, по которой не смог бы проехать ни один город. Он видел дремучие леса, в которых изредка встречалась неподвижная деревня, прилепившаяся к раскорчеванным полям. Однажды они увидели поселение на вершине горы, к которому со всех сторон, словно спицы колеса, подходили дороги. Настоящие дороги с движущимися по ним вниз и вверх телегами и яркими молевыми флагами на перекрестках. Он не отрывал глаз от этих дорог, пока они не скрылись из виду. На уроках истории о дорогах ему рассказывали, но он никогда не думал, что увидит хотя бы одну.

На следующий день Анна Фанг протянула своим пассажирам по шарик красной пасты.

– Это порошок из растертых орехов бетеля, смешанный с высушенными листьями из Нуэво-Майя. Помогает на больших высотах. Но жевать постоянно не советую, а не то зубы у вас станут такими же красными, как у меня.

От шариков во рту пощипывало, однако чувство тошноты и головокружение, которые появились и усиливались по мере того, как воздушный корабль поднимался все выше и выше, пропали. Притупилась и боль в сломанных ребрах.

Уже тень «Дженни Ганивер» скользила по искрящимся льдом и снегом вершинам, а впереди поднимались еще более высокие горы, белые пики которых пронзали облака. Том, прищурившись, смотрел на юг, в надежде увидеть Чомолунгму, Эверест Древних, но в высоких Гималаях бушевала пурга, и горы затаило облаками.

Три дня они летели в черно-белом мире снега, ледников и скалистых молодых гор. Иногда Анна на час-другой передавала управление кораблем Тому или Эстер, дольше боялась, и спала

прямо в рубке. Они поднимались и поднимались и, наконец, обогнули Зан Шан, высочайшую из новых гор Земли, чья снежная вершина терялась в бесконечной выси далеко за облаками. Потом пики стали ниже, кое-где начали появляться зеленые долины, в которых паслись огромные стада. При звуке двигателей воздушного корабля животные в испуге разбежались в разные стороны. Теперь они летели над Небесными горами, которые уходили на север и на восток, чтобы уступить место степям, тайге и непроходимым болотам.

– Эти луга – рай для лошадей. – Анна Фанг вздохнула. – Я надеялась поселиться здесь, выйдя в отставку, закончив служение Лиги. Но теперь, возможно, все это съест Лондон. МЕДУЗА уничтожит наши крепости, наши города превратят в руины, зеленые холмы разроют, чтобы добыть из-под них полезные ископаемые, лошадей уничтожат, как и во всем мире.

Том полагал, что это не самый плохой вариант развития событий, распространение Движущихся городов по всему земному шару – естественный ход истории. Но ему нравилась мисс Фанг, пусть она была шпионкой и работала на Лигу противников движения, вот он и попытался успокоить ее.

– Какой бы могучей ни была МЕДУЗА, Лондону потребуется много лет, чтобы прорваться через эти горы.

– Отнюдь, – возразила она. – Взгляни.

Он посмотрел в указанном направлении и увидел широкий проход между горами, по которому мог проехать мегаполис. Лишь в одном месте проход перегораживало что-то огромное. С первого взгляда Тому показалось, что это горный отрог, но потом он понял, что перед ним Щит-Стена.

Она возвышалась, словно стена ночи, сложенная из гигантских блоков вулканического камня, укрепленная ржавеющими палубными плитами мегаполисов, которые посмели бросить ей вызов и были уничтожены огнем сотен ракетных батарей, установленных на западном склоне. На запорошенном снегом гребне стены, в четырех тысячах футов от подножия, развевались на ветру знамя со сломанным колесом, блестели под солнцем броня орудийных позиций и стальные шлемы солдат Лиги.

– Если бы она была такой крепкой, как кажется, – вздохнула пилотесса, по широкой дуге направив «Дженни Ганивер» вниз. Маленький летательный аппарат, воздушный змей с мотором, поднялся им на встречу, по радио Мисс Фанг обменялась несколькими словами с пилотом. Воздушный змей облетел «Дженни Ганивер» и лег на обратный курс, указывая путь на другую сторону стены. Том смотрел на мощные укрепления, расположенные на гребне, задранные к небу желтые, черные, коричневые, белые лица солдат, собравшихся со всего мира, из тех мест, где варвары, жители неподвижных поселений, еще противостояли муниципальному дарвинизму. Потом они исчезли, «Дженни Ганивер» начала спускаться вдоль восточного склона Стены, и он увидел, что

того город, огромный вертикальный город с сотнями террас, балконов и окон, вырубленных в черном камне, ярус за ярусом, магазинов, казарм и домов, с яркими воздушными шарами и змеями, курсирующими вверх-вниз.

– Батманкх-Гомпа, – объявила мисс Фанг. – Город Вечной силы. Разумеется, люди, которые его так называли, не слышали и МЕДУЗЕ.

Он прекрасен, подумал Том, которого учили, что неподвижные поселения – грязные, вонючие, отсталые. Он стоял у окна и смотрел во все глаза, рядом с ним прижалась к стеклу Эстер, спрятавшая лицо под шалью и очень женственная.

– Ой! Так похоже на скалы на Дубовом острове, где гнездились морские птицы! – воскликнула она. – Посмотри! Посмотри! – Она указала на лазурное озеро у основания Стены, на котором яркими пятнами выделялись прогулочные яхты. – Том, мы сможем там поплавать. Я тебя научу...

«Дженни Ганивер» приземлилась среди других торговых кораблей на террасе-причале, расположенной на высоте примерно двух тысяч футов, и мисс Фанг повела Тома и Эстер к ожидающему воздушному шару. Они полетели вверх, мимо парков и чайных, к губернаторскому дворцу, древнему монастырю, от которого Батманкх-Гомпа и получил свое название, с побеленным фасадом, множеством окон, вырубленному в отвесном склоне горы, примыкающей к Стене. Другие воздушные шары спешили к причальной площадке, расположенной чуть ниже садов дворца, их баллоны ярко сверкали в горном солнечном свете. В одной из корзин Том увидел машущего рукой капитана Ххору.

Они встретились на причальной площадке. Молодой пилот приземлился чуть раньше и подбежал к ним, чтобы обнять мисс Фанг и помочь ее друзьям вылезти из корзины. Он улетел из Воздушной Гавани наутро после схватки со Шрайком и страшно обрадовался, увидев Эстер и Тома живыми и невредимыми. Потом повернулся к пилотессе.

– Губернатор и его офицеры ждут твоего доклада, Фенг Хуа. До нас дошли ужасные слухи о Лондоне...

«До чего приятно, когда по прибытии в огромный незнакомый город тебя встречает друг», – подумал Том, пристраиваясь к Ххоре, который повел их по длинной лестнице, ведущей к дверям дворца. Он вспомнил, что видел изящный «Акебе 2100», стоящий на якоре на одной из нижних террас и спросил:

– Это твой корабль мы видели у одного из причалов, с аутригемами, обтянутыми воловьими шкурами?

Ххора добродушно рассмеялся.

– Эта старая воздушная корова? Нет, слава богам! Мой «Моке-ле Мбембе» – военный корабль, Том. Все союзники Лиги посылают корабли для Северного воздушного флота, и базируются они в одном месте, вон там. – Он остановился, поднял руку. Том пос-

мотрел в указанном направлении и увидел сверкающие бронзовые ворота у самого гребня Стены. – Это Высокое гнездо.

– Мы тебе его покажем, Том, – пообещала мисс Фанг, ведя их мимо монахов-воинов, охранявших двери в лабиринт прохладных каменных коридоров. – Великие воздушные истребители Лиги – одно из небесных чудес. Но сначала губернатор Хан должен выслушать рассказ Эстер.

Длинным, печальным лицом губернатор Эрмен Хан, худощавый старик, напоминал доброго барана. Он пригласил их в личные апартаменты, угостил чаем и медовыми пирожными. Из круглых окон комнаты открывался прекрасный вид на озеро Батманкх Нор, простирающиеся за ним поля. Тысячу лет его семья участвовала в защите Щита-Стены, и его потрясло известие о том, что теперь все орудия и ракеты превратились в детские хлопушки.

– Ни один мегаполис не сможет миновать Батманкх-Гомпу, – говорил он, пока комнату заполняли его офицеры, которым не терпелось услышать доклад пилотессы. – Моя дорогая Фенг Хуа, если Лондон попытается приблизиться к нам, мы его уничтожим. Как только он окажется в пределах досягаемости – бум!

– Но именно об этом я и толкую! – нетерпеливо воскликнула мисс Фанг. – Лондону нет нужды приближаться к Стене так близко, чтобы его достали ваши орудия и ракеты. Кроум остановит свой мегаполис в сотне миль отсюда и сожжет вашу драгоценную Стену дотла. Я уверена, что машина, которую Валентин украл у матери Эстер, – фрагмент древней боевой установки, а случившееся с Панзерштадт-Байрутом доказывает, что Гильдии инженеров удалось воссоздать эту установку.

– Да, да, – покивал офицер-артиллерист, – ты так говоришь. Но можем ли мы поверить, что Кроуму действительно удалось вернуть из небытия боевую машину времен Шестидесятиминутной войны? Может, гибель Панзерштадт-Байрута – трагическая случайность?

– Да! – Губернатор Хан с надеждой ухватился за эту идею. – Падение метеорита, утечка газа... – Он погладил длинную бороду, живо напомнив Тому одного из стариканов-историков в Лондонском музее. – Может, мегаполис Кроума направляется вовсе и не сюда... Может, он нацелился на другую дичь?

Но остальные его офицеры склонялись к тому, чтобы верить Цветку Ветра.

– Он направляется сюда, это точно, – заявила одна из них, пилотесса из Кералы, возрастом чуть старше Тома. – Позавчера я посылала корабль-разведчик на запад, Фенг Хуа. – Она с обожанием посмотрела на мисс Фанг. – Варварский мегаполис находился в пятистах милях отсюда и быстро сокращал разделявшее нас расстояние. Завтра вечером МЕДУЗА сможет взять нас на мушку.

– И в горах замечен черный воздушный корабль, – добавил капитан Кхора. – Корабли, посланные на перехват, не верну-

лись. По моему разумению, это «Лифт на тринадцатый этаж» Валентина. Должно быть, он получил задание узнать, где расположены наши большие города, чтобы потом Лондон смог их уничтожить.

Валентин! При мысли о том, что Главный историк находится в сердце Шан Гуо, Том почувствовал страх и гордость. Услышав имя своего заклятого врага, Эстер разом подобралась. Том глянул на нее, но она смотрела в открытое окно, на горы, будто ожидала увидеть проплывающий над ними «Лифт на тринадцатый этаж».

– Ни один Движущийся город не сможет пройти Щит-Стену, – отчеканил губернатор Хан, верный своим предкам, но убежденности в собственной правоте в голосе поубавилось.

– Вы должны поднимать воздушный флот, губернатор, – настаивала мисс Фанг. – Разбомбите Лондон до того, как Щит-Стена окажется в пределах досягаемости МЕДУЗЫ. Это единственная возможность.

Нет! – вскричал Том, так быстро вскочил, что стул отлетел назад и упал. Он не верил своим ушам. – Ты сказала, что мы летим сюда, чтобы предупредить людей! Нельзя атаковать Лондон. Погибнут его жители! Ни в чем не повинные! – Он думал о Кэтрин. Представил себе, как ракеты Лиги взрываются в «Клио Хауз», в Музее. – Ты обещала! – с мольбой добавил он.

– Фенг Хуа ничего не обещает дикарям, – фыркнула пилотесса из Кералы, но мисс Фанг взглядом заставила ее замолчать.

– Мы нанесем удар только по гусеницам и Брюху, Том. Потом по Верхней палубе, где находится МЕДУЗА. Мы не стремимся причинить вред простым людям, но что еще нам остается, если варварский мегаполис идет на нас войной?

– Лондон – не варварский мегаполис! – прокричал Том. – Если кто варвары, так это вы! Почему Лондону не съесть Батманкх-Гомпу, если ему того хочется? А если вам это не нравится, давно бы поставили ваши города на колеса, как все цивилизованные народы!

Послышались возмущенные крики, пилотесса из Кералы выхватила меч, но мисс Фанг успокоила их несколькими словами и повернулась к Тому.

– Полагаю, тебе лучше уйти, Томас. Я найду тебя позже.

Слезы жгли глаза Тома. Он жалел этих людей, естественно, жалел. Видел, что совсем они и не дикари, не верил, что их единственный удел – пойти на корм Лондону, но он не мог сидеть и слушать, как они разрабатывают планы нападения на его дом.

Он повернулся к Эстер в надежде, что она возьмет его сторону, но девушка ушла в собственные мысли, ее пальцы ощупывали шрам под красной шалью. Она испытывала чувство вины. Потому что в «Дженни Ганивер», рядом с Томом, душа ее пела от счастья, но о каком счастье могла идти речь, когда Валентин оставался безнаказанным? А еще ощущала себя круглой душой. Когда Том подарил ей шаль, в ней проснулась надежда – а вдруг она

действительно нравится ему? – но одного упоминания имени Валентина хватило, чтобы она вновь осознала очевидное: с таким лицом она никому не может понравиться, никому и никогда. И заметив, что он смотрит на нее, Эстер ответила:

– Я не буду печалиться, даже если они перебыют все население Лондона, но при одном условии: Валентин – мой.

Том развернулся и выскочил из покоев губернатора. Прежде чем дверь захлопнулась за его спиной, он услышал крик пилотессы из Кералы: «Варвар!»

Оставшись один, он вышел на террасу, где ждали воздушные такси, сел на каменную скамью, страшно злой, чувствуя себя преданным. Он думал о том, что мог бы сказать мисс Фанг, да только понимал, что после драки кулаками не машут. Под ним уходили вниз крыши и ярусы Батманкх-Гомпы, города, полностью заполнившего широкий проход между двумя белыми горами. Поневоле Том задался вопросом: а каково жить в таком городе, день за днем, просыпаясь, видеть из окна один и тот же вид? Неужели жителям Щита-Стены не хотелось постоянно пребывать в движении, наслаждаться вечно меняющимся ландшафтом? Как они засыпали без убаюкивающего гудения двигателей? Любили ли свой город? И внезапно на него навалилась грусть. Неужто этот бурлящий, колоритный древний город в самом скором времени превратится в руины, которые гусеницы Лондона размолотят в пыль?

Ему захотелось осмотреть город. Он подошел к ближайшему воздушному такси, знаками и словами сумел объяснить пилоту, что он – гость мисс Фанг и хочет спуститься в город. Мужчина заулыбался и начал наполнять корзину камнями, беря их из пирамиды, сложенной рядом. Скоро Том вновь плыл вдоль городских ярусов, пока пилот не высадил его на некоем подобию центральной площади. Десятки воздушных такси взлетали и садились на нее, лестница тянулась в обе стороны, поднимаясь к Высокому гнезду и спускаясь к подножию Щита-Стены.

Весть о МЕДУЗЕ быстро распространилась по Батманкх-Гомпе, и многие магазины закрылись, дома опустели, а их хозяева направились в города, расположенные южнее. Но на нижних ярусах людей все равно хватало и, пока солнце переваливало через Щит-Стену, Том бродил по запруженным толпой базарам, улицам, лестницам. На перекрестках стояли будки предсказателей судьбы и часовни богов неба, посеревшие от пепла сгоревших палочек с благовониями. На центральной площади Том какое-то время смотрел на представление акробатов-уйгуров, и везде он видел солдат и пилотов Лиги: светловолосых гигантов со Шпицбергена, черных воинов с Лунных гор, людей с кожей цвета огня из анклавов Лиги в джунглях Лаоса и Аннама.

Он пытался забыть, что в самом скором времени некоторые из них будут сбрасывать ракеты на Лондон, и начал наслаждаться калейдоскопом лиц и смешанных языков. Иногда слышал, как

кто-то говорил: «Том!» или «Томаз!» или «Тао-ма!», указывая на него своим друзьям. История о поединке со Шрайком распространилась по горам от одного торгового города к другому и добралась до Батманкх-Гомпы раньше него. Он не возражал. Только ему казалось, что говорят они о другом Томасе, сильном и отважном, который всегда знал, что надо делать, и никогда не испытывал никаких сомнений.

Он уже задался вопросом – а не пора ли вернуться в дворец губернатора и найти Эстер? – когда заметил высокого мужчину, поднимающегося по одной из лестниц. В потрепанной красной тунике с клобуком, низко опущенным на лицо, с посохом в одной руке, другой он придерживал висящий на плече рюкзак. Том уже видел в Батманкх-Гомпе десятки таких вот странствующих святых людей: монахов, которые служили богам гор и путешествовали из города в город через высокие перевалы (на причале Анна Фанг встала на колени, чтобы поцеловать ноги одного из них, а потом дала ему шесть бронзовых монет, чтобы он благословил «Дженни Гинивер»). Но этот мужчина отличался от остальных. Что-то в нем привлекло Тома и не позволило отвести взгляд.

Он двинулся за ним. Вслед за монахом пересек ярмарку пряностей с тысячами удивительных, необычных запахов, прошел по узкой улице Ткачей, где сотни корзин висели на длинных палках, едва не задевая за голову, когда он проходил под ними. Что же заинтересовало его в походке этого мужчины, в длинной руке, сжимающей посох?

А потом под фонарем на центральной площади монаха остановила девушка, попросив благословения, и Том увидел бородатое лицо, на мгновение показавшееся из-под клобука. Узнал этот крючковатый нос и светлые глаза. Понял, что амулет, висящий меж черных бровей, призван скрыть татуировку – знакомый символ Гильдии историков Лондона.

Он преследовал Валентина!

Глава 27. Доктор Аркенгарт вспоминает

В эти дни, когда Лондон продолжал мчаться к горам, Кэтрин проводила в Музее много времени. В сумрачном лабиринте галерей она не слышала ни визга пил, которые спиливали последние деревья в Круговом парке, чтобы отправить их в толки двигателей, ни радостных криков толпы, каждый день собиравшейся у информационных экранов, чтобы послушать новые подробности великого плана Кроума, который наконец-то стал достоянием общественности. В Музее она могла даже забыть про службу безопасности Гильдии инженеров: Лондон наводнили не только привычные громилы в белых плащах, но и какие-то новые, в черном, с замедленными движениями, с зеленоватым свечением, вырывающимся из-под тонированных щитков, прикрывавших лицо: Воскрешенные люди доктора Твикс.

Но если уж говорить откровенно, не только умиротворенность и покой Музея заставляли ее приходить туда. Там был Бивис, которого устроили на ночлег в старой транспортной галерее, под покрытыми пылью моделями планеров и аэропланов. По мере продвижения Лондона на восток она стремилась подольше бывать с ним. Ей нравилось, что он – ее секрет. Ей нравился его мягкий голос, его странный смех. Казалось, он пробовал его на вкус, словно в Нижнем Брюхе смеяться ему не приходилось. Ей нравилось, как он смотрит на нее, его глаза не отрывались от ее лица, а особенно – от волос.

– Прежде у меня не было знакомых с волосами, – как-то признался он ей. – В Гильдии, как только мы становимся подмастерьями, головы обрабатывают специальным химическим составом, и волосы больше не растут.

Кэтрин думала о его бледном лысом черепе. Он ей нравился. Пожалуй, даже шел Бивису. Неужели это и называлось «влюбиться»? Неужели это не большое, удивительное чувство, которое обрушивалось на тебя, как в книгах, а медленно, постепенно нарастающее, пока как-то утром ты не просыпаешься, обнаружив, что неожиданно для себя ты по уши влюблена в подмастерье-инженера?

Ей очень хотелось, чтобы отец был рядом и ответил на волнующие ее вопросы.

Во второй половине дня, надев одежду подмастерья-историка и прикрыв лысый череп шапкой, Бивис спускался вниз к доктору Нанкэрроу, который заново составлял каталог огромной коллекции картин и рисунков Музея и фотографировал их на случай, если лорд-мэр прикажет отправить в топку и их. Кэтрин в это время ходила по Музею с Собакой у ноги, выискивая экспонаты, найденные ее отцом. Стиральные машины, части компьютера, ржавую грудную клетку Сталкера. У каждого стояла табличка: «Найдено мистером Валентином, археологом». Она могла представить себе, как осторожно он выкапывает их из земли, в которой они пролежали многие столетия, заворачивает в холст для транспортировки в Лондон. «Должно быть, точно так же он поступил и с фрагментом МЕДУЗЫ, когда нашел его», – подумала она. Помолилась Клио, в полной уверенности, что богиня живет в этих пропитанных временем стенах, шепча: «Он нужен Лондону! Пожалуйста, помоги ему вернуться домой невредимым и поскорее...»

Но не Клио – Собака привел ее в тот вечер в отдел Естественной истории. Он увидел чучела животных в дальнем конце коридора и, глухо рыча, затрусил к ним, чтобы рассмотреть поближе. Старый доктор Аркенгарт, который как раз шел домой, испуганно попятился, но Кейт успокоила его.

– Не волнуйтесь, доктор! Он не кусается! – Она присела рядом с Собакой, подняв голову, посмотрела на акул и дельфинов под потолком, на огромного кита, которого сняли с тросов – под воздействием вибрации он мог их оборвать – и поставили к дальней стене.

— Печалит, не правда ли? — Доктор Аркенгарт обожал читать лекции. — Синий кит. Уничтожен охотниками в первой половине двадцатого столетия. А может, двадцатого. Сведения путаные. Мы бы никогда не узнали, как он выглядел, если бы миссис Шоу не раскопала его окаменевшие кости.

Кэтрин думала о чем-то другом, но упоминание фамилии «Шоу» заставило ее прислушаться. Она посмотрела на коричневые кости, лежащие на выставочном стенде, на который указывал доктор Аркенгарт и прочитала на табличке: «Кости синего кита, найдены миссис П. Шоу, независимым археологом».

«Пандора Шоу, — подумала Кэтрин, вспомнив запись в каталоге Музея. — Не Эстер. Разумеется, нет». И лишь для того, чтобы отвлечь доктора Аркенгарта от продолжения лекции, спросила:

— Ты ее знал? Пандору Шоу?

— Миссис Шоу? Да, конечно, — кивнул старик. — Очаровательная женщина. Археолог жила на Открытой территории, подруга твоего отца. Конечно, в те дни у нее была другая фамилия — Рей...

— Пандора Рей? — Кэтрин знала, о ком речь. — Значит, она помогла отцу во время его экспедиции в Америку! Я видела ее фотографию в его книге!

— Совершенно верно. — Аркенгарт нахмурился, недовольный тем, что его прервали. — Археолог, как я и сказал. Она специализировалась на олд-тек, но если находила что-то еще, привозила нам, как эти кости кита. Потом она вышла замуж за этого парня по фамилии Шоу и переселилась на маленький остров в Западном океане. Бедняжка. Такая трагедия. Ужасная трагедия.

— Она умерла, не так ли? — спросила Кэтрин.

— Ее убили! — Доктор Аркенгарт выразительно вскинул брови. — Шесть или семь лет назад. Мы узнали об этом от другого археолога. Убили в собственном доме, ее и мужа. Кошмар. Дорогая, что с тобой? Ты так побледнела, словно увидела призрака!

Кэтрин действительно стало нехорошо. Перед ее мысленным взором внезапно все сегменты картинки-головоломки сложились в единое целое. «Пандору Шоу убили шесть или семь лет назад, в то самое время, когда отец нашел этот артефакт олд-тек... Пандора — пилотесса, археолог, женщина, побывавшая с ним в Америке, когда он нашел чертежи МЕДУЗЫ. А теперь девушка по фамилии Шоу хочет убить отца...»

Она едва могла говорить, но все-таки выдавила из себя вопрос:

— У нее был ребенок?»

— Думаю, да, думаю, был. — Старик на мгновение задумался. — Да, я помню, миссис Шоу однажды показывала мне фотографию младенца, когда привозила керамику для моего отдела. Прекрасные экспонаты. Ваза эпохи Электрической империи, одна из лучших в нашей коллекции...

— Вы помните, как ее звали?

— Да, одну минуту... если не ошибаюсь, EE27190.

– Я не про вазу! Ребенка!

Голос Кэтрин эхом прокатился по галерее. Доктор Аркенгарт даже вздрогнул, потом на лице отразилась обида.

– Мисс Валентин, совсем не обязательно так кричать! Как я могу помнить имя ребенка? Фотографию она показывала мне пятнадцать или шестнадцать лет назад, и я никогда не любил детей. Несносные существа, писаются, какаются, не питают никакого уважения к керамике. Но, как мне кажется, этого звали Этти, или Элли, или...

– Эстер! – Из груди Кэтрин вырвалось рыдание, она повернулась и побежала, Собака не отставал ни на шаг, побежала, не зная куда, поскольку не было места, где она могла скрыться от ужасной правды. Она узнала, как отец добыл ключевой элемент МЕДУ-ЗЫ и почему никогда об этом не говорил. Узнала она и причину ненависти Эстер Шоу к отцу.

Глава 28. Чужак в Небесных горах

Рука Валентина выводила сложные пассы над склоненной головой девушки, она улыбалась, не подозревая, что ее благословляет злейший враг Лиги.

Том наблюдал, спрятавшись за часовней богини неба. Его глаза знали, кто этот монах в красной рясе, а мозг уже выстроил логическую цепочку, объясняющую его появление в городе. Капитан Кхора говорил, что корабли Лиги охотились за «Лифтом на тринадцатый этаж» над горами. Должно быть, корабль высадил Валентина где-то неподалеку, и остаток пути до Батманх-Гомпы тот прошел пешком, после чего прокрался в город. На зачем? Какая секретная миссия привела его сюда?

Тома захлестнули противоречивые чувства. С одной стороны, он боялся, находясь в непосредственной близости от человека, который пытался его убить. С другой – восторгался смелостью Валентина. Каким же надо обладать мужеством, чтобы прокрасться в твердыню Лиги под самым носом у врагов Лондона! О таких приключениях писал Валентин в книгах, которыми зачитывался Том в общежитии подмастерьев третьего класса после отбоя, забравшись с фонариком под одеяло. Валентин благословил девушку и двинулся дальше. На несколько мгновений Том потерял его в толпе, затем вновь высмотрел красную рясу, поднимающуюся по центральной лестнице. Последовал на безопасном расстоянии, мимо нищих, солдат, лотошников, продающих горячую еду. И никто из них не догадывался, что мужчина в красной рясе – совсем не святой человек, творящий добро во славу богов. Валентин, склонив голову, не оглядываясь по сторонам, быстро перепрыгивал со ступеньки на ступеньку, поэтому Том, следуя за ним на расстоянии двадцати или тридцати футов, полагал, что опасность ему не грозит. Однако он никак не мог решить, что же ему делать. Эстер имела право знать, что убийца ее родителей

Эстер, в Батманкх-Гомпе. Он должен ее найти? Сказать ей? Но Валентин прибыл с важной миссией по поручению лорд-мэра Лондона, возможно, чтобы собрать информацию, нужную Инженерам для наведения МЕДУЗЫ на цель. Если Эстер убьет его, Том предост свой мегаполис...

Он поднимался все выше, не обращая внимания на боль в сложенных ребрах. Вокруг него ярусы Батманкх-Гомпы сверкали лампами и фонарями, мелькали яркие баллоны поднимающихся и опускающихся воздушных такси, напоминающая мельтешение рыбок в аквариуме. И постепенно он понял, что не желает успеха Валентину, более того, не хочет, чтобы он достиг поставленной цели. Лондон действительно ничем не лучше Танбридж-Уилз, а это древний и прекрасный город. Он не хотел, чтобы его уничтожили.

Это Валентин! – закричал он, спеша вверх по лестнице, стараясь предупредить прохожих об опасности. Но они лишь недоуменно смотрели на него. Когда же он догнал мужчину в красной рубашке и сдернул клобук, на него глянуло круглое, удивленное лицо монаха.

Том огляделся и понял, что произошло. От центральной площади Валентин поднимался по другой лестнице, направив Тома по ложному следу – за настоящим монахом. Он кубарем скатился вниз, Валентин превратился в точку, в свете фонарей поднимающуюся к самым высоким уровням Батманкх-Гомпы, туда, где базировались великие воздушные истребители.

– Это Валентин, – закричал Том, указывая на точку, но вокруг него никто не говорил на английском. Некоторые приняли его за сумасшедшего, другие подумали, что он указывает на место, куда МЕДУЗА вот-вот нанесет удар. На площади началась паника, и скоро он услышал гонги тревоги, зазвучавшие на нижних уровнях, забитых магазинами и харчевнями.

Мелькнула мысль: найти Эстер, да только он не знал, где ее искать. Подбежал к воздушному такси, крикнул пилотессе: «Следуй за тем монахом!» Но женщина улыбнулась и покачала головой, показывая, что не понимает его.

– Фенг Хуа! – На счастье Том вспомнил, как Анну Фанг звали на территории Лиги.

Женщина, улыбаясь, закивала, и воздушное такси устремилось вверх. Том попытался успокоиться. Он должен найти мисс Фанг. Мисс Фанг придумает, что противопоставит Валентину. Он вспомнил, как она доверяла ему вести «Дженни Ганивер» над горами, и ему стало стыдно за свою выходку у губернатора.

Он ожидал, что они полетят к губернаторскому дворцу, но воздушное такси приземлилось на том ярусе, где стояла «Дженни Ганивер». Пилотесса указала на харчевню, которая прилепилась к самому краю яруса, словно ласточкино гнездо.

– Фенг Хуа! Фенг Хуа!

В испуге Том подумал, что пилотесса привезла его к харчевне с таким названием. Но, присмотревшись, заметил на одном из

балконов красное пальто мисс Фанг. Сунул все свои деньги женщине со словами «сдачи не надо» и бросился к харчевне, оставив ее в корзине воздушного такси, оставившуюся в незнакомые лица Куирка и Кроума.

Мисс Фанг сидела за столиком с капитаном Кхорой и молодой пилотессой из Кералы, которая на совещании у губернатора так рассердилась на Тома. Они пили чай и что-то оживленно обсуждали, но повернулись к нему, едва он появился на балконе.

– Где Эстер? – спросил он.

– Внизу, на пристани. Она не в настроении, – ответила мисс Фанг. – А что?

– Валентин! – выдохнул он. – Он здесь! Переодетый монахом!

Музыканты в харчевне перестали играть. Через открытые окна слышался тревожный гул гонгов с нижних ярусов.

– Валентин – здесь? – фыркнула пилотесса из Кералы. – Ложь! Этот варвар думает, что может запугать нас!

– Помолчи, Сатия! – Мисс Фанг наклонилась к Тому, сжала его руку. – Он один?

Том, как мог быстро, рассказал ей о том, что видел. Зашипел воздух, прорываясь сквозь ее сжатые зубы.

– Он пришел, чтобы уничтожить наш воздушный флот. Лишить возможности нанести упреждающий удар.

– Один человек не может уничтожить весь воздушный флот! – отмел эту идею Кхора.

– Ты никогда не видел Валентина в деле. – Пилотесса уже вскопчила в предвкушении схватки с лучшим агентом Лондона. – Сатия, поднимай тревогу, скажи, что Высокое гнездо в опасности. – Она повернулась к Тому. – Спасибо за предупреждение. – По ее голосу чувствовалось, что она понимает, какое трудное ему пришлось принимать решение.

– Я должен сказать Эстер! – воскликнул он.

– Ни в коем случае! – Она покачала головой. – Она или погибнет сама, или убьет Валентина, а он нужен живым, чтобы мы могли его допросить. Оставайся здесь, пока все не закончится. – Короткая улыбка, и она выбежала из харчевни вместе с Кхорой. Суровая, не знающая жалости к врагам и прекрасная, и Том вдруг понял, почему ее так любят и Кхора, и пилотесса из Кералы, и вся Лига.

Но он подумал об Эстер, о том, что услышит от нее, когда она узнает, что он видел Валентина и ничего ей не сказал.

– Великий Куирк! – выкрикнул он. – Я должен ее найти!

Сатия же тарасилась на него, не закаленная сражениями пилотесса, а испуганная и очень молодая девушка, так что, бросаясь к двери, он крикнул ей:

– Ты слышала, что сказала мисс Фанг! Поднимай тревогу!

По ярусу он быстро добрался до причала, на котором стояла «Дженни Ганивер».

– Эстер! Эстер! – закричал он и в свете фонарей увидел, как она спешит к нему, прикрывая красной шалью лицо.

Рассказал ей все, она, как он и ожидал, слушала молча, сверлила его холодным взглядом, потом повернулась и побежала, и уже пришел его черед следовать за ней по бесконечным ступеням уходящей вверх лестницы.

Стена формировала свою погоду. По мере приближения стремительно воздух становился все более разреженным и холодным, и на их лица, словно большие белые бабочки, планировали снежинки. Они уже видели большой фонарь, освещавший широкую площадку, с которой поднимался танкер, доставивший газ в Высокое гнездо. А потом из Стены выплеснулся язык пламени, за ним второй, третий, словно в Высоком гнезде находились не воздушные корабли – драконы. Попавший в пламя баллон танкера взорвался. Танкер камнем полетел вниз, оставив после себя белую парашюту экипажа. Эстер на мгновение остановилась, оглянулась, глаза отсвечивали красным.

– Его работа! Мы опоздали! Он спалил их воздушный флот!

Они побежали дальше. Каждый вздох болью отдавался в мышечных ребрах, холодный воздух резал горло, но он изо всех сил старался не отставать от Эстер. По узкой лестнице, засыпанной крутящим под ногами снегом, они поднялись на широкую площадку. Из открытых бронзовых ворот выбегали люди, прикрывая лица от жара. Некоторые несли раненых, и уже около самых ворот Том увидел Ххору, над которым хлопотали два его механика.

Пилот вскинул глаза на подбежавших Тома и Эстер.

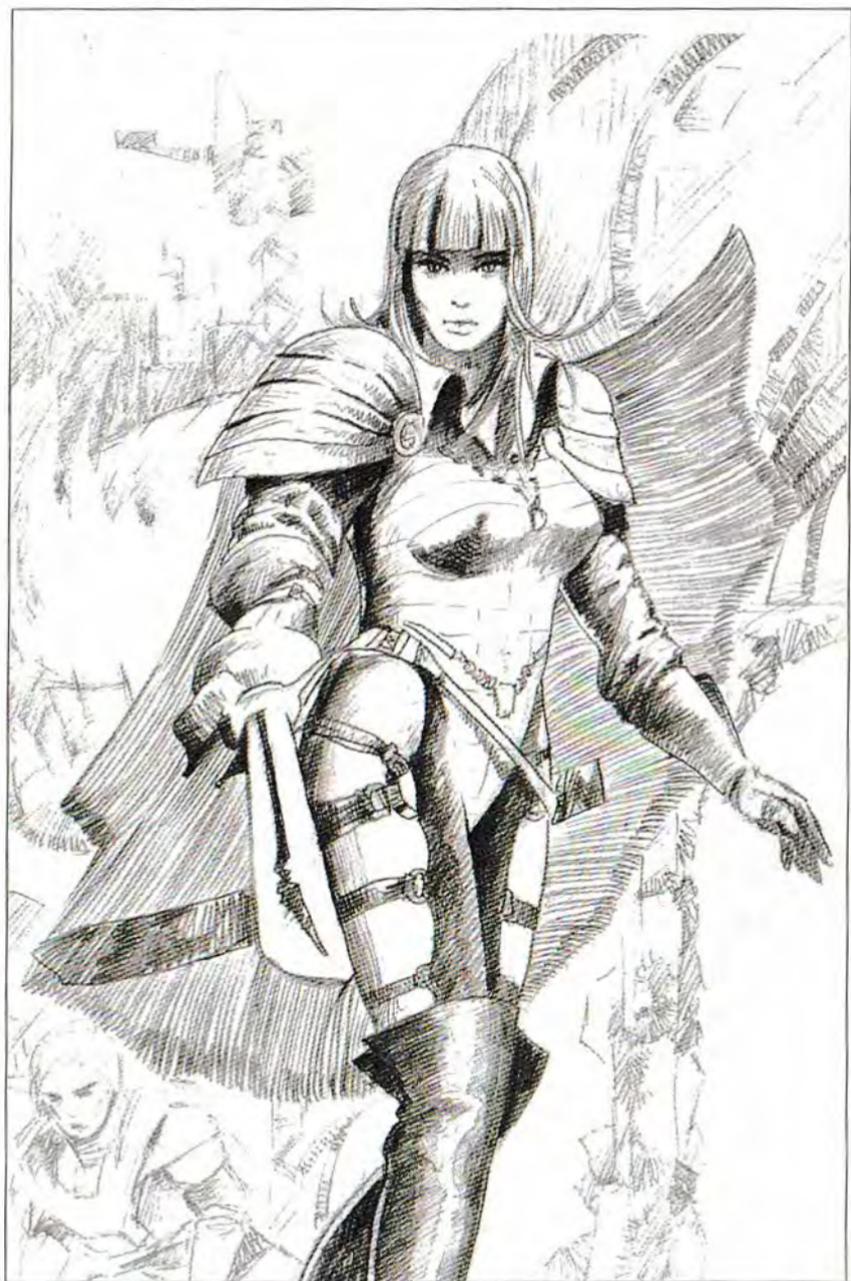
– Валентин! – простонал он. – Он проник в ангар, обманув бдительность часовых. Сказал им, что хочет благословить воздушные корабли. Закладывал взрывчатку, когда мы с Анной вбежали в ангар. О, Том, мы и представить себе не могли, что даже варвар способен на такое! Он захватил нас врасплох! Весь воздушный флот! Мой бедный «Мокеле Мбембе»... – Он замолчал, выплюнув кровь. Меч Валентина пронзил его легкие.

– А где мисс Фанг? – спросил Том.

Ххора качал головой. Он не знал. Эстер уже шла прямо в огонь, игнорируя крики людей, которые пытались ее остановить. Том последовал за ней.

Он словно попал в печь. Высокое гнездо напоминало огромную пещеру, по стенам которой тянулись пещеры поменьше, в которых и стояли воздушные корабли Лиги. Должно быть, Валентин перебежал от одного к другому, раскладывая фосфорные бомбы. И теперь сквозь яркое пламя проглядывали лишь металлические остовы.

– Эстер! – позвал Том, но его крик затерялся в реве пожара. Наконец он увидел ее. Она спешила по узкому тоннелю, уходящему вглубь Стены. «Туда я не пойду за ней! – подумал он. – Если она хочет угодить в ловушку и превратиться в кусок жареного мяса, это ее право...» Но когда он уже повернулся, чтобы вернуться к воротам, начал взрываться боезапас гондол, полетели ракеты, руша каменные стены, засвистели пули. Тоннель находился ближе ворот, и он помчался к нему, молясь всем богам, которых только мог припомнить.

Навстречу шел поток свежего воздуха, и Том понял, что тоннель выходит на западный склон Стены, ведет к одной из оружейных позиций.

Эстер! – прокричал он, но ему ответило только эхо, отразившееся от стен. Да и голос его едва перекрыл треск пожара. Он двинулся дальше. На развилке увидел лежащего на каменном полу человека, сраженного мечом Валентина. Облегченно вздохнул, убедившись, что это не Эстер и не мисс Фанг, а незнакомый ему молодой пилот, и тут же почувствовал укол вины, потому что Валентин его убил.

Он всмотрелся в один тоннель, другой. Куда бежать?

– Эстер! – позвал он. Шальная пуля залетела из ангара, высекая искры, ударившись о каменную балку над головой. Поняв, что промедление смерти подобно, Том нырнул в правый тоннель.

И вскоре услышал новые звуки, более близкие и резкие, чем треск пожара, удары металла о металл. Том сбегал по скользким ступеням, увидел впереди свет, поспешил к нему. Тоннель вывел его к засыпанной снегом площадке, на которой стояла ракетная установка, нацеленная на запад. Пламя железной жаровни освещало древние укрепления, распростертые на земле тела боевого расчета и сошедшихся в смертельной схватке Валентина и мисс Фанг. Звенели мечи. Удары сыпались градом.

Том присел в тени у выхода из тоннеля, обхватив руками грудную клетку, уставившись на сражающихся. Сломанные ребра отрашно болели. Валентин бился, как лев. Скинув красную рясу, он остался в белой рубашке, черных бриджах и высоких сапогах. Парировал удары, наносил, уходил от них, но Том видел, что он встретил достойного соперника. Держа длинный меч обеими руками, мисс Фанг теснила его к ракетной установке, телам людей, которых он убил. Она просчитывала каждый удар Валентина, и, отразив его, всякий раз переходила в контратаку. В результате ей удалось выбить меч из руки Валентина. Он опустился на колени, чтобы поднять его, но острие ее меча уже ткнулось в шею, и Том увидел, как по белому воротнику рубашки потекла струйка крови.

– Отличная работа! – воскликнул он, и на его лице засияла улыбка, которую Том помнил с той ночи в Брюхе, добрая, веселая, предельно искренняя. – Молодец, Фенг Хуа!

– Замолчи! – рявкнула она. – Это не игра...

Валентин рассмеялся.

– Наоборот, дорогая моя Цветок Ветра, это очень большая игра, и моя команда берет верх. Или ты не заметила, что ваш воздушный флот объят огнем? Вам следовало уделять больше внимания вопросам безопасности. Полагаю, вы почивали на лаврах, поскольку Лига тысячу лет делала все, что хотела. Но мир меняется...

«Он пытается выиграть время», – подумал Том, но не мог понять, почему. Загнанный на отрезанную от остального мира платформу, обезоруженный, без единого шанса на побег, на что наде-

ялся Валентин, подтрунивая над пилотессой? Уже хотел подойти, поднять меч, встать рядом с мисс Фанг и наставить его на Валентина, дожидаясь подмоги, но даже потерпевший поражение Валентин так пугал его, что он не решился выйти из тени. Прислушивался, надеясь уловить тяжелые шаги бегущих по тоннелю солдат, гадал, где же Эстер. Но до него долетали только звон гонгов и пожарных колоколов по другую сторону стены да насмешливый голос Валентина.

– Тебе следует переметнуться на сторону Лондона, дорогая. В конце концов, завтра Щит-Стена превратится в груды щебня. Тебе нужен новый работодатель. Твоей Лиги конец...

И тут площадку залило светом: сверху ударил яркий луч прожектора. Пилотесса подалась назад, Валентин прыгнул вперед, подхватил свой меч, первым ударом отбросил ее меч в сторону, вторым пронзил шею. Какое-то время они стояли, качаясь, как пьяные танцоры, совсем рядом с Томом, который видел, что меч Валентина насквозь пробил шею мисс Фанг. До него донесся ее шепот: «Эстер Шоу убьет тебя. Найдет и...» – Валентин выдернул меч, мисс Фанг упала, а он повернулся и побежал к ограждению площадки. «Лифт на тринадцатый этаж», подсвечивая себе прожектором, опускаясь все ниже.

Глава 29. Дорога домой

Черный воздушный корабль подлетел в тишине, движимый ветром, всегда дующим на столь больших высотах, незаметно для защитников Батманкх-Гомпы, которые все свое внимание сосредоточили на тушении пожара. Теперь его двигатели ожили, сдувая с открытой площадки снег, заглушив крик ужаса Тома.

Валентин шел по стволу ракетной установки так же уверенно, как канатоходец по струне, а потом прыгнул, на мгновение завис в воздухе над бездонной пропастью и ухватился руками за нижнюю перекладину веревочной лестницы, которую сбросили ему Пьюси и Генч. И ловко забрался по ней в гондолу.

Том бросился вперед и оказался в темноте, потому что прожектор потух. Ракеты, выпущенные с расположенных выше батарей, не смогли пробить броню баллона. Одна, правда, разбила стекло в гондоле, но черный воздушный корабль уже на полной скорости уходил от Стены. Воздух, отбрасываемый пропеллерами, ударил Тому в лицо, когда он наклонился над Анной Фанг, потряс ее в надежде, что пилотесса жива.

– Это несправедливо! – Он разрыдался. – Он специально ждал, когда же тебя ослепят! Ты его победила!

Пилотесса не отвечала. В удивлении смотрела мимо него тусклыми, как сухие камушки, глазами.

Том уселся рядом с ней на краснеющий снег, пытаясь решить, что же делать дальше. Он понимал, что должен немедленно покинуть Батманкх-Гомпу, убраться из города до того, как подъедет

Лондон, но его уже тошнило от одной мысли о том, что опять надо куда-то бежать, ехать, лететь. Ему надоело носиться по миру, следуя желаниям других людей. В нем начала закипать злость, когда он подумал о том, что Валентин летит домой, где его встретит, как героя. Валентин – причина всего, что произошло с ним. Валентин загубил его жизнь, Эстер и многих других. Валентин перенес МЕДУЗУ Гильдии инженеров. Теперь он видел правоту Эстер напрасно он помешал ей убить Валентина.

В дальнейшем конце платформы послышался шум, Том поднял голову и увидел, как черная мешанина рук, ног и пальто торопливо расплывается, словно большой паук, упавший с потолка. На развилке Эстер ошиблась с выбором, и левый коридор привел ее к наблюдательный бункер, расположенный сорока футами выше. Тридцать она спустилась по обледенелой стене, последние девять пролетела. Ее взгляд на мгновение задержался на лежащей пилотессе, потом она шагнула к краю площадки и уставилась в темноту и пляшущие снежинки.

– Лучше бы на ее месте оказалась я, – услышал он слова Эстер. – По крайней мере, я бы взяла его с собой.

Том не отрывал от нее глаз. От горя и ярости внутри все кипело, и он знал, что испытывает сейчас Эстер, испытывала с того самого дня, как Валентин убил ее родителей. Это было ужасное чувство, и он знал только один способ, позволяющий избавиться от него.

Сунул руку под воротник пальто Анны, нашел ключ, который она носила на цепочке, сорвал. Поднялся, подошел к Эстер, обнял ее. С тем же успехом он мог обнимать и статую, застывшая Эстер ни на что не реагировала, но Тому хотелось убедить себя, что он не один, что ему есть на кого опереться, вот он ее и обнял. Над головой палили орудия в тщетной надежде сбить «Лифт на тринадцатый этаж». Он наклонился к самому уху Эстер и прокричал, перекрывая грохот залпов:

– Пора домой!

Она оглянулась на него, в недоумении, даже раздраженная.

– Ты чокнулся?

– Разве ты не понимаешь? – Безумная мысль, сверкнувшая у него в мозгу, заставила его рассмеяться. – Кто-то должен заставить его заплатить за все! Ты была права, не следовало мне мешать тебе, но я рад, что помешал, потому что полиция Брюха убила бы тебя на месте и мы бы не встретились. Теперь я готов помочь тебе убить его и помочь уйти от погони. Мы возвращаемся в Лондон! Немедленно! Вместе!

– Ты точно чокнулся, – поставила диагноз Эстер, но пошла за ним по тоннелю, ведущему в ангар, а навстречу уже бежали солдаты, испуганные, в саже, и площадка огласилась их горестными воплями, когда они увидели лежащие на ней тела.

Ночное небо над Батманкх-Гомпа затянуло дымом. В Высоком гнезде еще не успели потушить пожар, а дороги, уходящие от Сте-

ны, уже превратились в реки огней: жители покидали город, растекались по горам, как вода, прорвавшая дамбу. С уничтожением Воздушного флота никто и ничто не могло защитить Щит-Стену от удара МЕДУЗЫ, вот люди и бежали из города – на своих двоих, на мулах, на запряженных волами повозках, на воздушных шарах.

На причале воздушные корабли один за другим поднимались в дымное небо и брали курс на юг. Сатия, пилотесса из Кералы, пыталась образумить охваченных паникой солдат:

– Останьтесь и защищайте Стену! Южный Воздушный флот может нам. Они прилетят меньше чем через неделю.

Но все знали, что к тому времени Батманкх-Гомпа падет, а Лондон будет продвигаться на юг, к беззащитным городам Лиги.

– Останьтесь и защищайте Стену! – молила она, но воздушные корабли продолжали подниматься, ее никто не слышал.

«Дженни Ганивер» стояла на якоре, темная, покинутая. Ключ, который Том снял с тела Анны Фанг, легко вошел в замочную скважину носового люка, повернулся, и минуту спустя Том уже стоял в рубке, глядя на пульт управления, великое множество тумблеров, лампочек и рычажков. Почему-то ему казалось, что их гораздо меньше.

– Ты уверен, что мы справимся с управлением? – тихонько спросила Эстер.

– Конечно. – Он повернул несколько переключателей. Люк открылся вновь, в рубке зажегся свет, включилась и заворчала, как добродушная собака, кофеварка, с потолка опустилась маленькая надувная лодка и, стукнув его затылку, сшибла с ног.

– Точно уверен? – Эстер помогла ему подняться.

Том кивнул.

– Я с детства собирал модели воздушных кораблей, так что принцип действия понимаю. И мисс Фанг показывала мне, как им управлять, когда мы летели над горами... Жаль только, что не все надписи на английском.

Он на мгновение задумался, потом поднял другой рычаг, и на этот раз ожили двигатели. На причале люди оборачивались на «Дженни Ганивер», на лицах отражалось изумление. Некоторые знаками отгоняли злых духов. Они слышали о смерти Цветка Ветра и задавались вопросом: уж не вернулась ли на борт «Дженни Ганивер» ее неугомонная душа? Но Сатия увидела Тома и Эстер, стоявших в рубке, и побежала к ним.

Опасаясь, что она попытается их остановить, Том схватился за рычаг, поворачивающий двигатели. Заскрипели подшипники: гидросилители переводили двигатели в вертикальное положение. Том рассмеялся, радуясь, что корабль подчиняется его приказам. Зашипели газовые клапана, отщелкнулись магнитные зажимы. Люди махали руками, кричали, Сатия вытасила пистолет, но в последний момент на причале появился капитан Кхора, которого поддерживал один из членов его команды, и обезоружил ее. Посмотрел на Тома, вскинул руку, желая ему удачи, и удивитель-

нин розовизна его ладони и подушечек пальцев навсегда осталась в памяти юноши. А воздушный корабль медленно, но верно уходил в небо, поднимаясь все выше сквозь дым Высокого гнезда. Том в последний раз взглянул на Батманкх-Гомпу, потом по широкой дуге развернул «Дженни Ганивер» над Щитом-Стеной и взял курс на запад. Он летел домой.

Глава 30. Встреча героя

Облака, сыпавшие снег на Батманкх-Гомпу, несло на запад, где они уже дождем проливались на Лондон. Дождь шел и во второй половине следующего дня, когда «Лифт на тринадцатый этаж» добрался до дома. На этот раз его не встречали толпы людей. Мокнувшие под дождем лужайки Кругового парка пустовали, лишь несколько рабочих департамента переработки отходов спиливали последние деревья. Но Гильдия инженеров знала о его возвращении, и когда черный корабль, поблескивая посадочными огнями, опускался на площадку, они бежали к нему с мокрыми от дождя лысыми черепами и отблесками посадочных огней на блестящих белых плащах.

Кэтрин из окна спальни наблюдала, как наземная служба штурмует корабль, как суетятся вокруг Инженеры. Вот открылись люки гондолы, вот Магнус Кроум выступил вперед под зонтом, который держал над ним слуга, вот отец спустился по трапу, она узнала его даже на таком расстоянии по росту, уверенной походке, дождевику, который трепал ветер.

На глаза Кэтрин навернулись слезы, сердце рвалось от горя и злобы. Она помнила, с каким нетерпением обычно ждала его возвращения, как стремилась первой встретить его после посадки «Лифта». Теперь она не знала, сможет ли заставить себя заговорить с отцом.

Сквозь залитое дождем стекло наблюдала, как он беседует с Кроумом, кивает, смеется. Волна белых плащей на мгновение скрыла его от нее, потом она увидела, что он оставил лорд-мэра и спешит к «Клио Хауз», возможно, гадая – а почему дочь не встретила его.

На мгновение она запаниковала, захотелось где-нибудь спрятаться, но Собака был с ней и придавал силы, в которых она так нуждалась. Она опустила жалюзи из панцирей черепахи и ждала с гулко бьющимся сердцем, пока не услышала шаги отца на ступенях. Он постучал в дверь.

– Кейт? – донесся его приглушенный голос, – Кейт, ты здесь? Я пришел, чтобы рассказать тебе о моих приключениях. У меня самые свежие новости о Шан Гуо, тебе будет интересно! Кейт? Ты не заболела?

Она приоткрыла дверь. Он стоял на лестничной площадке, мокрый от дождя, его улыбка поблекла, едва он увидел заплаканное, осунувшееся от бессонницы лицо дочери.

– Кейт, все хорошо! Я вернулся!

– Я знаю. И ничего хорошего в этом нет. Я сожалею, что ты не погиб в горах.

– Что?

– Я все о тебе знаю, – ответила она. – Мне известно, что ты сделал с Эстер Шоу.

Она впустила его в комнату, захлопнула дверь, резко осадила Собаку, когда тот, виляя хвостом, побежал к нему. В сумраке, царящем в спальне при опущенных жалюзи, увидела, как отец глянул на гору книг на столе, потом на нее. На шее белела повязка, на рубашке запеклась кровь. Она с трудом удержала слезы, готовые вновь хлынуть из глаз.

Валентин сел на разобранную постель. Всю дорогу от Батманкх-Гомпы в голове отдавались слова Анны Фанг: «Эстер Шоу тебя найдет». И Кэтрин, бросив ему в лицо то же имя, словно ударила его ножом в сердце.

– Ты можешь не волноваться, – с горечью продолжила Кэтрин. – Больше никто не знает. Имя девушки я узнала сама. Доктор Аркенгарт рассказал мне, как убили Пандору Шоу, я уже знала, что умерла она семь лет назад, аккуратно в то время, когда ты вернулся из экспедиции, очень порадовав лорд-мэра своими находками. Я сложила два и два и...

Она пожала плечами. Так легко идти по следу, зная все ориентиры. Она взяла книгу, которую читала. Протянула ему. «Американская пустыня – через мертвый континент с пистолетом, камерой и воздушным кораблем», его собственный рассказ о путешествии в Америку. Указала на женщину на групповой фотографии участников экспедиции: пилотессу, которая, улыбаясь, стояла рядом с ним.

– Поначалу я ничего не поняла, потому что она изменила фамилию. Ты убил ее сам? Или руками Пьюси и Генча?

Валентин поник головой от злости, отчаяния, стыда. У Кэтрин еще тлела надежда, что он сможет оправдаться, представит доказательства своей непричастности к смерти четы Шоу, но, увидев, что его голова опускается все ниже, окончательно осознала: ее отец – убийца.

– Ты должна понять, Кейт, я сделал это ради тебя.

– Ради меня?

Он, наконец, поднял голову, но смотрел не на нее – на стену у ее локтя.

– Я хотел, чтобы у тебя было все. Я хотел, чтобы ты выросла леди, не кладоискателем Открытой территории, каким вырос я. Вот и пришлось искать то, что требовалось Кроуму.

Пандору я знал давно, еще по экспедиции в Америку, как ты и сказала. Да, она была со мной, когда я нашел чертежи и коды доступа МЕДУЗЫ. Мы и представить себе не могли, что эту машину можно восстановить. Потом наши пути разошлись. Она придерживалась взглядов Лиги противников движения, вышла замуж за

какой-то фермера и поселилась на Дубовом острове. Я не знал, что она по-прежнему думает о МЕДУЗЕ. Должно быть, она еще два лета в Америку, на этот раз одна, и сумела проникнуть в другую часть того же самого древнего подземного комплекса, часть, которую мы проглядели при первых раскопках. Там она и жила...

Компьютерный мозг, – нетерпеливо прервала его Кэтрин. – Ключевой элемент МЕДУЗЫ.

Да, – пробормотал Валентин, удивленный ее информированностью. – Она прислала мне письмо, в котором сообщила, что компьютерный мозг у нее. Она знала, что без чертежей и кодов проку от него нет, а они находились в Лондоне. Она подумала, что мы сможем продать их вместе и разделить выручку. А я понял, что такой подарок Кроуму обеспечит меня на всю жизнь и станет гарантией твоего светлого будущего.

Поэтому ты ее и убил.

Она не соглашалась продать компьютерный мозг Кроуму, – ответил Валентин. – Как я и говорил, она была сторонницей Лиги, Котла, чтобы Лига получила все. Мне пришлось ее убить, Кейт.

А как же Эстер? Почему тебе пришлось изувечить ее?

Я не хотел, – промямлил он. – Должно быть, она проснулась и что-то услышала. Она была милым ребенком. Примерно твоего возраста и выглядела совсем, как ты, могла бы сойти за твою подругу. Может, она и есть твоя сестра. Одно время мы с Пандорой были очень близки.

Моя сестра? – ахнула Кэтрин. – Твоя дочь!

Я отвел взгляд от тела Пандоры и увидел ее, стоящую в дверях! Не мог допустить, чтобы она подняла шум. Ударил, попал по лицу. Решил, что она умерла, но не смог заставить себя убедиться в этом. Она сбежала на лодке. Я думал, что она утонула, до той ночи, когда она попыталась убить меня в Брюхе.

– И Том... – Кэтрин помолчала. – Он узнал ее имя, и тебе пришлось убить его, потому что правда выплыла бы наружу, если б он рассказал Историкам об обезображенной девушке.

Валентин беспомощно смотрел на нее.

– Ты не понимаешь, Кейт. Если б люди узнали, кто она и что я сделал, защитить меня не смог бы даже Кроум. Я бы потерял все и в своем падении увлек с собой и тебя.

– Но Кроум все знает, не так ли? Поэтому ты так верен ему. Верен, как собака, пока он платит тебе и готов притворяться, что твоя дочь-иностранка – леди Высокого Лондона.

Дождь бил по окнам, вся комната вибрировала: Лондон с натой тащил себя по размокшей земле. Собака лежал, положив голову на лапы, его взгляд метался с хозяйки на Валентина. Никогда раньше он не видел, чтобы они ссорились, и ему это категорически не нравилось.

– Я привыкла думать, что лучше тебя никого нет, – говорила Кэтрин. – Я привыкла думать, что ты самый лучший, самый храб-

рый, самый мудрый человек на свете. Но нет. Ты даже не умен, не так ли? Или ты не понимал, для чего Кроум использует эту машину?

Валентин коротко глянул на нее.

– Разумеется, понимал. Это мир, где город ест город, Кейт. Жаль, конечно, что Панзерштадт-Байрут пришлось уничтожить, но Щит-Стена должна рухнуть, если мы хотим, чтобы Лондон выжил. Нам нужны новые Охотничьи земли.

– Но там живут люди! – воскликнула Катрин.

– Только сторонники Лиги противников движения, Кейт, да и большинство из них уже ушли.

– Они нас остановят. У них есть воздушные корабли...

– Уже нет, – Валентин улыбнулся, гордясь собой. – Зачем, потвоему, Кроум посылал меня на восток? Северный воздушный флот обращен в пепел. Сегодня МЕДУЗА пробьет нам брешь в их знаменитой Стене. – Он встал, потянулся к ней, продолжая улыбаться, словно эта победа искупала все его грехи. – Кроум сказал мне, что МЕДУЗА выстрелит в девять вечера. Перед этим в Холле Гильдий состоится прием: вино, закуски и заря новой эры. Ты пойдешь со мной, Кейт? Я бы хотел, чтобы...

До этого момента у нее оставалась надежда, что он не знал о безумном плане Кроума. Теперь угасла и она.

– Дурак! – вскричала она. – Разве ты не понимаешь, что он не прав? Ты должен остановить его! Ты должен уничтожить эту ужасную машину!

– Но тогда Лондон останется беззащитным посреди Охотничьих земель, – резонно указал Валентин.

– И что? Будем жить, как жили, охотиться и есть, а если нам встретится мегаполис, размерами превосходящий наш, съедят нас... все лучше, чем становиться убийцами!

Она больше не могла находиться с ним в одной комнате. Побегала к двери, а он и не попытался ее удержать, даже не позвал, побледнев, стоял столбом. Выскочила из дома и бежала по мокрой траве, Собака не отставал ни на шаг, пока ее и отца не разделил весь Высокий Лондон. «Я должна что-то сделать! – в отчаянии думала она. – Я должна остановить МЕДУЗУ...»

Она направилась к лифтовой станции, а информационные экраны оповещали весь Лондон о благополучном возвращении Валентина.

Глава 31. Соглядатай

Лондон набирал скорость, стремясь как можно быстрее добраться до гор. Города, которые десятилетиями прятались в этих краях, превращаясь в неподвижные поселения, срывались с места и уползали прочь, оставляя за собой зеленые поля. Мегаполис не обращал на них ни малейшего внимания. Горожане уже знали о плане лорд-мэра. Несмотря на холод и дождь, люди собирались

на носовых смотровых площадках, не отрывались от биноклей и наблюдательных труб. Всем не терпелось увидеть, наконец, легендарную Стену.

— Скоро! – говорили они друг другу.

— Этим вечером!

— Новые Охотничьи земли!

Большинство сотрудников Музея давно привыкли к Кэтрин и Бивиске и не обращали на нее особого внимания, когда она торопливо шла по галереям с не отстающим ни на шаг волком. Кто-то и заметил отчаянный блеск глаз и слезы на лице, но прежде чем успевая спросить, что случилось, или предложить носовой платок, она уже проскакивала мимо, чуть ли не бежала, спеша к кабинету доктора Нанкэрроу.

Там она нашла запаха скипидара и трубочного табака специалиста по живописи, но не самого Нанкэрроу и Бивиса Пода. Она перешла в коридор, где толстый подмастерье третьего класса мыл пол.

Доктор Нанкэрроу в хранилище, мисс, – ответил он на вопрос Кэтрин. – Взял с собой этого странного новичка.

Когда Кэтрин влетела в хранилище, странный новичок помогал доктору Нанкэрроу перетаскивать большущую картину в золоченой раме. Называлась она «Куирк наблюдает за перестройкой Лондона» и принадлежала кисти Уолмарта Стренджа. Бивис, увидев ее, выронил угол, который держал, и удар об пол прогремел, как небольшой взрыв.

Послушай, Под! – сердито начал Нанкэрроу, но тут же увидел Кэтрин и удержался от продолжения. – Похоже, тебе не повредит чашка крепкого чая, мисс Валентин, – пробормотал он и поспешил в глубины хранилища.

Кейт? – Бивис Под неуверенно шагнул к ней. – Что случилось? – Он не привык утешать людей, подмастерьев-инженеров этому не учили. Неловко протянул руки, коснулся ее плеч и чуть не отпрыгнул назад от шока, когда она упала к нему на грудь. – Ну... В... что ты... что ты...

– Бивис, – всхлипывала она, – надо принимать меры. Мы должны что-то сделать. Этим вечером...

– Этим вечером? – Он нахмурился, пытаясь разобрать ее слова, тонущие в рыданиях. – Мы вдвоем? Я думал, твой отец нам поможет...

– Он мне больше не отец, – с горечью ответила Кэтрин и тут же осознала, что это правда. Еще сильнее прижалась к Бивису, словно он превратился для нее в спасательный плот, который мог доставить ее в безопасное место, не дать утонуть в пучине горя и вины. – Отец – человек Кроума. Вот почему я должна избавиться от МЕДУЗЫ, понимаешь? Испустить его грехи перед человечеством...

Нанкэрроу вернулся с двумя жестяными кружками чая.

– О... э... гм... – пробормотал он, смутившись, застав молодых людей в объятиях друг друга. – Я хочу сказать... да. Мне надо поработать с документами. Должен спешить. Вернусь через час или два, Под, остаешься за старшего...

Выходя, он едва не упал, наткнувшись на толстого подмастерье третьего класса, который мыл пол у самой двери в хранилище.

– Во имя Куирка, Меллифант! – услышали они крик Нанкэрроу. – Неужели ты не можешь не мешаться под ногами?

Но Герберт Меллифант не мог. С того самого момента, как его понизили в звании, он искал возможность вернуть себе прежний статус. На Пода он обратил внимание несколько дней назад. Этот незнакомец находился в дружеских отношениях с градмастерами, ходил по музею с дочерью гильденмейстера, одевался, как подмастерье, но не спал в общежитии и не появлялся на уроках. Из информационных выпусков новостей он знал, что Гильдия инженеров до сих пор охотится за людьми, которые проникли на ее секретное заседание, и у него возникла мысль, что доктор Вамбрейс, возможно, заинтересуется новым помощником Нанкэрроу. Как только старик скрылся за углом, Меллифант положил швабру и вернулся к двери.

– ...Лига противников движения не сможет защититься от удара. За этим отец и летал на восток. Чтобы определить местоположение их городов и уничтожить воздушный флот. Вот почему нам остается надеяться только на себя.

– А как насчет Историков? – спросил Бивис.

Кэтрин пожалала плечами.

– Они слишком ислуганы, чтобы помочь нам. Но я все могу сделать одна, знаю, что могу. Отец пригласил меня на прием у лорд-мэра. Я собираюсь пойти. Найду отца и скажу, что я его простила, и мы пойдем к Кроуму, как счастливая маленькая семья. Но, пока остальные будут возносить хвалу лорд-мэру и есть сосиски на палочках, я ускользну, найду МЕДУЗУ и разобью ее. Как ты думаешь, молотка мне хватит? Я знаю, где доктор Аркенгарт хранит инструменты. Там точно есть молоток. Или фомка. Может, лучше взять фомку?

Она рассмеялась, увидела, как вытаращился на нее Бивис. На мгновение испугалась, что он сейчас скажет: «Угомонись» или «Ничего из этого не выйдет», коснулась его лица, покрасневших ушей, пульсирующей жилки на шее. Он шумно сглотнул слюну.

– Бомба.

– Что? – переспросила она.

– МЕДУЗА, возможно, огромная, я не удивлюсь, если она занимает половину собора святого Павла. Если ты действительно хочешь уничтожить ее, тебе нужна взрывчатка. – На его лице читались волнение и страх. – Чистящий порошок, которым пользуются в Музее, содержит соединения азота, и если я смешаю его с жидкостью, которую доктор Нанкэрроу использует при реставрации картин, и сделаю таймер...

Откуда ты все это знаешь? – изумилась Кэтрин, которой мысли о бомбе даже не приходила в голову.

Основы химии. – Бивис пожал плечами. – Я все это делал в учебных лабораториях...

– Это все, о чем думают Инженеры? – прошептала она. – Делать бомбы и взрывать их?

Нет, нет! – ответил он. – Но такова суть науки. Человек использует ее достижения, как ему того хочется. Кейт, если ты действительно хочешь уничтожить МЕДУЗУ, я сделаю тебе бомбу, которую ты сможешь положить в ранец. Если подберешься к МЕДУЗЕ, оставь его рядом с компьютерным мозгом, установи таймер и убегай. Через полчаса...

В коридоре Меллифант из всех сил прижимался ухом к деревянной двери.

Быстрее, быстрее, быстрее. Нетерпение лорд-мэра словно передалось всему городу. Поршни двигателей в машинных отсеках ходят в унисон с биением его сердца, колеса и гусеницы крутятся, как мысли, неся мегаполис к Стене и новой странице великой истории Лондона.

Всю вторую половину дня Валентин искал дочь, бегал по парку, внезапно появлялся в домах друзей, мокрый от дождя, спрашивая: «Моей дочери у вас нет? Не видели ее?» А теперь он широкими шагами меряет гостиную в «Клио Хауз». Вода с сапог пачкает ковер, он же ходьбой пытается изгнать из костей холод залитого дождем парка, из головы – страх.

Наконец, слышит шаги по усыпанной гравием дорожке, шаги в колле, и в гостиную врывается Пьюси, такой же мокрый и несчастный, как его господин.

– Я нашел ее, Чиф! Она в Музее. В последние дни, если верить старику Крейберу, швейцару, проводит там много времени.

– Отведи меня к ней! – кричит Валентин.

– А надо ли, Чиф? – Пьюси изучает мыски своих сапог, чтобы не смотреть на пылающее, в разводах слез лицо своего господина. – Думаю, будет лучше, если ты на какое-то время оставишь ее в покое. В Музее она в безопасности, не так ли, и я полагаю, ей надо все хорошенько обдумать. Дай срок, она вернется сама.

Валентин плюхается на стул, а его верный слуга ходит по комнате, зажигая лампы. За окнами угасает день.

– Я отполировал твой меч, приготовил парадную одежду. Вечером прием у лорд-мэра, помните? Негоже его пропускать.

Валентин кивает, смотрит на свои руки, длинные пальцы.

– И зачем только я все эти годы слепо выполнял его указания? Зачем отдал ему МЕДУЗУ?

– Не мне отвечать на такие вопросы, сэр...

Валентин со вздохом встает, направляется в гардеробную. Ему бы свойственную Кейт остроту ума. Она с легкостью определяет,

что хорошо, а что – плохо. Ему бы смелость Кейт, тогда он смог бы иной раз отказывать Кроуму. Но уже поздно, слишком поздно.

Кроум отрывается от обеда (на тарелке овощное пюре и эрзац-мясо, содержащие необходимое количество белков, углеводов, витаминов и так далее), смотрит на дрожащего подмастерья-историка, которого Вамбрейс только что втолкнул в его кабинет и говорит: «Итак, подмастерье Меллифант, как я понимаю, ты хочешь нам кое-что рассказать?»

Глава 32. Ответ Чадли Помроя

Она обнаружила, что может держать удар. Совсем недавно ей хотелось забиться в угол и умереть от горя, но теперь она снова расправила плечи и гордо вскинула голову. Что-то похожее она испытывала, когда умерла ее мать. Думала, что для нее все кончено, а потом с изумлением обнаружила, что жизнь продолжается. Тем более что теперь у нее появились надежные помощники: Собака и Бивис.

– Кейт, мне нужен еще один болт, диаметром как этот, но длиннее...

Она-то видела в Поде милого, неуклюжего неделуха, за которым кто-то обязательно должен приглядывать, чтобы с ним чего не случилось, и подозревала, что такое же мнение о нем сложилось у остальных историков. Но в тот день начала осознавать, что на самом-то деле он гораздо умнее ее. Наблюдала, как он работает под аргоновой лампой в углу галереи, тщательно отмеряя нужное количество чистящего порошка и жидкости, используемой для снятия старой краски при реставрации картин. Теперь он собирал таймер из медной проволоки и частей приборного щитка древнего автомобиля. Остальные компоненты бомбы уже лежали в принесенном ею ранце.

– Болт, Кейт.

– Да, конечно... – Она порылась в горке крепежа и нашла то, что он просил. Протянула Бивису. Посмотрела на часы. Почти восемь. Скоро ей предстояло вернуться в «Клио Хауз», чтобы с улыбкой сказать отцу: «Я сожалею, что вела себя так глупо. Добро пожаловать домой. Могу я пойти с тобой на прием к лорд-мэру?»

– Вот. – Бивис закрыл ранец. – Готово.

– На бомбу непохоже.

– В этот весь смысл, глупышка! Смотри. – Он вновь открыл крышку, показал красную кнопку, на которую следовало нажать, чтобы включить таймер. – Взрыв, конечно, будет не очень сильным, – признал он, – но если тебе удастся поставить ранец рядом с компьютерным мозгом...

– Я поставлю, – пообещала она, беря ранец. – Я – дочь Валентина. Если кто-то и сможет подобраться к МЕДУЗЕ, так это я. – На его лице отразилась печаль, и она подумала, что он скорбит о том, что

и автору будет принесен прекрасный компьютерный мозг Древних, предел мечтаний каждого Инженера. – Я должна это сделать.

– Я знаю. И жалею только о том, что не могу пойти с тобой.

Она обняла его, прижалась лицом к его лицу, губами – к его губам, чувствуя, как он задрожал, когда поднял руки и начал поглаживать ее волосы. Собака тихонько зарычал, возможно, из ревности, боясь, что теряет любовь Кэтрин и его ждет удел старых мышек и рушек, забытых и брошенных в чулан.

– О, Бивис, – прошептала она, подалась назад, ее била дрожь. Что с нами будет?

До них донеслись далекие крики, их эхо поднималось с лестницы на нижние этажи. Слов они разобрать не могли, но сразу поняли: что-то случилось. В Музее никто никогда не кричал.

Собака зарычал громче. Побежал к двери, они последовали за ним, вышли на темную лестничную площадку. Холодный ветерок коснулся их разгоряченных лиц, когда они наклонились над перилами и посмотрели вниз, на длинную спираль лестницы, уходящую в темноту. Новые крики, что-то с грохотом упало. Этажом ниже появились лучи фонарей, и вот тут они узнали голос: кричал Чадви Помрой.

Это безобразие! Форменное безобразие! Вы находитесь на территории Гильдии историков!

Отряд сотрудников службы безопасности Гильдии инженеров торопливо поднимался по лестнице. Практически бесшумно, в сапогах на резиновой подошве. Лучи фонарей отражались от белых плащей и вороненой стали автоматов. У площадки они приотормозили, увидев сверкающие глаза Собаки. Он прижал уши к голове, зарычал, изготовился к прыжку. Автоматы нацелились на него, но Кэтрин успела схватить его за ошейник и крикнула: «Он не причинит вам вреда, он просто испугался. Не стреляйте...»

Но они все равно застрелили его. Выстрелы напоминали удары хлыста, пули вырвали Собаку из ее рук и отбросили к дальней стене. В пляшущем свете фонарей кровь казалась черной. У Кэтрин перехватило дыхание. Руки и ноги тряслись, и она ничего не могла с этим поделать. Не могла сдвинуться с места, даже если бы и захотела, но на всякий случай командир отряда гаркнул: «Оставайся на месте, мисс Валентин».

Собака... – выдохнула она.

– Оставайся на месте. Животное сдохло.

По лестнице поднялся доктор Вамбрейс.

– И ты тоже, Под, – бросил он, заметив, что юноша двинулся к лежащему телу волка. Остановился на верхней ступеньке, улыбнулся и Кэтрин и Бивису. – Мы везде ищем тебя, подмастерье. Надеюсь, тебе стыдно. Дай мне ранец.

Бивис протянул ранец, высокий Инженер схватил его, открыл.

– Как Меллифант и предупреждал. Бомба.

Двое из его людей выступили вперед, схватили пленников и повели вниз, вслед за доктором Вамбрейсом.

– Нет! – завопила Кэтрин, попыталась ухватиться за руку Бивиса, когда их растаскивали в стороны. – Нет!

Ее голос отразился от потолка, вернулся к ней, гулким эхом заскакал по лестнице, и она подумала, какой же он тонкий и беспомощный, голос ребенка, устроившего истерику, ребенка, пойманного за глупым, непристойным занятием и теперь боящегося наказания. Она ударила в голень мужчину, который ее держал, но он, здоровяк, да еще и в сапогах, даже не поморщился.

– Куда вы нас ведете?

– Ты пойдешь со мной на Верхнюю палубу, мисс Валентин, – ответил Вамбрейс. – На приеме у мэра будешь в центре внимания. Что же касается твоего голубка, то его отведут в Нижнее Брюхо. – Он усмехнулся, услышав полный ужаса вскрик Бивиса. – Да, подмастерье Под, в Нижнем Брюхе тебя ждут очень интересные эксперименты.

– Это не его вина! – протестовала Кэтрин. Она видела, что ситуация вырвалась из-под контроля, что ее глупые планы провалились и за все придется платить ей, Бивису и бедному Собаке. – Я заставила его помогать мне! – закричала она. – Бивис тут не причем!

Но Вамбрейс уже отвернулся от нее, а здоровяк, крепко держа ее одной рукой, второй, пахнувшей какими-то химикалиями, зажал рот, чтобы прекратить крики.

«Жук» Валентина останавливается у Холла Гильдий, где уже стоят «жуки» большинства гильденмейстеров. Генч выходит, держит фонарь, пока из салона вылезает Валентин, суетится вокруг, как заботливая мамаша, отправляющая ребенка в школу, убирает со лба упавший волосок, поправляет воротник парадной черной мантии, протирает рукоятку меча.

Валентин рассеянно смотрит в небо. Видит крохотное облако, подсвеченное заходящим солнцем. Ветер, по-прежнему дующий с востока, пахнет снегом, и этот запах заставляет его на мгновение забыть о Кэтрин и подумать о Шан Гуо. «Эстер Шоу тебя найдет», – умирая, прошептала Цветок ветра. Но как она узнала об Эстер? Она же не могла встретиться с ней! Или могла? Эстер еще жива? Она как-то добралась до Батманкх-Гомпы? И теперь затаилась в горах, готовая вновь подняться на борт Лондона и попытаться убить его? Или – хуже того – причинить вред его дочери?

Он отталкивает руки Генча, говорит ему:

– Если вы не очень рветесь на прием к лорд-мэру, парни, есть смысл этим вечером поднять в воздух «Лифт на тринадцатый этаж». На случай, что какие-нибудь отчаянные храбрецы попытаются напасть на Лондон.

– Дельная мысль, Чиф. – Обоим пилотам приемы в тягость: такая еда и пустая болтовня не дня них. Перспектива хорошей драки привлекает их куда больше. Генч усаживается рядом с Пьюси, и «жук» уезжает, сметая с пути Инженеров и бифитеров. Валентин

поправляет галстук и быстро поднимается по ступеням к парадному входу в Холл Гильдий.

Инженеры вели своих пленников по нижним галереям к выходу из Музея. Вокруг не было ни души. Никогда раньше Кэтрин не видела Музей таким пустынным. Где же Историки? Она понимала, что они не смогут им помочь, но хотелось их видеть, знать, что хоть кому-то известно о ее аресте. Она продолжала прислушиваться к мягким шагам Собаки за спиной и удивлялась, что не слышит их, пока не вспомнила, что произошло. Бивис шагал рядом, но смотрел не на нее, а прямо перед собой. Словно уже видел камеры в Нижнем Брюхе и все, что его там ждало.

А потом, у лестницы, которая вела вниз, к центральному входу, Инженеры остановились.

В фойе, спиной к большим стеклянным дверям, их ждали Историки. Пока люди Вамбрейса находились наверху, они вскрыли выставочные стенды отдела «Оружие и средства ведения войны» и вооружились древними пиками и мушкетами, ржавыми мечами и шлемами. Некоторые нацепили панцири поверх черных одежд, другие несли щиты. Выглядели они как хор бандитов в любительском спектакле.

Чадли Помрой выступил вперед, держа в руках короткоствольное ружье с широченным бронзовым раструбом. Кэтрин поняла, что другие Историки наблюдают за ними из теней по углам холла, прячутся за выставочными стендами, сквозь ребра динозавров целаются в Инженеров из допотопного оружия.

– Господа, – нервно начал Помрой, – вы находитесь на территории Гильдии историков. Предлагаю вам немедленно отпустить этих молодых людей.

– Немедленно! – согласился доктор Каруна, наводя пыльный мушкет на красное колесо меж бровей Вамбрейса.

Инженер расхохотался.

– Старые дураки! Вы думаете, что можете остановить нас? За то, что вы сегодня сделали, ваша Гильдия будет распущена. Безделушки, которые вы так тщательно собирали, отправятся в топку, а вас самих замучат до смерти в казематах Нижнего Брюха. Вы станете достоянием истории, поскольку только история вас и интересует. Мы – Гильдия инженеров! За нами будущее!

В последующей паузе тишина нарушается лишь эхом голоса Вамбрейса да едва слышным скрипом суставов: согнутые артритом пальцы сжимаются на древних спусковых крючках. А потом фойе исчезает в дыме и вспышках огня. Грохот выстрелов отражается от купола потолка и обрушивается вниз. Гремит короткоствольное ружье Помроя, грохочет древняя пушка, спрятанная за билетной кассой, выплевывая следом за ядром длинный язык пламени: доктор Нанкэрроу запалил зажигалкой пороховой заряд. Кэтрин видит, как сметает Вамбрейса и двух его людей, видит, как доктор Аркенгарт падает на спину, махая руками, чувству-

ет, как мужчина, который держит ее, отшатывается, слышит, как мушкетная пуля пробивает его белый плащ.

Он валится на бок, она падает на колени с одной мыслью: где бы спрятаться? Ничего не напоминает о Вамбрейсе, кроме его дымящихся сапог. Чем-то забавное зрелище, да только из сапог торчат обрубки ног. Половина его людей убита, но остальные готовы постоять за себя, и оружие у них куда лучше, чем у историков. Они заливают фойе автоматическим огнем. Пули чиркают по мраморному полу, крушат ребра динозавров. Выставочные стены разлетаются мириадами стекол, Историки, прятаясь за ними, ищут другие укрытия или распластываются на полу и лежат, не шевелясь.

Над ними рвутся аргоновые лампы, пока все вокруг не погружается в темноту и оставшиеся в живых Инженеры спешат сквозь нее к дверям.

За их спинами Бивис, всеми забытый, тянется за брошенным автоматом и поднимает его, ловкие пальцы быстро находят спусковой крючок. Кэтрин наблюдает за ним почти в кромешной тьме. Мимо нее летят крошки мрамора и боевые фрисби, но она не может оторвать глаз от Бивиса, не может подумать о поиске безопасного места. Видит, как он откидывает металлический приклад, как упирается им в плечо, как появляются маленькие дырочки на белых плащах Инженеров, как они вскидывают руки, отбрасывают оружие, разворачиваются и падают. Под наблюдает за ними сквозь прорезь прицела, спокойный, серьезный, уже не ее нежный Бивис, но человек, который способен на хладнокровное убийство, как и любой Инженер, ни в грош не ставящий человеческую жизнь. А может, он навидался смертей в Нижнем Брюхе и думает, что уйти из этого мира – сущий пустяк.

Когда он прекращает стрельбу, становится очень тихо. Только слышится перестук костей, и до Кэтрин не сразу доходит, что стучат не кости, а ее зубы.

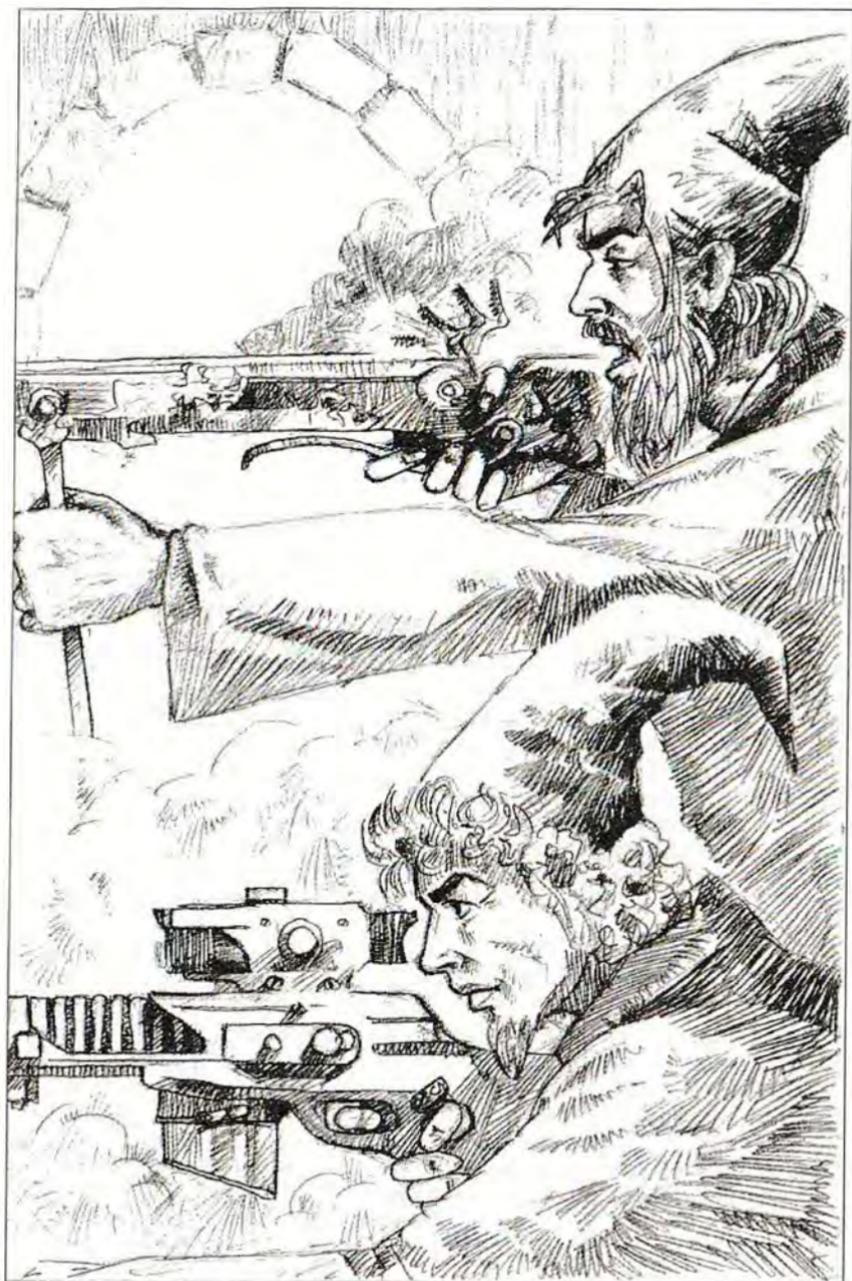
Из углов выползают Историки. Их гораздо больше, чем ожидала Кэтрин. Она-то думала, что погибли все, но, пусть некоторые и ранены, убитых только двое, Уэймаут, с которым она никогда не разговаривала, и доктор Аркенгарт. Старый куратор отдела керамики лежит на полу у двери, на лице написано негодование, словно смерть – глупая современная подделка, которую он сразу распознал.

Бивис Под опустился на колени, глядя на автомат в руках, руки тряслись, а голубой дымок поднимался из ствола и таял по пути к потолку.

Помрой поднялся по ступеням. Его парик сдуло, руку поранило отлетевшим осколком кости динозавра.

– Вы только посмотрите! – Он указал на рану. – Я, должно быть, первый человек, которому досталось от динозавра за последние семьдесят миллионов лет.

Он посмотрел на Кэтрин, Бивиса, потом на убитых Инженеров. Никто не рассмеялся его шутке.

– Что ж! Что ж! Мы им показали! Как только я рассказал остальным, мы все согласились, что этого допускать нельзя. Ну, по крайней мере, большинство. Остальных мы заперли в столовой, вместе с подмастерьями, которые, как мы думали, могли поддерживать людей Кроума. Тебе бы нас видеть, Кейт! «Мы не позволим им увести мисс Валентин!» – сказали мы все и не позволили. Этого следовало ожидать. Ни одному Инженеру не устоять против рассерженного Историка!

– Именно так, Чи-пи! – воскликнула Мойра Плам, поднимаясь по ступеням. – Пусть знают, что нельзя так поступать с моей мебелью! Мы им покажем... – Тут забрало шлема на её голове захолопнулось, заглушив конец фразы.

Кэтрин нашла ранец, лежащий в крови на ступенях. Вроде бы неповрежденный, если не считать пятен.

– Я должна идти на Верхнюю палубу. Чтобы остановить МЕДУЗУ. Это единственный способ. Я пойду на лифтовую станцию и...

– Нет! – Клайти Поттс взбежала по ступенькам. – Двум Инженерам, которые оставались у входа, удалось уйти. Они поднимают тревогу. Возьмут под охрану лифты. С минуту на минуту сюда прибудет подмога. Может, и сталкеры. – Она встретилась взглядом с Помроем, опустила голову, словно вина лежала на ней. – Извини, Чи-пи.

– Все нормально, мисс Поттс. – Помрой по-дружески хлопнул ее по плечу, отчего она едва не свалилась с лестницы. – Не волнуйся, Кэтрин. Мы задержим этих дьяволов, а ты сможешь пробраться на Верхнюю палубу по Кошкину лазу.

– По чему?

– О таком знают только Историки, остальные забыли, – сияя, ответил Помрой. – Старая лестница, оставшаяся с первых дней Лондона, когда лифтовая система еще не отличалась надежностью. Она идет Третьей палубы до Верхней, в том числе и через Музей. Готова к путешествию?

Кэтрин кивнула, хотя до готовности было далеко.

– Я иду с ней, – твердо заявил Бивис.

– Нет!

– Не спорь, Кейт. Я хочу пойти. – Он уже переворачивал мертвых Инженеров в поисках плаща с минимумом дыр. Нашел, начал расстегивать резиновые пуговицы. – Если Инженеры увидят тебя одну, они догадаются, что случилось. А если тебя буду сопровождать я, подумают, что ты взята в плен.

– Он прав, Кейт, – кивнул Помрой, а Клайти Поттс уже помогала молодому Инженеру надеть плащ и стирала кровь подолом. Помрой посмотрел на часы.

– Половина девятого. Согласно сообщениям информационных выпусков, МЕДУЗА должна выстрелить в девять. Времени для исполнения задуманного тобой предостаточно. Но тебе лучше уйти до того, как эти Инженеры вернутся с подкреплениями.

Глава 33. Вино, закуски и заря новой эры

В «Дженни Ганивер» все напоминало об Анне Фанг. Отпечаток помады на грязной кружке, вмятина тела на разобранной кровати, недочитанная книга в рубке с ленточкой на странице 205. В одном из рундуков Эстер нашла коробку, набитую деньгами, не только бронзовыми монетками, но и серебряными тейлами¹ и золотыми соверенами. Такого количества денег ни она, ни Том никогда не видели.

– Она была богата! – прошептала Эстер.

Том развернулся в кресле пилота, посмотрел на деньги. Весь долгий полет от Шан Гуо он не думал о том, что воздушный корабль теперь принадлежит им. Полагал, что они одолжили его, взяли на время, чтобы закончить работу, как того и хотела мисс Фанг. Теперь же, наблюдая за Эстер, позвякивающую монетами, он чувствовал себя вором.

– Ладно. – Эстер закрыла коробку с деньгами. – Там, где она сейчас, деньги ей не нужны. И не нужны нам, поскольку я уверена, что скоро мы к ней присоединимся. – Она искоса глянула на Тома. – Если, конечно, ты не передумал.

Он покачал головой, хотя, по правде говоря, ярость и злость, которые он испытывал, глядя на недвижное тело Анн Фанг, бесследно исчезли. Все силы уходили на управление кораблем и борьбой с переменчивой горной атмосферой. По мере продвижения на запад у него появился страх, он начал вспоминать Кэтрин, гадать, что с ней станет после смерти ее отца. Но ему все рано хотелось, чтобы Валентин заплатил сполна за горе, принесенное людям. Он начал сканировать эфир в поисках сигнала радиомаяка Лондона, тогда как Эстер продолжала рыться в рундуках, пока не нашла то, что искала: большой черный пистолет и длинный, с тонким лезвием, нож.

Только на один вечер большой зал приемов городского совета Лондона ярко осветили огни, а развешанные плакаты придают ему праздничную атмосферу. Главы больших и малых Гильдий сидят на обитых зеленой кожей скамьях и на возвышении у кафедры, восторженно обсуждают новые Охотничьи землях, то и дело поглядывая на часы: приближается время выстрела МЕДУЗЫ. Подмастерья-инженеры снуют среди гостей, предлагая экспериментальные закуски, приготовленные в отделе Ниммо. Коричневые по цвету, нарезанные в виде геометрических форм, с оригинальным вкусом.

Валентин проталкивается сквозь толпу к Кроуму и его помощникам, которых в целях безопасности окружают высокие черные сталкеры. Он хочет спросить лорд-мэра, что стало с агентом, которого тот послал за Эстер Шоу. Идет к Кроуму, не обращая внимания на хорошо одетых членов городского совета, слыша, однако, обрывки их разговоров.

¹ Тейл – восточная монета.

– Это Валентин, посмотрите, только что вернулся из Шан Гуо!
– Как я слышал, взорвал весь из воздушный флот!
– Какой отменный вкус у этих закусок!
– Валентин! – восклицает лорд-мэр, когда глава Гильдии Историков наконец-то прорывается к нему. – Именно тебя мы и ждем!
Никогда раньше в его голосе не звучало столько веселья. Рядом с ним гении, возродившие МЕДУЗУ: доктор Чандра, доктор Чабб и доктор Уисмер Сплей, а также доктор Твикс, которая жеманно улыбается, делает реверанс и поздравляет Валентина с успешным возвращением из Шан Гуо. За ней, как статуи, высятся сталкеры. Валентин кивает в их сторону.

– Я вижу, не зря я привозил тебе фрагменты старых сталкеров, Кроум...

– Не зря, – соглашается лорд-мэр с ледяной улыбкой. – Это новое поколение Воскрешенных людей. Они будут нашими слугами и нашими солдатами в новом мире, который мы начинаем строить. Некоторые уже в этот самый момент в деле, проводят операцию в Музее.

– В Музее?

– Да, – Кроум пристально наблюдает за его реакцией, – Среди твоих Историков нашлись предатели, Валентин. Вооруженные предатели.

– Ты хочешь сказать, что в Музее перестрелка? Но там Кейт! Я должен ее найти!

– Невозможно. – Лорд-мэр хватается за руку уже начавшего поворачиваться Валентина. – Вторая палуба блокирована. Музей окружен сталкерами и службой безопасности. Но не волнуйся. У них четкие инструкции не причинять вреда твоей дочери. Ее сразу же приведут сюда. Я хочу, чтобы она увидела МЕДУЗУ в действии. Хочу, чтобы и ты при этом присутствовал, Валентин. Останься.

Валентин смотрит на лорд-мэра, мимо застывших лиц его помощников, во внезапно наступившей тишине.

– Хочется знать, кому ты действительно верен, – мурлычет Кроум. – Лондону или дочери? Останься.

«Останься». Слово он – собака. Рука Валентина ложится на рукоятку меча, но он знает, что меч так и останется в ножнах. По той простой причине, что он боится, и все его приключения и экспедиции – попытки скрыть от себя простую истину: он – трус.

Его трясущиеся губы растягиваются в натужной улыбке, он кланяется.

– Твой покорный слуга, лорд-мэр.

Мимо этой двери в стене, неподалеку от галереи Естественной истории, Кэтрин проходила сотни раз, не удостоив ее и взглядом. Теперь же, когда Помрой повернул ключ в замке и распахнул дверь, она услышала вой ветра в центральной шахте, смешанный с глухим урчанием двигателей мегаполиса. Помрой протянул Бивису ключ и фонарь.

– Удачи, мистер Под. Удачи, Кейт...

Где-то за его спины раздался глухой взрыв, зазвенели стекла выставочных стендов.

– Они уже здесь, – добавил Помрой. – Я должен возвращаться на пост...

– Пойдем с нами! – В глазах Кэтрин мольба. – На Верхней палубе, в толпе, безопаснее...

– Это мой Музей, мисс Валентин, – напоминает ей Помрой, – и здесь я останусь. И потом, наверху я буду только путаться под ногами.

Она обняла его, прижалась лицом к груди, вдохнула запахи пыли и табачного дыма.

– Твой бедный Музей!

Помрой пожал плечами.

– Не думаю, что Инженеры позволили бы нам и дальше хранить предметы старины. Но так, по крайней мере, мы умрем, сражаясь.

– И вы можете победить...

– О, да. – Старый Историк печально рассмеялся. – Мы регулярно побеждали их в чемпионате Гильдий по футболу. Разумеется, на поле они выходили без автоматов и им не помогли сталкеры... – Он поднял ее лицо, заглянул в глаза, очень серьезный. – Останови их, Кэтрин. Сунь им палку в колеса.

– Я постараюсь, – пообещала она.

– Мы скоро встретимся, – твердо заявил Помрой, отвернулся, вскинул ружье на плечо. – Ты унаследовала дар отца, Кэтрин: люди готовы идти за тобой. Посмотри, как ты нас расшевелила.

Они услышали, грохнула пушка, когда он закрывал дверь, потом затрещали автоматы и послышались приближающиеся крики.

– Вот он! – воскликнул Том.

Они летели выше редких облаков, и он смотрел на показавшийся вдали Лондон.

– Вот он!

Лондон стал больше по сравнению с тем, каким остался в памяти, и гораздо уродливее. Странно, живя там, он верил всему, что вешали с информационных экранов об элегантности мегаполиса, его совершенной красоте. Теперь Том видел, какой он уродливый, ничем не лучше любого другого города. Стена дыма и изрыгающих его труб, черная волна, катящаяся к горам, с буруном, белыми виллами Высокого Лондона наверху. Не выглядел Лондон родным домом.

– Вот он... – в третий раз повторил он.

– Вижу. – Эстер стояла рядом с ним. – Что-то происходит на Верхней палубе. Она освещена, как сказочная страна. Том, Валентин наверняка будет там! Они готовятся к выстрелу МЕДУЗЫ!

Том кивнул, почувствовав укол вины при упоминании МЕДУЗЫ. Он знал: будь здесь мисс Фанг, она бы придумала, как вывести из

стройка боевую машину Древних, но он ничего не мог предложить. Такая она огромная, ужасная, даже мысли о ней вызывали страх. Лучше сосредоточиться на том, что непосредственно касалось его и Эстер, а уж окружающий мир пусть позаботится о себе сам.

– Он там, внизу, – прошептала девушка. – Я его чувствую.

Том не хотел слишком уж приближаться к Лондону, на случай, если наблюдатели лорд-мэра следят за небесами, а может, вокруг Лондона кружат корабли-разведчики. Двинул рычаги управления и почувствовал, как, пусть медленно, но слышится его воздушный корабль. «Дженни Ганивер» поднялась выше, и Лондон исчез под облаком. Том же взял курс на юг, решив по широкому кругу облететь мегаполис и зайти с тылу.

Они поднимались из темноты в темноту, фонарь Бивиса Пода одну за другой выхватывал из нее совершенно одинаковые металлические ступени. Их большие тени плясали на стенах шахты. Они практически не разговаривали, лишь прислушивались к дыханию друг друга, каждый радовался тому, что он не один. Кэтрин то и дело оглядывалась, ожидая, что за ней следует и Собака.

– Пятьсот ступеней, – прошептал Бивис, останавливаясь на узкой площадке и направив луч фонаря вверх. Ступени уходили в темноту. – Должно быть, Первая палуба. Половина пути.

Кэтрин кивнула, говорить не было сил, очень хотелось передохнуть. Над ними, должно быть, продолжался прием у лорд-мэра. Она двинулась дальше, каждый вздох резал горло, колени подгибались, ранец тянул к земле.

Через иллюминаторы воздушного корабля Эстер видела проплывающую мимо Открытую территорию, всего лишь в сотне футов ниже, изборожденную колеями, вроде той, вдоль которой они с Томом брели после их встречи. Теперь они нагоняли Лондон, красные хвостовые огни которого тускло светились в темноте. Том пытался скрыть «Дженни Ганивер» в облаке выхлопных газов. С этим у него получилось, в облако он залетел, да только она заранее могла сказать, что его план не сработает.

Ожило радио. Диспетчерская служба порта запросила идентификационный код.

Том в испуге оглянулся на Эстер, но она знала, что нужно делать. Подошла к радиостанции, переключила трамблер с «Приема» на «Передачу» и затараторила в микрофон: «Лондонский воздушный корабль ГИ-47», – вспомнив код лондонского корабля, выплунутый динамиками громкой связи Воздушной Гавани несколько недель тому назад. – Возвращаемся в Инженериум со Шрайком.

Диспетчер что-то сказал, но она выключила радио. Черный смог лип к окнам и иллюминаторам, капельки воды конденсировались на стекле, и, дрожа, сползали вниз, оставляя извилистые полоски.

– Я покружу над городом двадцать минут, а потом вернусь и заберу тебя, – предупредил Том. – Этого времени тебе хватит, чтобы найти Валентина и...

– Через двадцать минут меня уже убьют, Том, – ответила она. – Улетай сразу же. Забудь обо мне.

– Я покружу над...

– Меня уже убьют.

– Я все равно покружу...

– В этом нет никакого смысла, Том.

– Я покружу над городом и вернусь за тобой.

Она посмотрела на него и увидела блестящие от слез глаза. Он плакал. Плакал из-за нее, потому что она шла навстречу опасности и он мог больше не увидеть ее, подумала, как это странно, она кому-то небезразлична, и до чего приятно.

– Том, я хочу... – У нее перехватило дыхание. – Том, если я... – И опять замолчала, потому что даже сама не знала, что хочет сказать, но ей хотелось, чтобы он знал, как он ей дорог и что ближе него у нее никого нет.

Сквозь темноту проглянуло светлое пятно фонаря, потом второе. Они поднялись на уровень Третьей палубы, которая находилась уже совсем рядом. Мимо проскользнула Вторая палуба, на обзорных площадках стояли люди и смотрели наверх. Наконец, появился Круговой парк, с фонарями меж редких деревьев. Том взялся за рычаги управления и повел «Дженни» вперед, над самыми крышами Найтсбриджа, к Верхней палубе. Коротко глянул на Эстер. Ей хотелось обнять его, поцеловать, хоть как-то выказать свои чувства, но времени не было, поэтому она прошептала: «Том, только не погибни», – переключила тумблер, открывающий люк в носовой части, подбежала к нему и выпрыгнула, когда воздушный корабль перевалил через край Верхней палубы. Упала на плиты, покатила по ним. «Дженни Ганивер» уходила, резко набирая скорость, освещенная огненными хвостами ракет, которыми ударила по кораблю зенитная батарея на крыше Инженериума. Ракеты пролетели мимо, темнота поглотила корабль, и Эстер осталась одна, затаившись в густых тенях.

– Один воздушный корабль, лорд-мэр, – докладывает Инженер с радиоприемником-ракушкой, закрепленным на ухе. – Он улетел, но мы уверены, что посадил десант.

– Террористы Лиги на Верхней палубе? – Лорд-мэр кивает, словно с такими мелкими проблемами ему приходится сталкиваться ежедневно. – Что ж, доктор Твикс, я думаю, это прекрасная возможность для испытания твоих новых моделей.

– Да, конечно, – радостно взвизгивает женщина, от волнения даже роняет тарелку с канапе. – Пошли, мои цыплята! Пошли, пошли!

Сталкеры разворачиваются, пристраиваются за ней и направляются к выходу под восхищенными взглядами гостей лорд-мэра.

– Приведи их живыми! – кричит вслед Кроум. – Я хочу, чтобы они своими глазами увидели, что такое МЕДУЗА.

Глава 34. Фейерверк

Том вытер глаза ребром ладони и сосредоточился на управлении кораблем. «Дженни», набирая высоту, уходила от Лондона. Страх он больше не испытывал. Получал удовольствие, наконец-то занимаясь чем-то полезным, управляя большим, прекрасным воздушным кораблем. Он направил «Дженни» на восток, где в последних отсветах дня сверкала вершина Зан Шана. Он обещал вернуться через двадцать минут, но ему показалось, что половина времени уже прошла. Сверился с хронометром, увидел, что Эстер выпрыгнула на Верхнюю палубу лишь двумя минутами раньше и...

Что-то ударило в гондолу, последовала яркая вспышка, взрывом его вышибло из кресла. Он ухватился за стойку, увидел, как бумаги, инструментальные панели, обрывки проводов, алтарь с фотографиями и лентами и недочитанная книга мисс Фанг вылетают через дыру в фюзеляже. Большие окна разлетелись вдребезги, засыпав рубку осколками стекла. Он изогнул шею, высунувшись в оконный проем, чтобы посмотреть, горит ли баллон. Не горел, зато Том увидел, как над «Дженни Ганивер» проплывает большой черный воздушный корабль. В лунном свете блестел бронированный баллон. «Лифт на тринадцатый этаж» неспешно направлялся к горам Шан Гуо, с тем, чтобы развернуться и прикончить его.

Магнус Кроум наблюдает, как его гости выходят на площадь, где, задрвав головы, наблюдают за воздушным боем за облаками. Смотрит на часы.

– Доктор Чандра, доктор Чабб, доктор Сплей, пора включать МЕДУЗУ. Валентин, пойдем с нами. Я уверен, тебе хочется посмотреть, какую конфетку мы сделали из найденной тобой машины.

– Кроум! – Валентин застывает ему дорогу. – Я должен тебе кое-что сказать...

Брови заинтригованного лорд-мэра поднимаются.

Валентин колеблется. Весь вечер он готовил себя к этой речи, зная, что сказала бы на его месте Кэтрин. Но теперь, под ледяным взглядом лорд-мэра, слова застревают в горле.

– А стоит ли, Кроум? – наконец, выдавливает он из себя. – Уничтожение Щита-Стены не уничтожит Лигу. Придется штурмовать другие твердыни, сотни крепостей, тысячи жизней. Стоят ли того твои новые охотничьи земли?

Стоящие вокруг изумленно шепчутся.

– Что-то поздноато для сомнений, Валентин, – спокойно отвечает лорд-мэр. – Напрасно ты волнуешься. Доктор Твикс может построить целые армии сталкеров, их с лихвой хватит, чтобы сломить сопротивление дикарей Лиги.

Он пытается протиснуться мимо, но Валентин снова перед ним.

– Подумай, лорд-мэр. Как долго нас смогут прокормить новые охотничьи земли? Тысячу лет? Две тысячи? Но в один прекрасный день дичи не останется, и Лондону придется остановиться. Может, нам пора с этим смириться? Остановимся сейчас, до того, как погибнут невинные люди. Возьмем все полезное, что мы узнали, восстанавливая МЕДУЗУ, и используем в мирных целях...

Кроум улыбается.

– Ты действительно думаешь, что я такой близорукий? – спрашивает он. – Планы Гильдии инженеров не ограничиваются новыми охотничьими землями. Лондон никогда не остановится. Движение – это жизнь. Когда мы съедем последний движущийся мегаполис и уничтожим последнее неподвижное поселение, мы начнем зарываться в землю. Построим новые двигатели, которые будут питаться теплом земного ядра, и сдвинем нашу планету с орбиты. Мы съедем Марс, Венеру, астероиды. Съедем само Солнце, а потом поплывем через межзвездное пространство. Даже через миллион лет наш город будет двигаться, только его добычей будут уже не другие города, а целые звездные системы!

Валентин следует за ним к двери и, через площадь, к кафедральному собору святого Павла. «Кэтрин права, – думает он. – Он – безумец! Почему я не остановил его, когда была такая возможность?» Над облаками идет ракетная дуэль, а потом поднятые лица стоящих на площади освещает яркий взрыв воздушного корабля.

– О-о-о-о-о-х! – проносится по толпе.

Эстер Шоу сидит на корточках у края Верхней палубы, а мимо проходят Воскрешенные люди, их зеленые глаза обшаривают плиты палубы и стены, их стальные когти выдвигаются и подрагивают.

Кошкин лаз закончился маленькой сферической камеркой с какими-то числами на влажных стенах и единственной дверью. Бивис вставил ключ в замок, Кэтрин услышала, как он повернулся. В щели появилась полоска света, до них донеслись голоса и дружный, долгий выдох: «О-о-о-о-о-х».

– Мы в проулке рядом с Патерностер-сквер, – сообщает Бивис. – Интересно, на что это они так реагируют?

Кэтрин достает часы, подставляет их под полоску света.

– Без десяти девять. Они ждут выстрела МЕДУЗЫ.

Он обнимает ее последний раз, быстро, смущенно шепчет: «Я тебя люблю». Затем выталкивает ее в дверь и выходит следом, стараясь выглядеть, как ее конвоир, а не друг, и гадая – а произносил ли какой-нибудь другой Инженер слова, только что сорвавшиеся с его губ, испытывал ли те чувства, которые испытывает он, находясь рядом с Кэтрин?

Том пробирается к носовой части гондолы «Дженни Ганивер». Свет погас, кровь из пореза на лбу стекает на глаза, слепит. Боль в сломанных ребрах отдается во всем теле, и больше всего ему

сейчас хочется лечь, закрыть глаза и замереть, но знает, что такая роскошь не для него. Он ищет пульт управления ракетами, молит всех богов, о которых когда-либо слышал, чтобы его не разворотило взрывом. Мольбы его, похоже, услышаны, потому что при нажатии на нужную клавишу из главного пульта управления поднимается перископ. Том вытирает кровь с глаз, прикивает к окуляру и видит в перекрестье силуэт «Лифта на тринадцатый этаж», с каждой минутой увеличивающийся в размерах.

Жмет на гашетку и чувствует, как содрогается под ним гондола: закрепленные под ней ракеты покидают гнезда. Яркие вспышки говорят о том, что ракеты попадают в цель, но, когда глаза вновь привыкают к темноте, он видит лишь помятую броню правого баллона, и понимает, что его смерть близка.

Но он выиграл какие-то мгновения, потому что направляющие ракет правого борта «Лифта» повреждены, и черный корабль проплывает мимо него, чтобы развернуться левым бортом. Том пытается успокоиться. Пытается думать о Кэтрин, чтобы ее образ остался с ним, когда он отправится в Страну без солнца, но он давно уже не видел ее даже во сне и забыл, как она выглядит. Единственное лицо, которое может всплыть перед его мысленным взором, – Эстер, он думает о ней, о том, что им пришлось вместе пережить, о чувствах, которые испытывал, прижимая ее к себе на Щите-Стене, о запахе ее волос, о теплоте ее крепкого, худого тела, пробивающемся сквозь пальто. И тут из какого-то уголка памяти доносится грохот разрывов ракет, выпущенных по «Лифту на тринадцатый этаж», когда тот спешил покинуть Батманкх-Гомпу, звон разбившегося стекла.

«Баллон бронирован, но окна можно разбить».

Он вновь прикивает к перископу, ловит в перекрестье прицела уже не бронированные баллоны «Лифта», а окна гондолы. Датчик у перископа подсказывает, что у него только три ракеты, и он стреляет всеми, поврежденная гондола дрожит и стонет, когда они сходят с направляющих.

На долю секунды он видит Пьюси и Генча, они в рубке, смотрят на него, их лица застыли масками ужаса. А потом они исчезают в яркой вспышке: ракеты пробивают окна, и гондола наполняется огнем. Гейзер пламени поднимается вверх, пожирает сходные трапы между двумя баллонами и вырывает верхнюю часть баллонов. К тому времени, когда к Тому возвращается способность видеть, «Лифт на тринадцатый этаж» валится вниз, обвятый пламенем. Горят и гондола, и мощные двигатели, и оснастка, и бронированные баллоны. И этот гигантский факел пикирует на залитую огнями Верхнюю палубу Лондона.

Кэтрин вышла из проулка на запруженную толпой площадь. Все смотрели вверх, некоторые со стаканами и тирелками в руках, с широко открытыми ртами и глазами. Она бросила взгляд на собор святого Павла. Купол еще не раскрылся, следовательно,

они смотрели на что-то еще. И что это за свет, оранжевое сияние, от которого меркли аргоновые лампы и плясали тени?

В этот самый момент объятый пламенем воздушный корабль рухнул на фасад Инженериума. Во все стороны полетели осколки стекла и куски почерневшего металла. Обломилась консоль двигателя, и он через площадь покатился на нее, раскаленный докрасна, плюющийся горящим топливом. Бивис оттолкнул ее, она упала, он устоял на ногах, закрывая ее собой. Она видела, как шевелются его губы, он что-то кричал, видела синий глаз на корпусе двигателя, а мгновением позже двигатель подмял Бивиса под себя, его крик растворился в грохоте удара двигателя о лифтовую станцию Верхней палубы.

Синий глаз на корпусе. Она понимала, что-то он означает, но не знала, что именно.

Медленно поднялась, дрожа всем телом. Тут и там на Верхней палубе что-то горело, но по-настоящему поlyphал только один пожар – в Инженериуме, заливая светом всю палубу. Она побрела к пылающему двигателю, перешагивая через сломанные лопасти пропеллера. Рукой прикрывая лицо от жара, оглядывалась в поисках Бивиса.

Он лежал среди мусора, с шеей, руками, ногами, изогнутыми под такими невозможными углами, что не имело смысла окликать его по имени. От жара резина его плаща пузырилась и капала, как тающий сыр. Тот же жар обжигал ей лицо, превращал слезы в пар, отталкивал от горящего двигателя, тел, частей тел.

– Мисс Кэтрин?

Синий глаз на корпусе двигателя. Она еще видела его, пусть краска и исчезала под языками пламени. Воздушный корабль отца.

– Мисс Кэтрин?

Она повернулась и увидела одного из сотрудников лифтовой станции. Он взял ее за руку, попытался ободряюще улыбнуться, потянул от горящего двигателя, указал на горящий воздушный корабль, вызвавший пожар в Инженериуме.

– Его там не было, мисс.

Она смотрела на его улыбку. Не понимала. Разумеется, он там был. Она видела его мертвое лицо, пляшущие вокруг языки пламени. Бивис, которого она привела сюда, который ее любил. Чего же улыбается этот человек?

Но мужчина продолжал улыбаться.

– Его не было на борту, мисс. Твоего отца. Я видел его пять минут назад, он входил в собор святого Павла с лорд-мэром.

Тут она почувствовала тяжесть висящего на плече ранца, вспомнила, что должна сделать.

– Пойдем, мисс. У тебя шок. Пойдем, ты присядешь, выпьешь чашечку чая...

– Нет, – она покачала головой. – Я должна найти отца.

Она оставила его и побрела через площадь, сквозь паникующую толпу и вой сирен, к собору святого Павла.

Эстер бежала к Холлу Гильдий, когда мощный взрыв оторвал ее от палубы и выбросил из теней в яркий свет от полыхающего Инженериума. Ока катилась и катилась по металлическим плитам, пистолет отлетел в сторону, шаль сорвало. На какие-то мгновения наступила тишина, потом по барабанным перепонкам ударили крики, сирены. Она попыталась вспомнить, что произошло до взрыва. Свет над крышами, что-то горящее, падающее с неба, несомненно, воздушный корабль. «Дженни Ганивер». «Том», — прошептала она его имя начавшей нагреваться палубе, почувствовав себя, как никогда, одинокой.

Она приподнялась на четвереньки. Увидела одного из новых сталкеров, разорванного пополам. Его ноги продолжали ходить, наталкиваясь на лежащие на палубе обломки. Шаль, подаренная Томом, пролетела мимо. Она ее схватила, повязала на шею, искала взглядом пистолет, но увидела только нескольких сталкеров, совершенно целехоньких, которые надвигались на нее. Их когти отсвечивали красным, красные блики играли на их мертвых лицах, и она поняла, что для нее все кончено.

А в вышине, над башенками Холла Гильдий, над дымом и пляшущими искрами, вновь начал раскрываться купол кафедрально-го собора святого Павла.

Глава 35. Кафедральный собор

Пробитая ракетой гондола «Дженни Ганивер» пела, как флейта от продувающего ее западного ветра, который медленно, но верно уносил воздушный корабль от Лондона.

Том, вымотанный донельзя, упал на пульт управления. Осколки стекла впилась в лицо, руки. Он старался не думать о повреждениях воздушного корабля. Старался не думать о Пьюси и Генче, горящих в пытающей гондоле, но всякий раз, закрывая глаза, видел их кричащие лица, словно черные дыры разъявленных ртов остались вечной татуировкой на внутренней стороне век.

Когда же он поднял голову, то вновь увидел Лондон далеко на востоке. Что-то происходило с кафедральным собором, и потоки розового и зеленого огня вырывались из Инженериума. Медленно он начал осознавать, что произошло. Его вина! Должно быть, погибло множество людей, не только Пьюси и Генч, и все они остались бы в живых, если б он не подстрелил «Лифт на тринадцатый этаж». Он даже пожалел, что выпустил эти ракеты. Лучше погибнуть самому, чем наблюдать за пожаром на Верхней палубе, зная, что пожар этот — его рук дело.

И тут же мелькнула новая мысль: «Эстер!»

Он же обещал ей, что вернется. Она ждет среди огня. Подвесит ее Том не мог. Глубоко вдохнул и взялся за рычаги управления. Двигатели ожили. «Дженни Ганивер» с натугой развернулась и поплыла к мегаполису.

Кэтрин, словно лунатик, пересекала Патерностер-сквер, трансформируемый кафедральный собор так и притягивал ее. Вокруг разгорались пожары, но она ничего не замечала. Ее глаза не отрывались от действия, происходящего в ночном небе: над раскрывшимся куполом поднималась чашеобразная часть МЕДУЗЫ, напоминая раздувшийся воротник огромной кобры, и медленно поворачивалась на восток. Кэтрин больше не боялась. Знала, что Клио приглаждает за ней, убережет ее, если она сможет искупить ужасные преступления отца.

Охранники, стоявшие у дверей собора, не обратили особого внимания на школьницу с ранцем: куда больше их занимал пожар. Поначалу велели ей проваливать, но, когда она сказала, что ее отец внутри, и продемонстрировала золотой пропуск, пожалы плечами и пропустили.

В кафедральном соборе святого Павла она не бывала, но видела фотографии интерьера. Только в действительности многое изменилось.

Нет, колонны и высокие сводчатые потолки остались, но Инженеры обшили стены белым металлом и повесили яркие аргоновые лампы. По нефу змеились толстые электрические кабели, питающие энергией установку в центре собора.

Кэтрин медленно шла вперед, держась в тених у колонн, стараясь не попадаться на глаза десяткам Инженеров, которые проверяли силовые разъемы и делали пометки в блокнотах. Впереди, на возвышении под самым куполом, высилось невиданное сооружение. Балки, фермы и гидравлические цилиндры держали на себе вес гигантского воротника кобры, который вылезал в ночь, а его основание окружал лес металлических колец, гудящих и потрескивающих от накапливаемой энергии. Инженеры сновали между кольцами по металлическим лесенкам, другие сгрудились у компьютерной консоли, словно жрецы у алтаря машинного бога, переговариваясь возбужденным шепотом. Среди них Кэтрин заметила лорд-мэра и очень мрачного отца.

Застыла в тени колонны. Лицо отца видела ясно и отчетливо. Он наблюдал за Кроумом, хмурился, и она понимала, что он с большим бы удовольствием помогал командам спасателей, и только приказ лорд-мэра удерживал его в соборе. На мгновение она забыла, что он – убийца. Ей захотелось подбежать к нему, обнять. Но теперь она принадлежала Клио, служила Истории, и не могла переложить на кого-то порученное ей дело.

Подобралась ближе, прокралась в тень старой купели у самых ступеней, ведущих к возвышению. Отсюда она хорошо видела, что делали Кроум и остальные. Консоль представляла собой сферу из проводов, шнуров, изолированных резиной трубопроводов, в центре которой находился шар, размерами не превышавший футбольный мяч. Кэтрин догадалась, что это за шар. Пандора Шоу нашла его в подземной лаборатории в далекой

Америке и привезла на Дубовый остров, а отец украл в ночь убийства. Инженеры как могли почистили и восстановили шар, заменив поврежденные схемы примитивными устройствами, которые позаимствовали из мозга сталкеров. И теперь доктор Сплей сидел перед сферой, его пальцы бегали по клавиатуре из слоновой кости, набирая последовательности цифр на зеленоватом экране. Второй экран, размерами побольше, показывал, пусть и расплывчато, Щит-Стену. На ней сходилось перекрестье прицела.

– Аккумуляторы заряжены, – доложил один из Инженеров.

– Ну вот, Валентин! – Кроум коснулся костлявой рукой плеча ее отца. – Мы готовы творить историю.

– Но пожар, Кроум...

– В пожарников мы поиграем позже, – рявкнул лорд-мэр. – Мы должны уничтожить Щит-Стену сейчас, на случай, если огонь повредит МЕДУЗУ.

Пальцы Сплея продолжали бегать по клавиатуре, выбивая быструю дробь, но все остальные звуки смолкли. Инженеры с восторгом смотрели на лес колец, на змеящиеся молнии, не падающие вниз, но уходящие к раскрытому куполу, к громадной, нацеленной на Щит-Стену чаше. И Кэтрин начала подозревать, что они не понимали принципа действия той техники, которую отец отрыл для них, и испытывали перед МЕДУЗОЙ такой же благоговейный трепет, что и она.

Если б она подбежала к ним сейчас, активировав бомбу и бросив ее в древний компьютер, то изменила бы ход истории. Но как она могла? Отец стоял рядом, и пусть Кэтрин говорила себе, что теперь он ей не отец и тысячи жизней тех, кому предстояло умереть в Батманкх-Гомпе, перевешивают его жизнь, она не могла заставить себя причинить ему вред. Она провалила свою миссию. Подняла голову к сводчатому потолку и мысленно спросила: «Что мне теперь делать? Зачем ты привела меня сюда?»

Но Клио не ответила.

Кроум шагнул к клавиатуре.

– Задать МЕДУЗЕ координаты цели, – приказал он.

Пальцы Сплея пробежались по клавишам, вводя в компьютер долготу и широту-Батманкх Гомпы.

– Цель обнаружена, – объявил механический голос из динамиков над головой Сплея. – Расстояние – 130 миль. Введите код доступа «Омега».

Доктор Чабб достал стопку толстых пластмассовых листов, ламинированных фрагментов древних документов. Сквозь пластик просвечивали последовательности цифр и букв, словно насекомые, застывшие в янтаре. Он перебирал листы, пока не нашел нужный, вытаскил его и поставил так, чтобы Сплей мог прочитать и набрать код.

Но прежде чем Сплей начал печатать, у дверей послышался шум. В собор вошла доктор Твикс, на ней – несколько сталкеров.

– Всем привет! – воскликнула она, спеша по центральному проходу. Сталкеры не отставали. – Ты только посмотри, лорд-мэр, кого нашли для тебя мои умные малыши! Настоящую живую террористку Лиги, как ты и просил. К сожалению, уж очень уродливую...

– Введите код доступа «Омега», – повторила МЕДУЗА. Механический голос, конечно же, не изменился, но Кэтрин в нем послышалось легкое раздражение.

– Заткнись, Твикс! – гаркнул Магнус Кроум, не отрывая глаз от дисплея, но остальные повернулись, когда сталкеры поднялись на возвышение и бросили свою ношу к ногам лорд-мэра.

Эстер Шоу, со связанными впереди руками, совершенно беспомощная, подняла голову, продолжая гадать, а почему, собственно, сталкеры сразу не убили ее. При виде обезображенного лица девушки мужчины на возвышении обмерли, словно взгляд Эстер превратил их в камень.

«О, великая Клио!» – прошептала Кэтрин, впервые увидев, что сделал меч ее отца. А потом она перевела взгляд с лица Эстер на его, и оно потрясло ее еще сильнее. В нем не осталось ничего человеческого, оно превратилось в серую маску, более ужасную, чем лицо девушки. Так он, должно быть, выглядел, когда убил Пандору и, обернувшись, увидел наблюдающую за ним Эстер. Кэтрин поняла, что сейчас произойдет, еще до того, как отец выхватил меч.

– Нет! – хотелось закричать ей, но во рту пересохло, и крик сошел на шепот. Внезапно она осознала, зачем богиня привела ее сюда, что она должна сделать, чтобы искупить самое страшное преступление отца. Бросила бесполезный ранец и взбежала по ступенькам, Эстер, вскочив, пятилась назад, подняла руки, чтобы хотя бы отвести в сторону разящий меч Валентина, но Кэтрин втиснулась между ними и приняла удар на себя. Меч легко вошел в тело, и она почувствовала, как эфес уперся в ребра.

Инженеры ахнули, доктор Твикс испуганно вскрикнула. Даже на лице Кроума отразилась тревога.

– Введите код доступа «Омега», – в третий раз повторила МЕДУЗА, словно ничего и не произошло.

Валентин повторял: «Нет, нет, нет...» Качал головой, не понимая как вышло, что его меч пронзил дочь. «Кейт, нет!» Он отступил назад, вытаскивая лезвие.

Кэтрин наблюдала, как оно выходит из ее тела. До чего нелепо оно выглядело. Боли она не чувствовала, но яркая кровь струей ударила из дыры в тунике и выплеснулась на пол. Закружилась голова. Эстер Шоу попыталась поддержать ее, но Кэтрин оттолкнула девушку.

– Папа, не причиняй ей вреда, – прошептала Кэтрин, сделала два шага вперед и упала головой на клавиатуру доктора Сплекса. Зеленые буквы и цифры побежали по экрану, отец подхватил ее,

осторожно положил на пол, и она услышала голос МЕДУЗЫ: «Введен неправильный код».

Вновь по экрану побежали цифры и буквы. Где-то что-то взорвалось.

– Что случилось? – заверещал доктор Чабб. – Что происходит?

– Она не отвергла координаты цели, – ахнул доктор Чандра. – Но энергия продолжает накапливаться...

Инженеры бросились по своим постам, перескакивая через лежащую на полу Кэтрин, ее голова покоилась на коленях отца. Она их не замечала, всматриваясь в лицо Эстер. И словно видела свое отражение в разбитом зеркале. Улыбнулась, довольная тем, что все-таки встретилась со сводной сестрой, задалась вопросом – а подружились ли бы они? Начала икать, онемение распространялось по телу, сознание уходило, шум в кафедральном соборе становился все глуше и глуше. «Я умираю? – подумала она. – Я не могу, еще не время, я не готова!»

– Помогите мне! – крикнул Валентин Инженерам, но их интересовала только МЕДУЗА. Подошла только девушка, приподняла Кэтрин, поддержала, пока он рвал мантию на полосы и пытался остановить кровотечение. Он взглянул в ее единственный серый глаз и прошептал. – Эстер... спасибо тебе!

Эстер смотрела на него. Она прошла долгий путь, чтобы убить Валентина, все эти годы не могла думать ни о чем другом, а вот теперь, когда он был в ее власти, ничего не чувствовала. Меч лежал там, где Валентин его выронил. На нее никто не смотрел. Даже со связанными запястьями она могла поднять меч и пронзить его сердце. Но теперь в этом не было никакого смысла. В изумлении она смотрела, как по его щекам текут слезы, падают в лужу крови, вытекшей из тела дочери. Одна за другой в голове пролетали мысли: «Он ее любит! Она меня спасла! Я не могу дать ей умереть!»

Она протянула руки, коснулась Валентина.

– Ей нужен врач!

Он посмотрел на Инженеров, мечущихся вокруг огромной машины. От них помощи ждать не приходилось. За дверями кафедрального собора, на Патерностер-сквер, бушевал пожар. Он вскинул голову и увидел над раскрытым куполом силуэт воздушного корабля.

– Это «Дженни Ганивер»! – воскликнула Эстер, встопорилась. – Это Том! На борту есть лазарет... – Но она понимала, что «Дженни» не сможет приземлиться на горящую Верхнюю палубу. – Валентин, мы сможем подняться на крышу?

Валентин схватил меч, разрезал веревки на ее запястьях. Потом, отбросив его в сторону, поднял Кэтрин на руки и пошел к винтовой металлической лестнице, уходящей к чаше МЕДУЗЫ. Сталкеры попытались остановить бросившуюся за ним Эстер, но Валентин приказал им не вмешиваться. Таращившийся на него бифитер получил другой приказ: «Капитан! По этому воздушному кораблю не стрелять!»

Подбежавший Магнус Кроум схватил его за рукав.

– Машина сошла с ума! – Его голос переполнял ужас. – Одно-му Куирку известно, какую команду отдала ей твоя дочь! Мы не можем выстрелить и не можем остановить накопление энергии! Сделай что-нибудь, Валентин! Ты нашел эту чертову машину! Отключи ее!

Валентин оттолкнул его и начал подниматься по ступеням, сквозь мерцающие разряды, сквозь треск статического электричества, сквозь запах горящей жести.

– Я только хотел помочь Лондону! – Из груди старика вырвалось рыдание. – Я только хотел видеть Лондон сильным!

Глава 36. Тени костей

Эстер шла первой, поднимаясь все выше, к раскрытым лепесткам купола, в тень огромной чаши. Справа от нее обгоревший остов «Лифта на тринадцатый этаж» лежал среди руин Инженериума. Пожар распространился на Холл Гильдий, департамент планирования и регистрационная палата пылали, во все стороны разлетались миллионы горящих розовых и белых бланков. Кафедральный собор святого Павла каменным островом возвышался среди моря огня, а «Дженни Ганивер» кружила над ним, словно маленькая луна. Восходящие потоки воздуха от горящих зданий нещадно мотали ее из стороны в сторону.

Эстер шла дальше, на раздувшийся воротник кобры МЕДУЗЫ. Валентин следовал за ней, она слышала, как он что-то шептал Кэтрин, поглядывая на отчаянно борющийся с турбулентностью воздушный корабль.

– Какой идиот сидит за штурвалом? – прокричал он, присоединяясь к Эстер на чаше.

– Это Том, – ответила она, поднялась, замахала руками, закричала: – Том! Том!

Первым делом Том увидел шаль, ту самую, что купил ей на Перипатетиаполисе. Повязанная на шее, раздуваемая ветром, она вдруг польхнула красным, он заметил ее краем глаза, повернулся и увидел машущую руками Эстер. Потом девушку накрыло черным облаком дыма, и он решил, что миниатюрная фигурка на чаше МЕДУЗЫ ему только померещилась. Казалось невозможным, чтобы кто-нибудь выжил в разожженном им пожаре. Однако он направил «Дженни Ганивер» к МЕДУЗЕ. Дым отнесло ветром, и он увидел ее, по-прежнему машущую руками, в длинном черном пальто и с таким обезображенным, прекрасным лицом.

Кэтрин открыла глаза. Зона холода в ее теле расширялась, расходясь от нанесенной мечом раны. Она все икала и подумала – до чего же глупо умирать, икая, как это недостойно светской дамы.

Ей очень хотелось, чтобы Собака был рядом. «Том! Том!» – продолжал кто-то кричать. Она повернула голову и увидела воздушный корабль, спускающийся сквозь дым. Он подходил все ближе и ближе, пока гондола боком не уперлась в чашу МЕДУЗЫ, а она не почувствовала теплый воздух, идущий из сопл работающих двигателей. Отец уже нес ее к кораблю, за разбитым ветровым стеклом она видела Тома, всматривающегося в нее, Тома, с которого все и началось, которого она давно похоронила. Но он смотрел на нее, живой, потрясенный происходящим вокруг, измазанный сажей, с V-образной раной на лбу, словно символом какой-то неизвестной ей Гильдии.

Внутри гондола оказалась куда больше, чем она ожидала. Собственно, даже больше «Клио Хауз», там ее ждали и Собака, и Бивис, икота прекратилась, рана, как выяснилось, не была серьезной, простая царапина. Солнечный свет вливался в иллюминаторы, когда Том поднимал их все выше и выше, в небо идеальной синевы, и она облегченно расслабилась на руках отца.

Эстер добралась до воздушного корабля первой, залезла в гондолу сквозь пробоину в борту. А когда оглянулась, протягивая руку Валентина, увидела, что он упал на колени, и поняла: Кэтрин мертва.

Застыла с протянутой рукой, сама не зная почему. А потом электрические разряды зазмеились в воздухе над белым металлом чаши.

– Валентин! Скорее! – крикнула она.

Он лишь на мгновение оторвал глаза от лица дочери.

– Эстер! Том! Улетайте! Спасайтесь!

За ее спиной Том лодочками приложил руки к ушам и спрашивал:

– Что он сказал? Это Кэтрин? Что случилось?

– Смываемся! – прокричала она в ответ, перебралась через него и врубила двигатели на полную мощность. Когда посмотрела вниз, Валентин быстро уменьшался в размерах, баюкая на руках тело дочери. Одна ее рука висела, словно плеть. И Эстер казалось, что она – призрак Кэтрин, поднимающийся на небеса. Грудь разрывала ужасная боль, дыхание выходило рыданиями, и что-то мокрое и горячее текло по щеке. Она даже решила, что ее ранили, пусть она и не заметила, когда, поднесла руку к лицу и увидела, что пальцы мокрые, и поняла, что плачет, плачет, скорбя по матери и отцу, по Шрайку, по Кэтрин и даже по Валентину. Тем временем мерцающий свет, окутавший кафедральный собор, разгорался все ярче, а Том уводил «Дженни Ганивер» в темноту, наращивая расстояние от Лондона.

В Брюхе гигантские двигатели Лондона внезапно остановились, без предупреждения, все разом, мгновенно. Их вырубил излучение, генерированное машиной Древних, которую Инженеры восстановили на Верхней палубе. Впервые после пересечения

земляного моста великий Движущийся город начал сбавлять скорость.

В торопливо забаррикадированной галерее Лондонского музея Чадли Помрой осторожно выглянул поверх чучела синего кита и увидел, что сталкеры, приближающиеся к их последнему прибежищу, стоят как вкопанные, а их металлические головы искрятся.

– Великий Куирк! – воскликнул он, обернувшись к горстке оставшихся в живых Историков. – Мы победили!

Валентин наблюдает, как красный воздушный корабль улетает прочь, подсвеченный пожарами на Верхней палубе и набирающим яркость сиянием, которое окутывает кафедральный собор святого Павла. Он слышит, как где-то внизу тревожно завывают пожарные сирены, как кричат охваченные паникой Инженеры. Огни святого Эльма нимбом пляшут вокруг головы Кэтрин, ее волосы искрятся, когда он гладит их. Осторожно он убирает прядку, попавшую в рот, крепко прижимает к себе дочь и ждет. Наконец, вокруг вспыхивают молнии, они превращаются в сгусток огня, потом – ослепительно белого газа и исчезают: тени их костей рассыпаются по бездонному небу.

Глава 37. Птичьи дороги

Лондон содрогнулся под ударами молний. Похоже, что энергетический луч, призванный поразить расположенную за сотню миль Щит-Стену, ударил по верхним палубам. Расплавленный металл сосульками повис по их периметру. В Брюхе загрелись взрывы. Обломки разлетелись во все стороны. Несколько воздушных кораблей попытались взлететь, но их баллоны вспыхнули, и они маленькими факелами упали в море огня.

Спаслась только «Дженни Ганивер», успевшая достаточно далеко удалиться от эпицентра взрыва. Ударные волны немилосердно трясли «Дженни», двигатели отключились при первом энергетическом выбросе, и все попытки Тома оживить их ни к чему не привели, но баллоны остались целыми. И теперь Том сидел в разбитом кресле пилота и плакал, наблюдая, как ночной ветер все дальше и дальше уносит его от умирающего мегаполиса.

– Это моя вина, – вырвалось у него. – Это моя вина.

Эстер тоже смотрела на Лондон, на то место, где стоял кафедральный собор, где исчезли во вспышке Кэтрин и ее отец.

– Нет, Том, нет, – ответила она. – Это стечение обстоятельств. Что-то сломалось в их машине. Это вина Валентина, вина Кроума. Вина Инженеров за то, что они вернули эту машину в рабочее состояние, вина моей матери в том, что она вырыла ее в Америке. Вина Древних, которые ее придумали. Вина Пьюси и Генча, которые пытались тебя убить, вина Кэтрин, спасшей мою жизнь...

Она села рядом с ним, хотела утешить, но боялась прикоснуться к нему, потому отражения ее лица, которые она видела в дис-

ках приборов и осколках стекла, были чудовищнее МЕДУЗЫ. А потом она подумала: «Глупенькая, он же вернулся, не так ли? Он вернулся ради тебя». Дрожа всем телом, она обняла Тома, прижала к себе, потерлась о макушку, застенчиво сцеловала кровь с раны между бровей, не выпускала из объятий, пока окончательно не разрядились аккумуляторы умирающей машины смерти и над равниной не затеплился серый рассвет.

– Все хорошо, Том, – раз за разом говорила она ему. – Все хорошо...

Лондон остался в далеком далеке, неподвижный, окутанный дымом. Том нашел бинокль мисс Фанг, навел на город.

– Кто-то наверняка выжил. – Он очень надеялся, что его слова соответствуют действительности. – Готов спорить, мистер Помрой и Клайти Поттс организуют команды спасателей, раздадут чашки чая...

Но сквозь дым, пар, пелену золы он ничего, ничего, ничего не видел, хотя и не отрывал бинокль от глаз, пытаясь уловить хоть какое-то движение. Ему открывались только почерневшие от копоти стойки, а на выжженной земле валялись вырванные с корнем ведущие колеса, горели озера горячего, а разорванные гусеницы напоминали кожу, сброшенную гигантскими змеями.

– Том? – Эстер подергала рычаги управления, к своему удивлению обнаружила, что рулевые тяги работают. И «Дженни Ганивер» реагировала на ее движения, поворачиваясь под ветром. – Том, мы можем попытаться добраться до Батманкх-Гомпы. Там нас встретят с распростертыми объятьями. Они наверняка считают тебя героем.

Но Том покачал головой.

Перед его мысленным взором «Лифт на тринадцатый этаж» пикировал на Верхнюю палубу, и Пьюси и Генч, раззявив черные рты, безмолвно кричали, объятые огнем. Он не знал, кто он, но уж точно не считал себя героем.

– Хорошо.

Эстер все поняла без слов. Она по себе знала, требуется время, чтобы затянулись душевные раны. И дала себе слово не торопить его.

– Давай полетим на Черный остров. В караван-сараях починим «Дженни Ганивер». А потом птичьими дорогами отправимся в далекие края. Побываем на Ста островах, в Таннхаузерских горах, в Южной Ледяной пустоши. Мне все равно, куда мы полетим. Лишь бы ты был со мной.

Она присела рядом с ним, положила руки к нему на колени, голу – на руки, и Том обнаружил, что улыбается, несмотря ни на что, откликается на ее перекошенную улыбку.

– Ты – не герой, я – не красавица. – Она встретилась с ним взглядом. – И с этим ничего не поделаешь. Но мы живы, мы вместе, и все у нас будет хорошо.

СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ КОНВЕРТА

Ольга ТУПИКОВА

15 лет, г. Мыски Кемеровской области

* * *

Так странно: мир перевернулся.
И нет весны. Вновь падал снег.
А мой мальчишка не вернулся.
Он не пришел. Пока что нет.

Но он придет. Я слышу: где-то
Стучат колеса поездов.
Я буду ждать хоть до рассвета,
И я дождусь... Идет снег вновь.

Но нет! Весна ко мне вернется
И он придет. (Не выношу потерь.)
Когда на небе вновь засветит солнце,
Свою открою нараспашку дверь.

Услышу, как по лестничным ступеням
Он подниматься будет... Но пока
Я посекундно отмечаю время –
И в дверь свою опять всё жду звонка.

Наталья НИКУЛИНА

16 лет, г. Пермь

* * *

Казалось бы, всё лучше, чем у всех,
Казалось бы, всё очень просто –
Зимой вьюжной белый снег,
Весною пенье птиц и звезды...

Но думать так есть тяжелейший грех.
На самом деле всё так сложно...
Не просто так кружится белый снег,
Не просто так во тьме сияют звезды.

* * *

Стихи рождаются из чувства,
Из чувства полного единства,
Когда звезда размером в блюдец
За дверью сердца затаится.

Потом начнет расти, светиться,
И душу озарит лучами,
Что освещают всё в округе
Так часто лунными ночами.

* * *

Желаю быть самой собой
Назло судьбе и предрассудкам.
Мечтаю быть всегда с тобой –
Назло друзьям и пересудам.

Мечтаю жить на небесах –
Назло земному притяженью.
Желаю жить, не зная страх,
Назло тревогам и волнениям.

Сергей КУЛЯСОВ

17 лет, п. Игра, Удмуртская Республика

* * *

На скрипучем столе моем книги.
Что же боле в квартире иметь?
Я разгадан тобой и в итоге –
Мне пришлось от тоски заболеть.

Что-то странное, грустное очень
Поселилось в поблекшей душе.
То ли хочется в желтую осень,
То ли просто на часик к тебе?

Может, время есть некая злоба,
Может, я изменился чуть-чуть?
Даже эта весна у порога
Не развеет в груди моей муть.

Кто же скажет мне верное слово?
Кто спасет меня – ангел иль черт?
Нет ответа. И странное что-то
По щеке моей быстро ползет.

Мария УРБИНА

19 лет, п. Зеленый Тверской области

* * *

Я рисую солнцем на асфальте,
Розовым лучом на небе.
Закружиться в ярко-красном вальсе,
Научиться улыбаться мне бы.

И в оранжевом каскаде смело
Сбросить в никуда печали.
И тогда кому какое дело –
Что слова пустые означали.

Душу перекрасить в цвет восхода,
Подружиться с солнцем и надеждой,
И всегда, в любое время года,
Цвета апельсина шить одежды.

* * *

Я весну заплутавшую жду,
Ей стучу в голубое окошко.
Подождите, прошу вас, немножко,
Я ее непременно найду.

Я ее непременно найду
В изумрудовых стрелках мускари,
И в лимонных нарциссовых сари,
И на тающем грустном снегу.

И на небе, рожденном теплом,
Освежающем, нежном и новом,
День в прозрачно-воздушной обнове
Запоет возрожденья псалом.

Я ее непременно найду,
Разыщу между льдин, между снега,
В опоенном лучами саду,
Где царит пробуждения нега.

Наталья БОНДАРЕВА

20 лет, п. Клюквинка Томской области

* * *

Год назад в такой же светлый вечер
Мы с тобой стояли на мосту.
Обнимал тогда нас южный ветер.
Ты искал счастливую звезду.

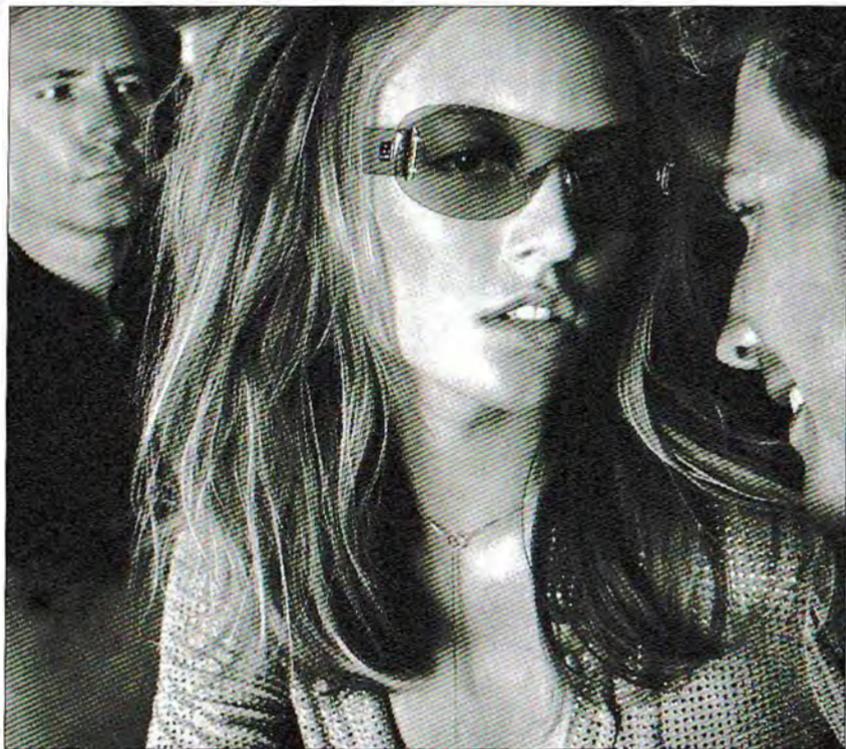
Вот сейчас такой же теплый вечер,
И стоим мы снова на мосту.
Обнимает нас тот самый ветер.
Только уже я ищу звезду.

Я ВСЁ РАЗРУШИЛА САМА

Письмо, которое вам предстоит прочитать и о котором затем пойдет речь, вроде бы мало чем отличается от других.

Как и многие письма, тем более написанные в то время, когда весна властно вступила в свои права, оно – о любви.

О той, настоящей, которая была, и о той, которой, по существу, и не было, но которая оставила в душе глубокий и неизгладимый след. К той, настоящей любви, журнал «МЫ» имеет, по признанию автора письма, самое непосредственное отношение. К тому, что произошло в дальнейшем, он вроде бы и не причастен.

На самом же деле это вовсе не так. То, чем живете вы, о чем думаете, мечтаете, что тревожит вас – этим живем и мы. Переживаем вместе с вами, вместе с вами размышляем над тем, что случилось и что ждет вас впереди... Нет, мы не стремимся давать вам советы, что необходимо срочно сделать сейчас и что предпринять в дальнейшем. Нам кажется, что это был бы самый простой, но и самый неверный путь. Мы стремимся думать вместе с вами. А подумав, вы сами решите, что нужно сделать и как.

Конечно, кто-то может решить что-то и за вас. Но, согласитесь, главный жизненный вопрос – «быть или не быть?» – каждый должен решить для себя сам. И, в конечном итоге, это будет самое верное решение.

Но вначале – прочитаем вместе письмо Оксаны.

«Так получилось, что с журналом «Мы» я познакомилась очень давно – как только он начал выходить. Прошло уже больше десяти лет, но я до сих пор преданная читательница журнала. Он мне очень нравится. Сейчас, к сожалению, очень мало таких изданий – по-настоящему честных и открытых, доброжелательных к своим читателям и их проблемам. А «глянцевые» журналы мне почему-то читать не интересно...»

Я хочу поделиться с читателями «Мы» своей историей. Всё то, что произошло со

мною, – очень важно для меня. А почему я решила написать именно в «Мы» – понятно: эта история началась со страниц журнала и с ним связана.

Несколько лет назад, получив очередной номер «Мы», на его страницах я нашла адрес парня, тогда служившего в армии. Я решила с ним познакомиться и написала ему письмо. И получила ответ.

Его звали Сергей, он москвич, а тогда служил в одной из подмосковных воинских частей. Мы переписывались, потом его демобилизовали, он вернулся домой. А к тому времени моя старшая сестра вышла замуж за москвича и пригласила меня приехать к ней в гости. Вот так и состоялась наша первая встреча. Представляете мое тогдашнее душевное состояние: самое первое свидание в жизни!

Тогда мы провели вместе неделю – мне надо было уезжать домой. Он пришел проводить меня на вокзал. И подарил мне огромный букет гладиолусов – такой большой, что мне казалось, что он почти с меня ростом. Это были мои первые цветы. Не забуду их никогда.

Мне понравились друг другу. А потом между нами возникло чувство – настоящее, такое сильное, что если проходило несколько дней и я не видела Сергея, то просто умирала с тоски. А потом случилось то, что я до сих пор не могу сама себе объяснить.

Знаете, есть такая поговорка: чем больше у тебя есть, тем больше тебе хочется. Так было и со мной: в моем городе (а живу я недалеко от Москвы, в Туле) за мной ухаживали и другие парни. Я встречалась с ними, ходила на дискотеку, мы вместе проводили время компанией. Сергей знал об этом, он, конечно, хмурился, но всегда говорил: «Знаешь, для меня это всё не важно. Я люблю тебя и прошу только об одном: не бросай меня. Я хочу, чтобы мы были вместе». Мы ждали, когда мне исполнится восемнадцать лет, чтобы пожениться. Я много раз ездила к Сергею в гости, он познакомил меня со своими родителями. Его мама звала меня дочкой... Это была чудесная семья, замечательные душевные люди.

А потом однажды в Туле я случайно познакомилась с одним парнем. Он был очень красивым, замечательно за мной ухаживал. И через полгода знакомства мы с ним поженились.

Мне кажется, все девчонки выходят замуж или по любви, или по расчету. Как ни странно, у меня не было ни того, ни другого. Выйти за него замуж меня... угостили подружки. Мой парень очень нравился им – высокий, сильный, красивый. Все девчонки обращали на него внимание. Все в один голос говорили мне: «Не упускай своего счастья, выходи замуж!» Мне тогда было семнадцать лет. Могла ли я думать о чем-ни-

будь серьезно? Такой красивый парень влюблен в меня, зовет замуж, все девчонки завидуют... Могла ли я тогда понять, насколько это серьезный шаг в жизни – выйти замуж. Тем более что первые месяцы моей семейной жизни я была настолько счастлива, что ни о чем, кроме как о муже, и думать не могла.

Но наше семейное счастье продолжалось недолго. Мой муж оказался очень ревнивым человеком. Мне даже иногда казалось, что он просто помешался на этой почве. Я, конечно, рассказала ему о Сергее. И через некоторое время после свадьбы он стал мне постоянно говорить: «Я знаю, что у тебя на душе. Чувствую, что ты постоянно думаешь о своем Сереже. Ты до сих пор его любишь». Я говорила ему, что всё это абсурд, ерунда. Что мы с ним навсегда вместе. И что раз мы вместе, то мы оба должны забыть о том, что было друг у друга раньше.

Но потом оказалось, что он прав. Что «всё забыть» не смогла прежде всего я сама. Мы прожили с мужем год, прежде чем я поняла, что именно Сергей был нужен мне на всю жизнь, а не мой красавец-муж. Что только он – тот человек, с которым мне хочется делить все радости и горести моей жизни. Что Сергей – именно тот, кого я любила и люблю по-настоящему. Но теперь это счастье от меня ушло, ушло навсегда. И разрушила всё я сама, своими руками.

С мужем я развелась – семейная жизнь моя так и не получилась. А Сергею мне даже и позвонить стыдно.

Знаете, слову «любовь» я придаю очень высокое значение. Я считаю, что человек может по-настоящему полюбить один раз в жизни. Так что полюбить кого-то вновь я больше уже не надеюсь, да и желания нет. После того, что я натворила, в моей душе пустота и холод. Я очень надеюсь, что Сергей в конце концов простит меня за всё – за ту боль, ту обиду, которую я ему нанесла. Теперь я всё поняла, и эта боль будет сидеть в моей душе до конца моих дней.

И еще мне хотелось бы, чтобы девушки, которые прочитают это письмо, если его напечатают, задумались и не спешили быстрой выйти замуж. Оглянитесь вокруг. Посмотрите на тех, кто рядом с вами, кто предан вам и любит вас. Найти симпатичного парня очень просто, а вот найдешь ли в нем настоящую человеческую душу? И не отмахивайтесь от парней, если даже вам покажется, что этот парень – зануда, достал со своими чувствами. Может быть, именно с этим человеком вы будете счастливы всю жизнь.

К сожалению, мы слишком часто замечаем, что любим тех, кого уже потеряли. И иногда по своей вине.

Оксана, 19 лет
г. Тула»

Что ни говори, грустным показалось нам это письмо, тем более, что его автор – наша постоянная читательница, близкий нам человек, и мы, естественно, переживаем вместе с ней: радуемся, что в свое время помогли ей встретить настоящую любовь, и сочувствуем, узнав о том, как всё это закончилось, оставив на душе печальный и горестный след.

Наверное, проще всего было бы сказать: что имеем, не храним, потерявши – плачем. В общем-то, это было бы справедливо. Но лишь отчасти. Да, Сергей и Оксана любили друг друга. Искренне, честно. Строили совместные планы на будущее и несколько не сомневались – ничто не может их разрушить. Не было для этого никаких видимых причин.

Только вот в жизни Оксаны случилось непредвиденное – в нее неожиданно ворвался новый человек. Красивый, влюбленный в нее, умеющий галантно ухаживать. И дрогнуло доверчивое девичье сердечко. Да, был любимый Сережа, только он был далеко, а этот, другой, всегда был рядом.

Согласитесь, как приятно, когда тебя любят, уважают, ценят. Два к тому же зовут замуж. Чего же тут раздумывать? А раздумывать, как нам кажется, было о чем. «Все девчонки выходят замуж по любви или по расчету, у меня не было ни того, ни другого», – признается Оксана. Не очень понятно, почему же не

пришла ей в голову простая мысль: ну да, он сильный, высокий, красивый... Ну и что с того? Если нет любви, что же мне с его красоты? Эта красота, как и всё остальное, чем он может гордиться и чему завидовали твои подруги, принадлежит прежде всего ему самому. И если в твоём сердце не нашлось места этим его, признаемся честно, отнюдь не пустячным достоинствам, то к чему тогда всё остальное? Даже расчёта с твоей стороны никакого не было.

А что тогда было? Мне всё же кажется, что какой-никакой расчёт всё же имел место. Пусть даже не расчёт, а точнее – стремление выглядеть в глазах окружающих самой что ни на есть удачливой, успешной, счастливой, наконец. Пусть завидуют подруги, пусть все видят, какой красавец принадлежит тебе (а не кому-нибудь еще!), пусть все видят, что ты достойна большего, чем они. На самом же деле получилось вот что: Оксана, по сути, любила не его, а себя. На самом-то деле муж для нее был вторичен: он был своеобразным зеркалом, в котором она наблюдала свое, крайне приятное ей изображение. Оксана видела, как ее любят, какие слова при этом говорят, какие поступки (в данном случае это касается ухаживания) при этом совершают. И чем больше льстило ей это отражение, тем более она была благосклонным к нему. Девушка в данном случае

нашла не любовь как таковую, не застенчивое обожание Сережи, а подтверждение собственной исключительности.

Оксанин избранник стал для нее – хотела она того или нет – лишь средством удовлетворения собственного тщеславия. «Какого отхватила», «ну, повезло», «вот счастье улыбнулось» – так или примерно так судачили подруги, знакомые, соседи. Это льстило, ласкало самолюбие, а все остальное – но лишь на время – оставалось за пределами здравого смысла. На самом же деле не было главного – любви и даже примитивного повода для брака – расчёта. Было любопытство, желание блеснуть, удовлетворить собственное тщеславие.

Каждая семья счастлива по-своему. Но, как утверждал Лев Толстой, каждая семья и несчастна по-своему. Вначале был праздник. Он увидел ее – красивую, юную... Честно говоря, у любого юноши сердце будет рваться наружу, тем более, если к тому очарованию, которое ты видишь, добавить собственное воображение и представить то, что тебя ждет впереди. Словом, «и божество, и вдохновение, и жизнь, и слезы, и любовь». Однако за всем этим неизбежно наступает проза жизни.

Бурное взаимное любопытство – ах, какая она, ох, какой он, – недолгое простое общение переходит из области восторженно платони-

ческой в обычную повседневную супружескую жизнь, на которую так или иначе накладывается свой негатив обыденная повседневность – кухня, магазины, словом, быт. Раньше было просто удовольствие: видеть его, обладать им, блистать рядом с ним, вместе с ним. Естественно, хочется иметь как можно больше удовольствия, больше и быстрее. В общем-то, это нормальная потребительская реакция. Но всякое интенсивное потребление ведет к быстрому истощению. В данном случае к истощению эмоциональному. И тогда недавние супруги-любовники разочаровываются друг в друге, начинаются взаимные претензии. И вот уже красивый, высокий и сильный начинает постоянно говорить: «Я знаю, что у тебя на душе. Ты всё время думаешь о своем Сереже». А ты вначале уверяешь его, что все это ерунда, а потом вдруг тебя пронзает мысль, что тебе нужен не этот красивый муж, по которому сохли все твои подруги, а тот Сережа, по которому ты умирала с тоски и который дарил тебе гладиолусы. Вот так, по своему-то мужу ты с тоски не умирала, просто тебе нравилось, что все в него влюблены, и, наверное, в душе ты верила, что рядом с ним ты тоже будешь нравиться всем. Хватило всего лишь одного года, чтобы понять, что вы не созданы друг для друга.

Не сложилась любовь, как песня. Так ведь это в песне

всё складно получается. Только винить и укорять себя все же не стоит, да и мы не вправе. Ну какой твой жизненный опыт, его и на одну-то любовь не хватит, а тут вон как всё повернулось. А что ты знала о жизни, что в жизни знал твой Сережа?! Он знал только то, что любит тебя. Только ведь любовь «не вздохни на скамейке и не прогулки при луне». Точнее, не только это. Пожалуйста, поверь, будь твой Сережа хотя бы на пять лет постарше, а, в общем-то, под этим я подразумеваю – поопытнее, все бы могло сложиться иначе. Вполне вероятно, что вы расстались, и расстались навсегда. Однако если расстаются двое, нельзя винить лишь одного. Бесспорно, за твоей виной стоит поступок. А за его – отсутствие поступка. По-существу, он не сделал ничего, чтобы ты была рядом, вместе с ним, чтобы, кроме поцелуев и прогулок по Москве, вас связывали какие-то общие интересы, хотя бы мечты. Пусть даже о том, что через год ты будешь здесь, рядом с ним, в этой квартире, вы будете вместе ходить в институт... Только не подумай, что я хочу обвинить в чем-то твоего Сережу. – в душевной черствости и недальновидности. По сути дела, он ребенок, неумелый, неопытный, и в силу этого даже беззащитный перед сложными жизненными обстоятельствами. Как и ты. Не его, не тебя не стоит ни в чем обвинять. Вас можно лишь по-

жалеть, даже не пожалеть – в данном случае это выглядело бы неуважительно, – просто посочувствовать.

Давать какие бы то ни было советы в сложившейся ситуации лично я посчитал бы неуместным. Тем более на собственном опыте ты уже смогла убедиться и в ценности советов и в их необходимости. Однажды подруги тебе уже «посоветовали»: «Не упускай своего счастья, выходи замуж». Спустя год тебе стало ясно, что из этого получилось, – ничего хорошего. Теперь-то ты знаешь, что в сердечных делах можно доверять лишь самой себе.

Если здраво рассуждать, абсолютно очевидно, что любые советы хороши лишь в совершенно конкретных случаях. Ты хочешь купить компьютер – и специалист посоветует тебе сделать правильный выбор. Тебе нужна стиральная машина – и подруга может подсказать: возьми такую же, как у меня, потому что... И, как правило, в таких случаях мы всегда соглашаемся, поскольку уверены – люди знают, о чем говорят, всё испытали на собственном опыте.

А что тебе могли посоветовать подруги, у которых жизненный опыт равен твоему, а то и на порядок ниже? Да ничего сверх того, что ты сама знаешь и можешь себе представить. Не исключаю, что кто-то из них, тех, кто «обжегся» на твоём избраннике, мог сделать тебе, как

сейчас любят говорить твои сверстники, «подставу». Я вижу, что он красивый и стройный. Но я знаю, что он – самовлюбленный эгоист, и ничего хорошего тебя не ждет. Вот и давай, дуй – твори, выдумывай, пробуй. А потом окажешься у разбитого корыта. А мы и «порадуемся» за тебя. Не исключено, что на самом деле это не так. В твоём конкретном случае. Но это я адресую не только тебе, но и другим читательницам: вполне вероятно, что у них может случиться именно так. Значит, подобный вариант тоже нужно иметь в виду.

При всей разумности твоих рассуждений, уважаемая Оксана, мне, например, не очень понятно, почему ты полагалась лишь на советы подруг. Сдается мне, что твоя старшая сестра, живущая, кстати, в Москве, как и твой Сережа, могла бы дать тебе более дельный совет. К тому же она и постарше, и поопытней, во всяком случае, кое-что в жизни уже успела повидать. Если же были у тебя какие-либо сомнения, могла бы пригласить своего Сережу в Тулу, познакомить его с родителями, с подругами. Вот тогда они бы и посоветовали. А так, по существу, и судить-то им было не о чем. Да, один – по их мнению, супер, но второго-то они вообще не видели. А из одного не выбирают: он один, единственный и неповторимый. Вот они его и выбрали. За тебя. А расплачи-

ваться за их ошибки пришлось тебе.

В одном старом, еще советских времен, фильме есть такая простенькая песенка с незатейливыми словами: «В любви надо действовать смело, вопросы решать самому. А это серьезное дело нельзя доверять никому». Примитивно, но справедливо. Тебе жить, никто даже из самых близких тебе людей не сможет прожить твою жизнь за тебя. Но тебе и решать, как ты будешь жить. С подругами хорошо разговоры говорить да весело время проводить. Но после всего этого ты останешься сама по себе, один на один со своими проблемами и житейскими неурядицами. Конечно, тебе могут в чем-то помочь, но твои проблемы за тебя никто не решит.

Честно говоря, в данном конкретном случае мне хочется посочувствовать не столько тебе, сколько твоему Сереже. Поверь, ему труднее, чем тебе. У тебя была хотя бы иллюзия счастья, в его же жизненном багаже осталось лишь предательство. В вашем нежном возрасте любое знакомство – это событие, а уж в таком неординарном случае – эпистолярный жанр требует, как ни говори, того, чтобы трудилась душа и работала мысль (понравиться в письме всё-таки несравненно труднее, чем даже при нечаянной встрече) – гораздо сложнее. Тем более, потом, при встрече, вы понравились друг дру-

гу. Нетрудно представить его состояние: он ничем тебя не обидел, не дал никакого повода к тому, чтобы его «кинули». В чем он виноват? Вопрос, конечно, риторический. Но как дальше ему жить со всеми этими мыслями? Верить ли в любовь, в красивые слова девушек? Добро бы его любовь к тебе была неразделенной – так ведь нет. По крайней мере, так он думал.

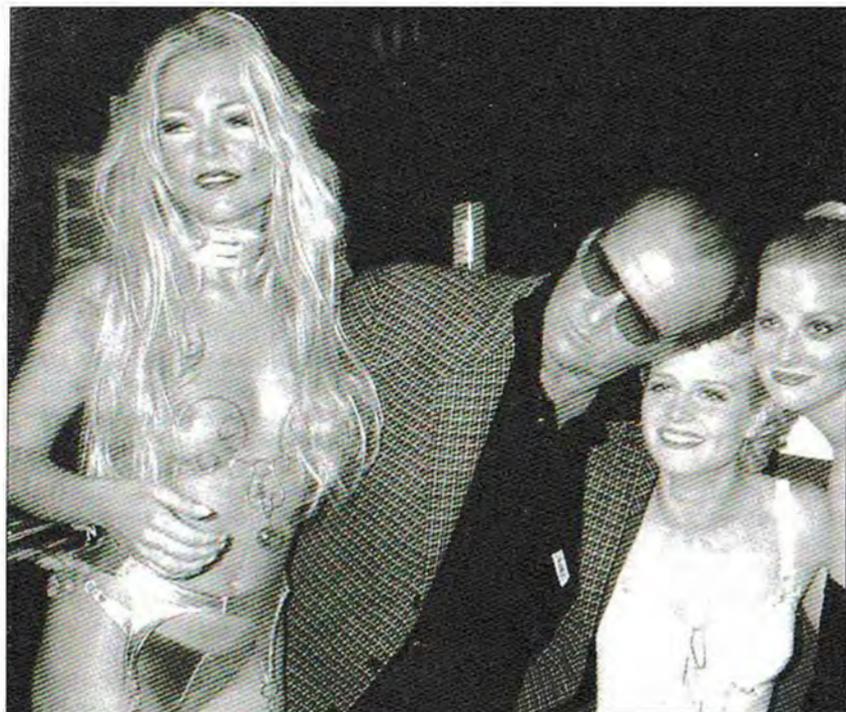
Вот так и получилось – ты любишь его, он любит тебя, только теперь каждый из вас любит то, что было, а не то, что есть. К счастью, жизнь на этом не кончается. Если вам суждено быть вместе – так оно и будет. Может быть, ты, Оксана, приедешь в Москву, позвонишь своему Сереже и... Не хочу давать тебе никаких советов, чтобы не уподобляться твоим подругам. Твое сердце и твои чувства подскажут тебе нужные слова. А может быть твой, уже повзрослевший Сережа, как настоящий мужчина, презрев всё мелочное и суетное, придет к тебе и скажет те самые заветные три слова. Всё может быть... А если не может быть именно так, значит, будет по-другому: ты встретишь того, кто по-настоящему нужен тебе. Обязательно встретишь. Потому что то, что ты пережила, будет всегда с тобой и поможет тебе не потерять то самое ценное в жизни, что ты нашла, – любовь.

Алексей БУДКИН

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Актер, режиссер, сценарист, продюсер, за сорок пять лет служения искусству кино он сыграл шесть десятков ролей, вместе с легендарной Кэтрин Хепберн стал рекордсменом по количеству «Оскаров», одной из самых ярких звезд Голливуда. А еще он первый любовник Голливуда, самый большой жмот и скряга, отец многих детей и убежденный холостяк. Репортеры не обходят его своим вниманием, тем более что он сам дает повод для кривотолков, поскольку

ДЖЕК НИКОЛСОН ПРЕДПОЧИТАЕТ ЖИТЬ, КАК ЖИВЕТСЯ

ПРЕЗИДЕНТ ЗНАЕТ ДВА ФИЛЬМА

Российскому зрителю повезло впервые познакомиться с Николсоном в одной из самых звездных его ролей в фильме режиссера Миколаша Формана, к моменту триумфа фильма покинувшему Чехословакию. У многих он так и остался в памяти – характернейший представитель молодежного бунта шестидесятых годов, которым дышит книга наркомана Кена Кизи, лежащая в основе сценария фильма, известного в русском переводе как «Полет над гнездом кукушки». Вообще-то в оригинале название является последними словами считалочки, означающей буквально «а этот выпал из кукушкиного гнезда». Хотя до этого у нас была даже театральная постановка по Кизи с точно таким названием. И роль Николсона была именно ролью «выпавшего из гнезда» человека, который напрочь противопоставляет себя обществу, потому что оно агрессивно и очень похоже на сумасшедший дом, где правят врачи-убийцы.

Герой Николсона, жуликоватый Рэндел Патрик Макмерфи, привезенный на экспертизу в психиатрическую клинику из тюрьмы, приносит с собой дух беспокойства и свободы в унылую атмосферу больничного отделения. Конечно, он совсем не ангел: сквернословит, развлекает пациентов картами с непристойными рисунками, затева-

ет азартные игры, где ставной за неимением денег становятся сигареты. Но дело не в его поступках, а в том, что в них проявляется противостояние отдельного человека сложившейся системе, которая не желает и не может учитывать индивидуальные особенности каждого. А этот человек знает, что у него есть права, которых его не должны лишать, как, например, возможность посмотреть решающий матч чемпионата по американскому футболу, хотя он и передается не в выделенное для просмотра телепрограмм время.

Казалось бы, нет ничего предосудительного в том, чтобы немного развлечь больных, слегка изменив сложившийся распорядок. Но для существующей системы важен не отдельный случай и человек, а раз и навсегда установленный режим, и даже намек на любое отклонение от него

воспринимается как посягательство на саму Систему, то есть на тоталитарную власть. Поэтому Система, олицетворенная в фильме медсестрой, приводит в действие свою карательную машину, дабы уничтожить отступника.

Но Макмерфи ощущает себя здоровым человеком, который попал в больницу лишь в силу собственной хитрости, позволившей ему избежать тюрьмы. Своей хитроватой улыбкой до ушей, насмешливыми гримасами и ухмылками он напоминает клоуна, который за клоунской маской старается скрыть свое истинное отношение к угнетающей всех действительности, в которой в силу необходимости он вынужден участвовать. А свою клоунскую задачу он видит в том, чтобы вернуть вкус к жизни тем, кто насильно от нее изолирован. В этой роли Николсон продемонстрировал актерское мастерство высшей пробы, получив в 1975 году свой первый «Оскар» за лучшее исполнение мужской роли.

Именно в эти годы Николсон сформировался как артист, впитавший в себя характерное для молодежи шестидесятых годов чувство внутренней свободы, не позволяющее вписываться в общепринятые схемы, и продемонстрировал удивительное чувство юмора, показывающего противоестественность следования этим схемам. Сам же фильм стал своеобразным памятником бунту свободной личности против тоталитар-

ной системы отношений в обществе.

Эти две составляющих в творчестве артиста – бунтарское и клоунское – стали его отличительным фирменным знаком. Даже самый первый эпизод, с которым Николсон связывал рождение в себе актера, был своеобразным проявлением протеста и клоунады. Дело было еще в школе, в четвертом классе: учитель за какую-то провинность поставил мальчика в угол рядом с доской, а тот, намазав лицо мелом, превратился в клоуна. «Таким я и оставался на протяжении всех школьных лет, – вспоминал затем повзрослевший Джек, – классным клоуном».

Таким вот клоуном и предстал он пред зрителями в фильме Бертона «Бэтмен», перенесшим на экран известный комикс. Сатанинский шутник Джокер – посланец из другого мира. Его отношение к делам людей чисто издевательское, поскольку законам действительности оно неподвластно и обладает неограниченными возможностями потусторонних сил. Всевозможные гримасы, почти цирковые трюки коверных и гильотинное преувеличение внешних проявлений зла – всё это традиционный набор из арсенала клоуна, дополняемый неподвижной белой маской с улыбкой до ушей.

Оба эти фильма понравились и в Америке, и в СССР. По крайней мере, когда речь заходит о Николсоне, многие у нас вспоминают именно о

них. Даже российский президент во время встречи с Николсоном, которую организовал для него на собственной даче Никита Михалков, упомянул и ту и другую. На что старый плейбой не без юмора заметил: «Особенно «Бэтмена» всегда вспоминают дети». Что ж, памяти свойственно сохранять самое лучшее. Только вот о своем детстве звездный «оскароносец» не очень любит вспоминать.

ОН ЛИШЬ НАПОЛОВИНУ НИКОЛСОН

Все то, что связано с происхождением Джека Николсона, долгое время оставалось тайной за семью печатями. Во всяком случае, нет никакого свидетельства о его рождении, есть лишь странный до-

кумент – «Свидетельство об отсроченном сообщении о рождении», – зарегистрированный 25 мая 1954 года, когда Джеку исполнилось семнадцать лет. Документ сообщает дату рождения юноши – 22 апреля 1937 года, а также то, что его матерью является Этель Николсон, отцом – Джон Джозеф Николсон. Место рождения – домашний адрес семейства, которое в их городе Нептуне, штат Нью-Джерси, считали одним из самых странных.

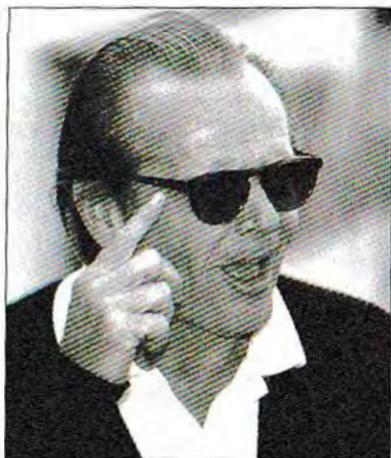
Главой семейства была суровая и деспотичная хозяйка дома – Этель Мей Рходс, девушка из обеспеченной протестантской семьи. Ее супругом стал Джон Николсон, паренек из скромной семьи католиков. Сердитое семейство лишило отступни-

цу наследства, но предприимчивая Этель открыла у себя в гостиной салон красоты, который впоследствии превратился в процветающий бизнес, конструировала и шила одежду и тем самым финансово поддерживала семейство почти три десятка лет. Супруг же, живописец и декоратор местного универмага, где он также торговал еще и мужской галантерей, считал себя неудачником, не терпел ударов судьбы и отводил душу в местных барах. По вечерам он брал туда и Джека. Тот пил лимонад и с ужасом смотрел, как Николсон-старший выпивал одну за одной тридцать пять рюмок коньяка «Хеннесси». В конце концов Джон оставил семью, вернулся к матери и умер от алкоголизма в возрасте пятидесяти шести лет.

В семье было трое детей: две девочки – Джун и Лорен – и Джек, родившийся в ту пору, когда барышни были уже на выданье. Лорен вскоре после его рождения вышла замуж и уехала в Нью-Йорк, а Джун так и не создала семьи и погибла от рака в возрасте сорока четырех лет. Джека воспитывала Этель, он был ее любимчиком: она постоянно брала его с собой на работу, и там, в салоне красоты, мальчик быстро понял, как приятно быть в центре внимания, когда женщины всячески балуют тебя, прощают все твои шалости, угощают сладостями и дарят игрушки. Джек тоже любил Этель и искренне верил, что она и есть его мать.

Однако в 1974 году, когда тридцатисемилетний Джек Николсон был уже известным актером, получил несколько престижных наград и считался восходящей звездой, журнал «Тайм» решил посвятить ему большую статью. С разрешения самого актера журнал обратился к его семейным архивам, которыми тот никогда не интересовался, и обнаружил сенсационные факты. Оказалось, что Этель вовсе не мать, а бабушка, а Джон, соответственно, не отец, а дед Джека, а вот отрешенная от мира Джун – вовсе не сестра, а самая что ни на есть настоящая мать голливудского соискателя славы.

В итоге журналистского расследования удалось установить личность настоящего отца – Дон Фурсильо, преуспевающий бизнесмен итальянского происхождения, владелец сети ресторанов и конезавода. Когда-то, а точнее в 1936 году, двадцатисемилетний Дон Фурсильо, молодой предприниматель, был женат на Энн Борн, дочери министра. Впрочем, к тому времени они уже не жили вместе и в течение нескольких лет ждали аннулирования брака от католической церкви. Дон был великолепным лыжником, гольфистом и фантастическим ловеласом. Видимо, не случайно – яблоко от яблони недалеко падает – Джек Николсон неутомимый и преуспевающий покоритель женских сердец, а его всепоглощающая страсть к гольфу и лыжам общеизвестна: его лы-

жи даже инкрустированы бриллиантами. Кстати, тот, кто знал обоих мужчин, мог видеть их почти зеркальное отражение друг в друге.

Как и всякий молодой человек в его ситуации, Фурсильо был навсегда уве­селительных заведений, где он и познакомился с огненно рыжей семнадцатилетней красавицей Джун, солисткой популярного танцевального ансамбля Эрла Кэррола. «Она была одной из самых красивых девочек, фантастической балериной», – это признание сохранилось в одном из писем Дона. Да и сама королева степа пришла в восхищение от одного из зрителей – высокого жгучего брюнета, знойного потомка неаполитанских графов.

Влюбленные отправились в штат Мэриленд и тайно зарегистрировались. Однако свидетельство о браке не было упомянуто в архиве, поскольку Дон боялся судебного

преследования за двоеж­ство. А когда Джун была уже на четвертом месяце бере­менности, он настоял, чтобы они вместе пришли к ее матери и сказали ей, что хотят стать мужем и женой. Этель эта новость привела в бешенство: «Вы собираетесь жениться на моей дочери, но вы уже женаты. Я засажу вас в тюрьму», – заявила она Дону и выставила его из дома.

Деспотичная мамаша мечтала о звездной карьере дочери, платила по сто долларов за урок у знаменитого Эдди Кинга и решила, что дочь просто предала ее, связавшись с «этим итальяшкой». Она пригрозила Дону полицией и судом за двоеж­ство и совращение малолетней, что означало для него пожизненное заключение. И Дон сдался. Хотя любил и ее, и своего сына. «Я наблюдал его жизнь, подсматривая за ним из вестибюлей. И когда он стал звездой, я знал, что никогда не буду способен добраться до него», – с горечью признавался настоящий отец. Его мать даже позвонила Этель, сказав, что отец ребенка – ее сын, и они тоже хотят видеть Джеки, на что бабушка Этель злобно ответила, что всё это ложь и сплетни, а настоящая мать мальчика именно она.

В 1974 году, узнав правду, Джек Николсон позвонил отцу, но разговор не получился. Не получился он и еще через десять лет, когда он позвонил вторично. А когда в 1997 году восьмидесятилетний Дон

Фурсильо умирал от рака, сиделка сообщила изредка приходящему в сознание старику, что его пришел навестить сын. «Что-то долго ты шел», – пробормотал умирающий. Так они встретились и поговорили, в первый и в последний раз.

ТРИЖДЫ ОТСТУПНИК

В семнадцать лет Джек, как и большинство подростков в его возрасте, окончил школу и отправился в Лос-Анджелес, чтобы навестить Джун, которая к тому времени устроилась рабочей сцены на киностудии «Метро-Голдвин-Майер», да так и остался там, определившись в отдел мультфильмов. Следующим шагом на дороге кинобизнеса стали актерские курсы и выступления на сценах маленьких театров за четырнадцать долларов в неделю. Увы, очень скоро юноша понял, что всё это не для него: «В театре всё зависит от суждения других людей, а ты даже не можешь точно узнать, чего ты стоишь, пока не увидишь себя со стороны».

Решающую роль в его судьбе сыграли курсы Джеффа Кори. «Они открыли мне людей, литературу», – вспоминал впоследствии актер. Там он познакомился со многими будущими коллегами, сопровождавшими его на протяжении всей карьеры, в частности с Робертом Гауном, сценаристом «Китайского квартала», где впоследствии снялся в главной роли.

За десять лет, прошедшие со времени первого появления на экране в 1958 году в фильме «Убийца-плакса», молодой актер принял участие в создании двух десятков картин, находящихся на периферии «основного потока» кинематографии. Эти картины, известные под названием «фильмы серии Б», снимались в кратчайшие сроки, расходы на них были копеечными, а отношение к ним со стороны обитателей Голливуда было весьма пренебрежительным. Однако их часто снимали настоящие мастера, которые в рамках убогих материальных возможностей умели выдавать высококачественную продукцию. Одним из таких мастеров был режиссер Роджер Корман, которому принадлежит особая роль в истории американского кино. Он специализировался на производстве вестернов, гангстерских лент, фильмов ужасов.

О чем эти фильмы, в которых он задействовал Николсона, можно судить по их названиям: «Убийца плачущих детей», «Лавка ужасов» и т.д. Он мог слепить подобный «шедевр» за неделю. Он же сделал из молодого и довольно нахального юноши настоящего кинематографиста. Корман заставлял двух беззаботных любителей девушек и выпивки – Джека Николсона и Денниса Хоппера – сидеть по вечерам в монтажной студии и перемонтировать старые русские фильмы. Он хотел, чтобы молодые люди таким образом поняли основные принципы классического монтажа, в котором русские киношники были, по его мнению, высокими профессионалами.

Актеры, которые долго плавают в болоте фильмов категории «Б», практически не имеют шансов на успех в большом кино. Однако в 1968 году Николсону неожиданно предложили роль знаменитого гангстера в фильме «Бонни и Клайд». О таком предложении можно было только мечтать, тем более что у руля стоял великолепный режиссер Артур Пенн. Но Николсон отказался от роли. Ее сыграл Уоррен Битти, это стало его звездным часом, а фильм стал шедевром американского кино.

Обычно жизнь не прощает подобных фокусов, а отступникам, как правило, редко везет. Но бесшабашному Джеки повезло. В 1969 году группа молодых кинематографистов снимала малобюд-

жетный фильм «Беспечный ездок», и из ее обоймы внезапно выпал актер, исполнивший очень важную роль спившегося адвоката-неудачника. Роль в спешном порядке отдали Николсону, который каким-то невероятным чутьем ощутил, что это «дорожное кино», проникнутое романтикой поколения хиппи, станет легендарным (или, как теперь говорят, «культовым») фильмом своего времени.

Его герой адвокат Джордж Хэнсон, сын богатых родителей, регулярно напивается до бесчувствия. Внешне он вроде бы такой же, как и люди его круга, но внутренне он отвергает образ жизни старшего поколения, присущие ему лживость и порочность. Он уверен, что существуют внеземные цивилизации, живущие по другим законам, только это скрывают те, кто обладает властью. Вот потому он садится на багажник мотоцикла одного из странствующих хиппи и без сожаления оставляет свою постылую, однообразную жизнь. Впереди – свобода.

В отличие от своих спутников, Хэнсон знает ей цену и может это сформулировать, что он и делает в последний вечер своей жизни после ссоры с местными парнями в городской забегаловке: «Не вас они боятся, а то, что вы олицетворяете, – свободу. Они сколько угодно могут о ней говорить, но когда видят действительно свободного человека, – пугаются».

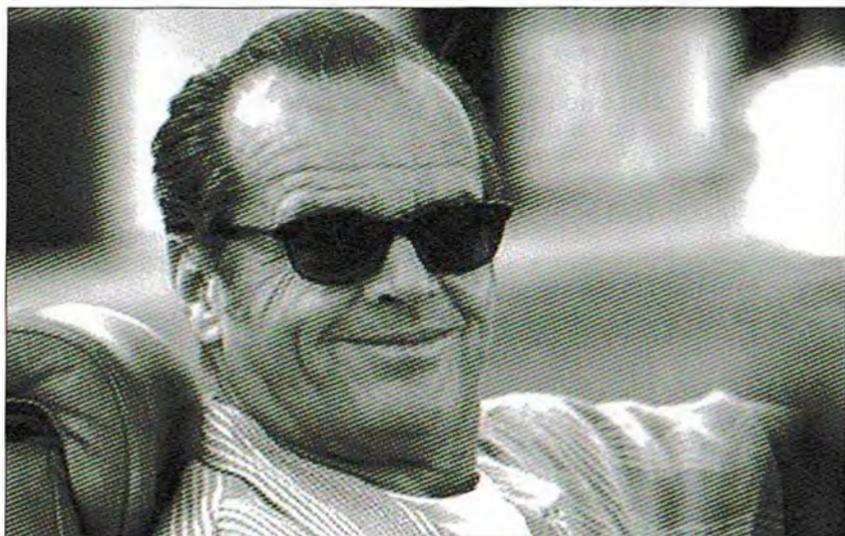
А несколько минут спустя группа местных жителей, вооруженных бейсбольными битами, прокрадывается к месту привала путешественников и нападает на спящих. Хэнсон погибает первым. Герой Николсона становится главной фигурой, демонстрируя своей судьбой идею фильма: на первом месте стоит свобода, а лишь потом – ее цена.

Возможно, сегодняшнему зрителю не очень понятно, чего там ищет сытый мальчик на мотоцикле стоимостью в десять тысяч долларов, однако фильм произвел фурор на Каннском фестивале, стал культовым фильмом поколения «битлс», а Николсон впервые был номинирован на «Оскар» за лучшую мужскую роль.

Ту же тему «ухода на свободу» Николсон наиболее ярко воплотил в фильме «Пять легких пьес», вновь отмеченном

номинацией на «Оскар». Следующая предложенная ему роль могла сделать его суперзвездой: в 1972 году актера пригласили сыграть Майкла Корлеоне в «Крестном отце». Это была даже не мечта – это была сказка, которая могла стать бьюлю. Любой нормальный человек ухватился бы обеими руками за хвост этой птицы счастья. Но непредсказуемый Джекки никогда не претендовал на нормальность – он отказался. А Аль Пачино, получивший этот лакомый кусочек, воцарился на голливудском Олимпе. Дерзкий отступник второй раз щелкнул судьбу по носу, она же, словно преданная подруга, продолжала его любить.

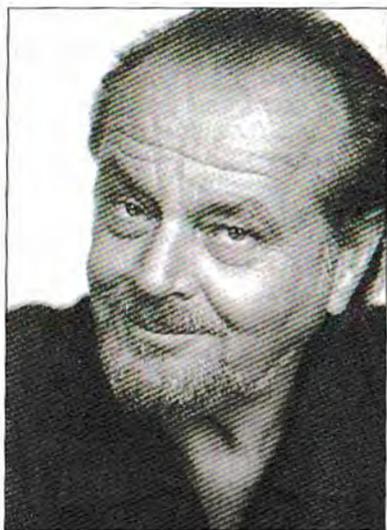
В этом же году за исполнение главной роли в фильме «Последняя деталь» Николсон получает приз Каннского фестиваля, затем выходит знаме-

нитый детектив режиссера Романа Полански «Китайский квартал», на актера сыплется дождь наград, а 1975 год принес Николсону первого «Оскара» за «Полет над гнездом кукушки» – шедевр мирового масштаба.

Если до этого Николсон, по большому счету, был известен только в кругу американской киношной тусовки, то теперь уже сам Микеланджело Антониони, режиссер со всемирной известностью, пригласил его на роль журналиста Локка в фильме «Профессия: репортер». И вновь, ставший уже традиционным, отказ от главной роли в фильме «Апокалипсис сегодня». Но, видимо, не зря говорят, Бог троицу любит. Ибо за очередным отказом следует филигранно исполненная роль психопата в фильме Стэнли Кубрика «Сияние», которая делает из актера всемирную знаменитость. Фильм был снят по роману Стивена Кинга, однако писатель пришел в неописуемую ярость, когда увидел то, что снято по мотивам его произведения. До этого то же самое испытал Станислав Лем, которому показали «Солярис» в интерпретации Андрея Тарковского. Однако у Тарковского был всего-навсего Донатас Банионис, а у Кубрика – сам Николсон. Как говорят, почувствуйте разницу. Так вот, Николсон и вытянул на своих плечах это унылое творение.

Справедливости ради стоит сказать, что, несмотря на

призы и награды, не все в жизни актера складывалось легко и гладко: был и творческий кризис и его постоянные спутники – алкоголь и наркотики. Вполне возможно, что именно из опыта этих лет выросли его роли опустившегося бродяги в фильме «Чертополох» и алкоголика экс-астронавта в фильме «На языке нежности», за которую он получил своего второго «Оскара». Затем последовали великолепные роли туповатого гангстера в фильме «Честь семьи Прицци» и суперзлодея Джокера в «Бэтмене», американской сказке для недоразвитых. Хотя, конечно, сказка сказкой, но реальность оказалась очень даже впечатляющей: за этот фильм актер заработал шестьдесят миллионов долларов.

Ничего удивительного здесь нет. В Голливуде вряд ли

найдется еще один такой актер. Ныне состояние Николсона уже перевалило за полмиллиарда долларов. «За главную роль буду брать деньги в зависимости от роли и бюджета картины, а за эпизод – не меньше семи миллионов, – заявляет актер. – Потому как это значит, что для данного эпизода режиссеру нужен именно я. Секрет прост: то, что делаю я, не может сделать ни один другой артист. Потому что я лучше. Мне никогда не приходилось рекламировать по телевизору стиральный порошок, я горжусь этим и рад, что мне и сейчас не нужно этого делать».

Говорят, что по доходам и расход. Актер щедро откупается от надоевших ему любовниц, тратя кучу денег на игрушки вроде шикарных машин и яхт, но всегда гасит свет в прихожей, выключает телевизор, когда выходит из комнаты, умывается только холодной водой, чтобы счет за электроэнергию был поменьше. И вообще его считают самым большим жмотом в Голливуде. Дело доходит до того, что он, когда нужно ехать на съемочную площадку, звонит партнерам с просьбой подвезти.

Николсон не скрывает, что предпочитает «снимать» жриц продажной любви, однако и тут скупится платить за их услуги. Последний скандал всколыхнул всю Америку. Две юные англичанки, проведя с милым Джекки всю ночь, не получили от него ни одного цента. Правда, девочки в дол-

гу не остались. Они сразу же отправились в редакцию таблоида «Sun» и во всех подробностях описали безумную ночь. В общем, как поется в известной песне: «Какие люди в Голливуде, ну просто звезды, а не люди...»

«Если ты однажды был беден, этого никогда не забыть», – говорит в свое оправдание актер. В это бы можно было поверить, если бы два года назад он не шокировал население Беверли-Хиллз, разведя костер из пятидесяти- и стодолларовых банкнот. «У меня так много денег, что до смерти мне их не истратить. Меня просто вставляло, когда я смотрел на эти перекошенные лица и пламя, отражающееся в их глазах», – говорит стареющий плейбой.

Вообще Джек предпочитает жить, как живется, и хотя ему уже стукнуло шестьдесят шесть, его по-прежнему называют «гадкий мальчик» и относятся к нему с огромной симпатией, несмотря на его «неоднозначную» личную жизнь.

«Я ПОРЯДОЧНЫЙ СУКИН СЫН»

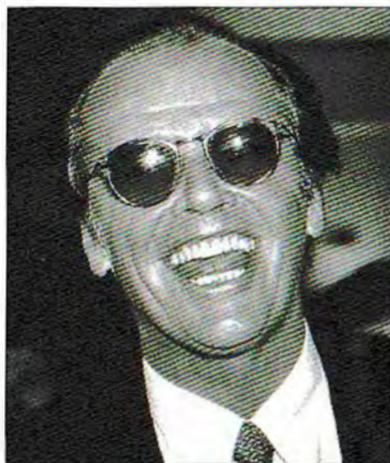
То место, где живет Джек, в Лос-Анджелесе называется Малхолланд Драйв. Соседи уже давно переименовали его в Бед Бой Драйв. Потому что, кроме самого Николсона, здесь живут и другие плохие мальчики Голливуда – мультимиллионеры от кино, которые, в отличие от других обывателей, считают, что ве-

селиться надо ночью. Здесь Уоррен Битти и Шон Пенн устраивают свои знаменитые мальчишники: то юную жрицу любви выкинут из окна, то устроят разборку с полицейскими, отсюда же доносится терпкий запах «травки». А Джек Николсон с другом пригласили на вечеринку звезду порнофильма «Глубокая глотка» Линду Лавлейс и попросили ее продемонстрировать, соответствует ли название фильма действительности. Здесь устраивают купания голышом – и это еще самое невинное развлечение. В общем, живут, как живется, точнее, так, чтобы люди всего остального мира понимали, зачем надо быть богатым. А не так, как некоторые, – наворуют денег, станут губернаторами, а потом махнут рукой на свои алюминиевые комбинаты и нефтяные скважины и шлют нам приветы из Израиля и Лондона, взвалив на себя тяжкий труд возрождать израильский или английский футбол.

Николсон всегда пользовался успехом у женщин, что, если принимать во внимание одну лишь внешность, трудно объяснить: жиденькая шевелюра, лицо, изрытое морщинами, наглая «акуля» улыбка (как говорится в интернет-энциклопедии по кино). Однако в его лице есть нечто мистическое, как у Гришки Распутина, что вызывает у юных дам одновременно почитание и жалость – убойная комбинация для нежных женских сердец. Почему? Ответ на этот

вопрос можно найти и в книге «Мятежное сердце» Биб Бюзль – известной «группы» семидесятых годов (так называют несовершеннолетних девочек, которые считают за честь спать со знаменитостями, чаще всего с музыкантами из рок-групп, отсюда и название. Нередко это очень помогает им в жизни: Бюзль – мать знаменитой актрисы Лив Тайлер, Деми Мур – сама стала голливудской звездой). По ее признанию, высший балл за искусство любви заслуживают лишь Мик Джаггер, Уоррен Битти и Джек Николсон.

Искусство, как известно, требует жертв. И одной из них чуть не стал первый любовник Голливуда, как там величают Николсона. В 1974 году тринадцатилетняя «группа» обвинила Романа Полански в том, что он изнасиловал ее в доме Николсона то ли при его участии, то ли в его присутствии. Теперь уже самому Джеку, как прежде его отцу, пришлось

«разруливать» ситуацию, чтобы не угодить за решетку. Опытные адвокаты убедили всех в том, что звезда невинна, как дитя, а Полански от обаятельной правосудия улизнул в Европу, где тут же совратил пятнадцатилетнюю Настасью – дочь известного немецкого актера Клауса Кински.

При всем при том Николсон утверждает: «Я не создан для семьи, мне, как воздух, необходима свобода. А слово «hasband» (муж) звучит подобно «housebound» – привязанный к дому. Это тяжело. Посудите сами, ни в одном сколько-нибудь значительном произведении мировой литературы и речи не идет о семейном счастье, а описываются лишь кошмарные ситуации, постоянно возникающие в семьях. Уж мне-то можно верить: я перепробовал всё – был женат, разведен, жил один, жил с несколькими женщинами одновременно, водил женщин за нос, да и они не оставались в долгу».

Действительно, в 1961 году Джек связал себя узами брака с некой кинодивой – Сарой Найт, от которой у него родилась единственная законнорожденная дочь, ныне тридцативосьмилетняя актриса Дженнифер, которая недавно сделала папу дедушкой. Через пять лет они развелись. Актриса Сюзан Анспах подарила ему сына Калеба, датская модель Винни Хольман – дочку Ханни; правда, сам папаша отрицает свое участие в этих проектах.

Много лет актер прожил с актрисой и режиссером Анжеликой Хьюстон, дочерью легендарного актера Джона Хьюстона. Хью рассталась с ним после того, как модель Карен Майо-Чандлер на страницах журнала «Плейбой» поведала о своем горячем романе с Николсоном. Тут же на горизонте появилась Ребекка Бруссар, бывшая одноклассница и подруга дочери актера, которая и пристроила ее в ресторан «У Хелены», одним из хозяев которого был сам Николсон. Бывшая официантка быстро переквалифицировалась в актрисы, тут же получила роль в одном из его фильмов, а затем мелькнула в еще одной его ленте, сыграв роль женщины-авиатора. «Ребекка просто убивает меня, – сказал Николсон об этом фильме, – она спорит со мной по каждому поводу. Я собственными руками сотворил монстра. Между нами нет ничего, что имело бы хоть какое-то отношение к интеллекту».

Насчет интеллекта всё верно: не может же он быть одинаковым у голливудской звезды и официантки из его ресторана. Общими у них были только дети. Через три года не совсем совместной жизни – обычно девушку вызывали раз в неделю для интимных встреч – Ребекка покинула знаменитого друга, забрав с собой дочку Лоррети и сына Реймонда. Когда же девушка объявила, что выходит замуж, Джек потребовал

назад купленный им за три миллиона долларов дом, предназначенный для нее и детей. Это излюбленный прием из арсенала звезды. Так, в 1993 году Сюзан Анспах затеяла было судебное разбирательство, дабы папаша публично признал Калеба своим законным ребенком. В отместку тот едва не выставил свою бывшую любовь из дома, который сам же ей когда-то подарил. Вот таким нехитрым способом звезда пытается управлять и расправляться с надоевшими любовницами. Так что у Джека не только «акуля» улыбка, но и соответствующие повадки. Всё это отвечает «образу потрошителя» – так он сам себя называет. Есть у него и еще одно прозвище. Когда Антониони попросил актера рассказать о себе, он с изумлением услышал в ответ: «Я, знаешь ли, порядочный сукин сын. А вообще-то еще моя бабушка называла меня сукиным сыном, причем без всякого намека на иронию».

«ОЩУЩЕНИЕ ПРАЗДНИКА ЖИЗНИ»

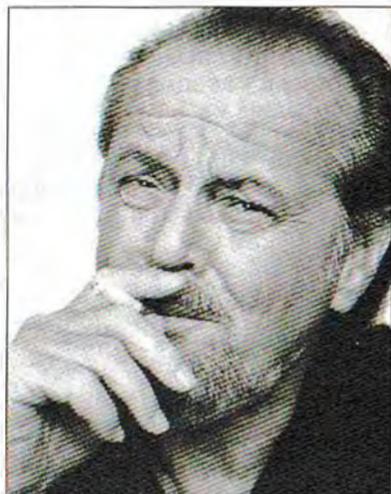

В двадцать первый век актер вошел с детективом «Обет» – еще одним доказательством того, что с годами его дарование не тускнеет. Правда, чуть раньше, в 1997 году было еще одно подтверждение: за фильм «Лучшее – враг хорошего» Николсон получил третьего «Оскара». Да и вообще без него невозможно представить амери-

канское кино двадцатого века. Лучше него никому не удавалось на протяжении тридцати лет совмещать кассовый успех с профессиональным и прочно удерживать звание любимого актера нескольких поколений. Одно его отрицательного обаяния бывает достаточно, чтобы вытащить слабый фильм из дыры, куда его загнали плохой сценарий и слабая режиссура.

Сейчас Николсон переживает новый творческий подъем. Год назад после очередной номинации на «Оскар» за фильм «Про Шмидта» он снялся в двух комедиях – «Управление гневом» и «Любовь по правилам и без», которая стала настоящим открытием последнего Берлинского международного кинофестиваля.

В этом фильме он играет престарелого ловеласа, ко-

торый в жизни «не опускается» до девушек старше тридцати лет. Возможно, актер придерживается этого принципа и в жизни. Во всяком случае, недавно на его орбиту ворвалась Лара Флин-Бойл, молодая, «очень хорошенькая, – по определению Джека, – брюнетка» и «сука» – по ее собственному признанию. Вообще-то полное имя Лары – Лариса. Это мама, бредящая кино, так назвала свою дочь в честь героини фильма «Доктор Живаго». Любители кино помнят ее Донну Хейварт – вечно курящую и склонную к меланхолическому разврату школьницу из сериала «Твин Пикс».

Видимо, не случайно после берлинской премьеры фильма журналистов очень интересовало, какое количество себя вложил Николсон в образ героя. «Кого бы ты ни играл, – считает актер, – мужчину, женщину, исторического персонажа, – на восемьдесят пять процентов твой герой – это ты сам». Тем более, что всем наверняка запомнился один из наиболее ярких эпизодов фильма: джазовый музыкант и бывший любитель юных красоток в конце концов оказывается на больничной койке. Годы взяли свое, и однажды после дозы виагры его «хватил кондраций». «Чем вы занимались перед приступом?» – спрашивает врач-кардиолог – Киану Ривз. «Целовал красивую девушку», – прохрипел пациент. «У вас был половой акт?» «К сожалению, нет», – с трудом

вымолвил герой Николсона. Что ж, будем надеяться, что эта сцена станет для актера тем, что входит в эти самые оставшиеся пятнадцать процентов. Тем более что сам он обнадеживает своих поклонников: «Мне хочется жить и работать долго».

Николсон считает кино всем делом своей жизни. «Есть вещи, которые я люблю. Это блеск Голливуда... Я – дитя войны. Возьмите такую вещь, как курение. Для моего поколения оно связано с лентами того времени. Вторая мировая война и кино – вот, на мой взгляд, два главных события двадцатого века. Переходя с одного языка на другой, кино заставляет земной шар уменьшиться в размерах. До меня, например, доходят отклики из Китая, России, Польши. Такова сила воздействия кино и даже телевидения, которое я считаю раковой опухолью кино. Есть в киноискусстве нечто такое, что объединяет нас всех, – общение, радость, удовольствие, красота, наконец. И конечно, оно образует. Историю я знаю главным образом из книг и кино, а вовсе не от учителей. К тому же я люблю процесс создания кино, людей, которые его делают. Так что я счастливый человек. Я поддерживаю в зрителях трепетное отношение к киноискусству и его традициям. Пусть у них остается ощущение праздника жизни!»

Ал. БРОДНИКОВ

НА МАЛОМ ЭКРАНЕ

Развитие новых компьютерных технологий оказало благотворное влияние на вампирскую тему внутри жанра *horror* – ужасов. Наследники Носферату переживают золотой период. Вампиры во главе с князем ночи Дракулой становятся героями поп-культуры. Женщины и мужчины, затянутые в кожаные трико, поверх которых долгополые черные кожаные плащи, незамедлительно превращаются в законодателей моды. Главное свое предназначение – пугать – они, конечно, тоже стараются выполнять исправно, но кто сегодня верит в вампиров?! А вот в безграничные возможности новых технологий зрители XXI века верят безоговорочно и потому идут смотреть не столько на то, что творят хозяева ночи (тут ничего нового – клыками прокусывают горло жертвы и пьют кровушку), а на то, как они это делают. Для «как» сегодня в американском, самом технологизированном кинематографе в мире, ничего невозможного нет. Один за другим выходят на экраны «Преисподняя», в которой вампиров столько, что яблоку негде упасть, и «Ван Хельсинг», где нежить существенно меньше, но от того охота на них не становится менее увлекательной. В производстве находятся также третий «Блэйд», причем снимает его элитарный черный режиссер Спайк Ли, а также мюзикл «Дракула», который режиссер Ги Мэддайн ставит

в авангардной черно-белой стилистике.

Вампирская история в кино богата блистательными, ставшими мировой классикой примерами, о некоторых из них хотелось бы бегло напомнить как для расширения вашего кинокругозора, так и для вашего же удовольствия, которое вы, несомненно, получите, если найдете эти фильмы на кассетах или DVD и посмотрите. В 1931 году вышел фильм Тода Браунинга «Дракула», главную роль в котором сыграл венгерский эмигрант Бела Лугоши. Когда Лугоши явился американскому зрителю в смокинге с белоснежной бабочкой, в черной шелковой накидке и, зловеще шурясь с экрана, произнес с нарочито утрированным акцентом: «Я – граф Дракула», сомнений не осталось, в американском кино появился аристократ, достойный звания короля ужасов. Любопытно, что Лугоши

Бела Лугоши, вампир 1931 года

Кристофер Ли
(1958)

практически всю свою актерскую жизнь тиражировал удачно найденный образ злодея-аристократа, снявшись в доброй сотне второразрядных фильмов, и в конце концов вообще утратил грань, отделяющую его личность от персонажа, чему немало способствовало его губительное пристрастие к наркотикам. Когда же он в 1956 году скончался, то, по завещанию, был похоронен в плаще Дракулы, принесшем актеру колоссальную известность. В послевоенные годы самым известным Дракулой стал актер Кристофер Ли («Дракула, вампир», 1958), в игре которого удачно соединились холодность и чувственность, всепоглощающая страсть любовника и убийцы. Ли тоже стал записным ночным злодеем, но, вероятно, благодаря тому, что он довольно часто выступал и в комедиях на ту же тему, дистанцируясь таким образом от своего героя, подшучивая над ним и над собой, ему удалось избежать самоидентификации с Дракулой и не свихнуться, как это случилось с Лугоши. В 1978 году немецкий ре-

жиссер Вернер Херцог снял фильм «Носферату, князь ночи», главную роль в котором сыграл знаменитый немецкий актер Клаус Кински, отец актрисы Настасьи Кински. Кински, в отличие от своих американских коллег, играл трагедию вампира-жертвы, глубоко страдающего об утрате своей человеческой природы. Что, конечно, не мешало ему, хоть и против воли, впиваться клыками в трепетные шеи ни в чем не повинных человеческих особей. В 2000 году вышла американская картина «Тень вампира», сюжет которой был закручен вокруг съемок немой ленты немецкого режиссера Мурнау «Носферату» (1922). Главную роль непрофессионального актера Макса Шрека, игравшего Носферату в фильме Мурнау, играл Виллем Дефое, грим которого был поразительно точной копией грима Шрека. Такой ход понадобился для того, чтобы поведать историю старой ленты, создатели которой почти все трагически и таинственно погибли. Поговаривали, что Шрек и

Клаус Кински в роли Носферату
(внизу - кадр из фильма 1922 г.,
где играл Макс Шрек)

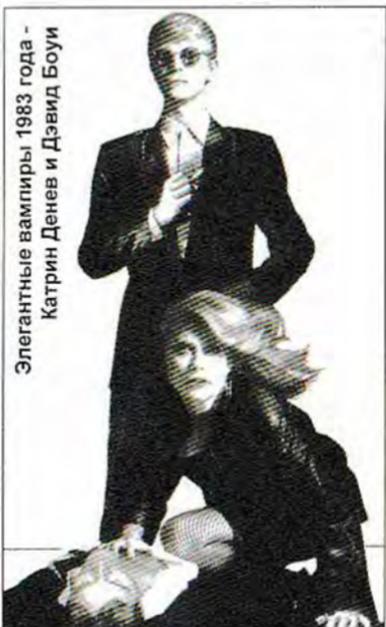

Гэри
Олдмен -
вампир-92

в самом деле был вампиром, мстившим съемочной группе за то, что она тревожила тень великого злодея всех времен и народов. Кстати, об этом же предупреждал старый Ван Хельсинг, герой Брэма Стокера, когда

Элегантные вампиры 1983 года -
Катрин Денев и Дэвид Боуи

взывал к потомкам: «Не будите вампира!» Еще одна картина, достойная того, чтобы ее посмотреть, называлась «Голод» и была снята режиссером Тони Скоттом в 1983 году с Катрин Денев и Дэвидом Боуи в главных ролях. Чтобы сохранить молодость и красоту, вампиры Денев и Боуи завлекают в свои сети Сюзан Сэрандон, соблазняя ее эротической игрой втроем, которая в фильме впечатляет своей эстетизированной стильностью. Среди вампирских киноверсий последних лет стоит назвать в первую очередь картину Фрэнсиса Форда Coppola «Дракула Брэма Стокера» (1992), где роль Дракулы сыграл Гэри Олдмен, который удачно подчеркивал сочетание в его герое звериного нутра и манер денди. В 1994 году появилось знаменитое «Интервью с вампиром» – специально для женщин, поскольку вампиров играли два секс-символа Брэд Питт и Том Круз. Питт был более чувственным, он сострадал своим жертвам, а Том Круз был бессердечным соблазнителем, но оба исправно пополняли армию вампириш. Совершенно неожиданный поворот возник в ставшем культовым «Блэйде», где герой Уэсли Снайпса, сам будучи вампиром, старается очистить землю от единородцев, которых он почитает нечестью. Немало фильмов о женщинах-вампиришах, которые тоже заслуживают вашего внимания: это и «Вампиры» (1998) одного из лучших мастеров «ужасного цеха» Джона Карпентера с Шерил Ли в роли вампириши по случаю, преследующей влюбленных; это и «Любовь до последнего укуса»

(1992) Джона Лэндиса с атлетически сложенной французской-вампиршей Энн Парийо, экс-Никитой, сражающейся против главного мафиозо, на поверку тоже вампира; это «Логово белого червя» (1988) англичанина Кена Рассела с Амандой Дорнохью в роли религиозной фанатки, поддерживающей жизнь в древнем чудовище; наконец, это «Королева обреченных» (2002) с певицей Элайей, трагически погибшей еще до окончания съемок фильма.

В роли королевы вампиров певица Элай поиграла в фильме «Логово белого червя»

Список можно было бы продолжить, но уже вышеназванных картин достаточно для того, чтобы получить представление о том, как эволюционируют киновампиры. Ну а теперь пришла пора поговорить о новинках этого жанра, об уже упоминавшихся фильмах «Преисподняя» и «Ван Хельсинг».

«Преисподняя» (в нашем прокате, возможно, фильм пойдет под названием «Другой мир») – триллер конца прошлого года о вампирах и ликантропах, об их извечной борьбе за

первенство в ночи. Вампиры – это аристократы, ликантропы – пролетарии. Несмотря на то, что они смертельные враги (можно даже сказать, «классовые»), цель у них одна – утолить жажду кровью живых, чтобы самим жить вечно. В фильме борьба достигает апогея. Поняв, что проигрывают, ликантропы решают создать новую, непобедимую особь, в которой способности вампира будут усилены физической мощью вервольфа, человека-волка. Производственные проблемы «работников клыка» соседствуют в фильме с амурными. Ученый-исследователь Майкл, превратившийся в ликантропа, влюбляется в фаворитку князя ночи по имени Селена. Картина, снятая дебютантом, в прошлом клипмейкером и автором видеоигр Леном Уайсманом, в основном вторична – узнаваемы кадры из «Ворона», «Блэйда», «Матрицы», «Интервью с вампиром» и даже из «Бегущего по лезвию бритвы»; но примиряет с фильмом отсутствие претензий. Закрепляя в нашем сознании пройденное и найденное кинематографом в этом жанре, фильм, тем не менее, запоминается своим профессиональным качеством, отличными спецэффектами, хорошими актерскими работами, ну и триллом, конечно. Уже в работе сценарии сиквела и приквела, роман, серия комиксов по мотивам фильма, а также наборы пластмассовых игрушек. Значит, спрос есть. В роли главной вампириши по имени Селена, этаким ночной и клыкастой Лары Крофт, снялась английская актриса Кейт Бэкинсейл («Перл Хар-

бор»), которая признается, что ненавидит ужасы и никогда не смотрела фильмы с вампирами. «Наверное, мне никто не поверит, когда увидит «Преисподнюю» и «Ван Хельсинга», да я и сама себе уже не верю. Подумать только, сразу две картины о вампирах», – добавляет, смеясь, актриса. В «Преисподней» вампиризм и ликантропия трактуются авторами, как род вирусного заболевания. При этом оба племени «прокаженных» смертельные враги. Вампиры снобы, они богаты, высокомерны, в них сочетается утонченная элегантность и декаданс. Ликантропы, которые когда-то были их слугами и рабами, ненавидят бывших хозяев и хотят их извести. Фильм снимался в Праге и Будапеште, городах с ярко выраженной готической архитектурой, его бюджет 21 миллион долларов, что, как вы понимаете, немного, поэтому основная часть

спецэффектов выполнена «вручную» – за исключением, что естественно, всяческих превращений.

Конечно, «Преисподняя» – типичный гибрид «криминального чтива» и поп-культуры, но вместе с тем он еще и пример того, как группа энтузиастов сумела поймать за хвост свою синюю птицу. Я имею в виду прежде всего режиссера Уайсмана и его единомышленников, работавших фактически бесплатно, каждый за двоих, а то и за троих (Уайсман был продюсером, художником, режиссером; его друг Кевин Гревью сценаристом, продюсером, актером, сыгравшим ликантропа Рейза, и т.д.). Любопытно, что благодаря «Преисподней» Уайсман не только вышел из тени и стал знаменитостью, но и сумел завоевать сердце одной из самых красивых молодых актрис Голливуда Кейт Бэкинсейл. Еще одной

Кейт
Бэкинсейл

голливудской сказкой стало больше.

И снова Кейт Бэкинсейл. Запомните это имя. Вскоре она появится в новом фильме Мартина Скорсезе «Авиатор» в паре с Леонардо Ди Каприо и будет играть самую красивую актрису Голливуда, легенду Аву Гарднер. А пока еще один вампирский шедевр (я не шучу!), на этот раз 150-миллионный блокбастер, выход которого запланирован, как и положено блокбастерам, на лето. Снятый по мотивам знаменитого романа Брэма Стокера «Дракула», фильм «**Ван Хельсинг**» рассказывает историю доктора Абрахама Ван Хельсинга, охотника на вампиров, который довольно часто появлялся на киноэкране, в том числе и в исполнении звезд такого калибра, как Лоуренс Оливье («Дракула», 1979) и Энтони Хопкинс («Дракула Брэма Стокера», 1992). Режиссер Стивен Соммерс сделал себе имя благода-

ря «Мумии» (1999). Получив предложение возродить вампирский хоррор, популярный в предвоенные годы в Америке, он подумал и решил, что, пожалуй, этого маловато будет, и вышел к студии со встречным предложением – собрать на одной съемочной площадке Дракулу, Франкенштейна и Человека-Волка. В роли Ван Хельсинга австралийский актер Хью Джекман, затянутый в кожу и латекс, бряцающий всевозможным оружием, которое скрыто под просторным долгополым кожаным плащом. Актер посмеивается: «В застегнутом плаще я напоминаю себе Лоренцо Ламаса (актера бойцовых фильмов серии «Б»), утешает только то, что моя жена очень довольна – в ранней юности Ламас был ее кумиром. Зато когда я распахиваю плащ, то напоминаю себе торговца ворованными часами, столько на мне всяческих стреляющих побрякушек и хитрых антивампирских приспособлений». Вкратце история такова: потерявший память Ван Хельсинг направляется Ватиканом в Трансильванию, чтобы найти и уничтожить Нюнахти, Дракулу. В ходе этой кровавой миссии к Ван Хельсингу возвращается забытое прошлое, и он начинает понимать, почему эти злобные создания, которых он должен уничтожить, вызывают в нем чувство глубокого сострадания. Кейт Бэкинсейл на этот раз выступает в роли юной девушки, последней из рода, преследуемого Дракулой из поколения в поколение. Если он и ее убьет, то никто из ее покойных пращуров не сможет спать спокойно, все они окажут-

Хью Джекман на съемках фильма "Ван Хельсинг"

ся между живыми и мертвыми. Девушка становится напарницей Ван Хельсинга.

Пожалуй, хватит, пора перевести дух, выйти на свет Божий и, может быть, даже посмеяться. Для этого – несколько новых, хотя и не выдающихся комедий.

Успех мюзикла «Чикаго» со всеми его «Оскарами» подготовил благодатную почву для возрождения жанра. Кинематографисты рьяно взялись «обслуживать нас» музыкальными картинками, в которых все поют и все танцуют. Но, оказывается, для хорошего фильма этого маловато. Фильм режиссера Криса Стоукса **«Вас обслужат»** – музыкальная комедия, в которой соревнуются две группы уличных танцоров: черные, среди которых хип-хоперы Омарон (из «В2К») и Хьюстон (из «IMX»), и белые.

«Подобное соревнование как пособие для изучения образа жизни уличных танцоров, возможно, вызовет интерес, но в качестве художественного фильма – это пустое место», – написал один кинокритик. Что ж, согласимся, сюжет слабоват и банален, диалоги изобличают весьма ограниченных в умственном развитии молодых героев, которые, впрочем, сильны другим. И если вы пойдете на фильм послушать музыку и посмотреть на танцевальные номера, то вас ждет вполне удобоваримое зрелище. Известные бродвейские хореографы Дэйв Скотт и Шейн Спаркс поработали на славу, придав танцевальным номерам экспрессию и изящество, но не утратив так называемого «духа улицы», что мы видели в старенькой уже «Вестсайдской истории», в ранних фильмах танцующего юного

Кадр из фильма «Вас обслужат»

Траволты и в «Грязных танцах» с Патриком Суэйзи. Конечно, авторам не следовало пренебрегать сюжетом и характерами, но на нет и суда нет, зрителю же главное – точно знать, на что он

идет, чтобы избежать разочарования.

Комедийный **«Большая кража»** собрал впечатляющее количество звезд: Оуэн Уилсон, Сара Фостер, Чарли Шин, Морган

«Большая кража»

Фримен, Гари Синиз. Фильм — уже вторая экранизация одноименного романа Элмора Леонарда, чем и примечателен. Достаточно вспомнить «Голый завтрак» («Завтрак обнаженных») Дэвида Кроненберга, чтобы представить себе эксцентрическую (мягко говоря) писательскую манеру Леонарда, являющую собой гремучую смесь алкогольного и наркотического дурмана, расцвеченного изысками недюжинного стилиста. Новая версия истории серфингиста Джека Райана (Оуэн Уилсон), влюбленного в героиню Сары Фостер, по мнению критиков, «не работает» именно потому, что авторы, пытаясь создать экранный аналог литературного стиля Леонарда, который меньше всего был озабочен тем, чтобы быть понятым его читателями, в буквальном смысле «заблудились в потемках лабиринтов, где только тупики и ни одного выхода». Что же до со-

держания, то я, как и многие мои американские коллеги, затрудняюсь очертить даже его абрис, ибо события разворачиваются так вяло, что собственно сюжет, точнее, намек на него, появляется примерно за десять минут до долгожданного слова «конец». Вместе с тем восемьдесят восемь ни к чему не обязывающих минут в приятной компании отличного комика Оуэна Уилсона многим могут доставить удовольствие, поскольку, по меткому выражению американского газетного критика, напоминают «освежающий и в высшей степени оригинальный коктейль, смешанный знатоками своего дела». Выбор за вами, чем туманить мозг: коктейлем или фильмом?

Дэвид Цукер (в компании брата Джерри и коллеги Абрахамса) давным-давно заполучили для себя титул «культовых» режиссеров. Славу им принесли комедии «Top Secret!», что озна-

чало «Совершенно секретно!» и «Airplane», в переводе не нуждающийся. Со временем, надо думать, режиссеры «посчитали и прослезились», поняв, что снимать по отдельности каждому из них выгоднее – денег больше. Поэтому в 2003 году Джерри снял «Страшное кино-3», а Дэвид **«Дочь моего босса»**. Оба фильма – комедии, о первом мы писали, пора, чтобы брат не обиделся, написать о втором, легком и романтичном, но, несомненно, комедийном фильме. Том (Эштон Катчер) работает в старом издательстве, которое возглавляет Джек Тейлор (Теренс Стамп). В старых учреждениях старые традиции, поэтому новичку выбиться и сделать быструю карьеру очень трудно. Но Том уверен, что для достижения цели все средства хороши,

в том числе и дочка босса, на которую он предусмотрительно «глаз положил». Когда босс просит Тома помочь организовать домашнюю вечеринку, юноша с жаром берется за дело. Но... Вот из этих бесконечных непредвиденных «но» и складывается «комедия положений», столь дорогая сердцу обоих Цукеров. Красивая пара молодых актеров в обрамлении приглашенных звезд – Майкла Мэдсона и Кармен Электры. Забавные ситуации и хорошие диалоги, в которых нет пошлости. Вполне достойный фильм для молодежной аудитории.

Название картины **«Отличная оценка»** следует понимать буквально. Речь идет прежде всего о школьной оценке за знания. В ролях Эрика Кристенсен, Скарлет Йоханссен, Мэттью Ли-

лард, Ванесса Энджел. Если эта прикольная комедия о махинациях студентов с оценками на экзаменах подоспеет к весенней сессии, то будет как нельзя более кстати. Достаточно характерный «тинэйджерский фильм по-американски» балансирует между задорной отвязностью и нравоучительностью. Если у вас академическая задолженность и стресс, то вам, несомненно, надо посмотреть эту картину, чтобы не испортить летних каникул. Американские критики обескуражены тинэйджерским «мэйнстримом», который затрагивает те же темы, что и картины арт-хауза, но делает это с какой-то нарочитой тупостью. Известный американский критик Роджер Иберт сравнивает «Отличную оценку» с похожим, но более качественным с художественной точки зрения фильмом «Завтра повезет больше», который прокатывался, однако, толь-

ко на нескольких экранах в 2002 году, в то время как мэйнстримовская «Оценка» идет более чем в тысяче мультиплексов. «Сотни экранов, на которых идет «Отличная оценка», недоступны для «Завтра повезет больше», несмотря на то, что первый фильм способен только слегка позабавить аудиторию, второй же был в состоянии ее потрясти. Не буду напоминать также о том, что большинство номинированных на «Оскар» фильмов не демонстрировались в широком прокате», – пишет Иберт. Что ж, это последнее замечание делает честь американским киноакадемикам в отличие от дистрибьюторов. Но ведь и цели у них разные. Дистрибьюторам нужны деньги, а не гордость за качественные ленты во вверенном им прокате.

Комедия «Парикмахерская 2: Назад в бизнес» – сиквел, как это следует из порядкового но-

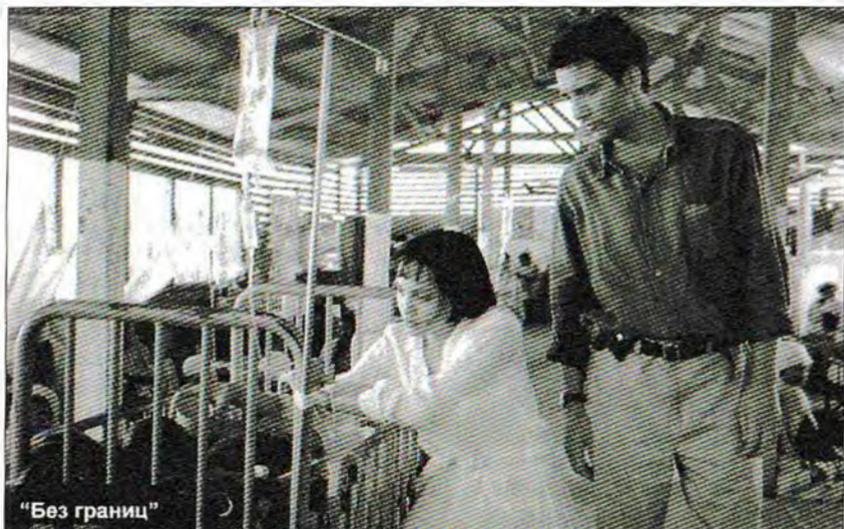
мера. Хит 2002 года вернулся к зрителям, обещая немало веселья в заведении Кэлвина (Айс Кьюб), где стригут и бреют. На этот раз неизвестные пытаются лишить Кэлвина его бизнеса, но это у них по определению не получится. В картине также снимается черная комедийная актриса Куин Латифа.

Теперь несколько историй, балансирующих между драмой и мелодрамой, для тех, кто любит сопереживать, сострадать, сочувственно всплакнуть. Режиссер Рене Харлин, получивший «Оскара» за картину «Великолепный ум», снял новую ленту **«Охотники за разумом»**. Это психологический триллер об агентах ФБР, которые проходят специальную подготовку, позволяющую им проникать в мозг серийного убийцы, понимать мотивы и логику его аномального поведения. Во время тренировочных занятий

на острове начинают насильственно умирать люди. Кто убийца? Кто-то из своих, из агентов ФБР? Или здесь что-то иное? Не стану отвечать на главный вопрос любого детектива по вполне понятной причине. Смотрите фильм с Вэллом Килмером и Кристианом Слейтером, в котором драматизм имеет детективную природу. А вот в американско-канадском фильме **«Авеню Уандерлэнд»** все тот же Вэл Килмер («Призрак и Тьма», «Схватка», «Там самая Карен Маккой»), сыгравший к своим 43 годам изрядное число обаятельных преступников-романтиков, выступает в роли порнозвезды, обвиненной в громком убийстве. Впрочем, если бы нам, зрителям, не предъявили в одном из эпизодов доказательство выдающегося «актерского дара» порноstarsа Джона Холмса длиной в тридцать сантиметров, мы бы ничего не потеряли. В конечном счете

«Авеню Уандерлэнд»

“Без границ”

фильм не о его мужском достоинстве, а о реальном чудовищном факте криминальной хроники Города Ангелов. 1 июля 1981 улица Уандерлэнд в Лос-Анджелесе превратилась в место зверского убийства четырех человек. Вина Холмса, обнаруженного полицией на месте преступления в состоянии наркотического дурмана, не была доказана ни во время следствия, ни во время суда. Режиссер восстанавливает хронику событий так, как она представлялась его герою, в хаосе обрывочных воспоминаний и туманных образов. На процессе свидетельствуют разные люди из мира порноиндустрии и шоу-бизнеса, но картина убийства так и не складывается. Преступление совершено, но не раскрыто. Главный фигурант, порнозвезда Джон Холмс, позднее умер от СПИДа, но, судя по фильму, одна из самых кровавых историй Голливуда продолжает занимать умы сооте-

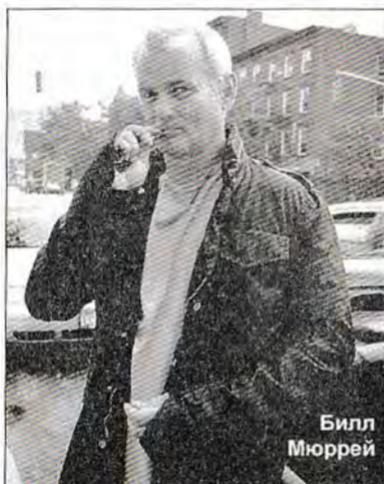
чественников. Возможно, и у нас она кому-то покажется интересной.

Еще один драматический, но способный вышибить слезу фильм **«Без границ»** с Анджелиной Джоли в главной роли, критики встретили плохо, обвинив во всех неудачах режиссера Мартина Кэмпбелла, которого иначе, как посредственностью, они не называют. Даже предыдущая его вполне приличная приключенческая картина «Маска Зорро» не изменила их негативного настроения. Я бы не была столь безапелляционной, у картины много достоинств, в ней заняты хорошие актеры, кроме Джоли, Клив Оуэн, например, а главное – она о человечности в ее наивысшем понимании, а этим качеством обладают не все люди. Сара Джордан (Джоли) представительница лондонского высшего света, совершенно случайно оказывается втянута в деятель-

ность благотворительных организаций. Она знакомится с врачом из ассоциации «Врачи без границ» (Клив Оуэн) и вскоре влюбляется в него. Мир открывается для Сары своей оборотной стороной – войны, насилие, бесправие, голод, сиротство. Молодая женщина отрекается от собственного прошлого, от мужа и детей и решает примкнуть к гуманитарным миссиям, в которых работают люди, знающие реальный смысл слова «самопожертвование». Африка, Камбоджа, Чечня, самые горячие точки планеты с самой высокой концентрацией человеческих трагедий. Анджелина Джоли, получившая статус посла мира от ООН и усыновившая мальчика из Камбоджи, знает обо всем, что она играет в фильме, не понаслышке. Повторюсь, если вы настроены на серьезный фильм о проблемах, которые нам знакомы из выпусков новостей, то лучше картины «Без границ» не найти. В противном случае не тратьте ни время, ни деньги.

Лакомый кусочек для любителей некоммерческого американского кино – новая лента Джима Джармуша **«Кофе и сигареты»**. Картины Джармуша гораздо больше популярны в Европе, нежели на родине, в Америке. И хотя Голливуд неоднократно пытался приручить свободолюбивого и своенравного художника, он всякий раз отказывался, оберегая собственную независимость как самое великое достояние. Но даже в цеху независимых Джармуш стоит особняком. Его фильмы не просто низкобюджетны, они принципиально полемичны по отноше-

нию к ура-патриотическому коммерческому кино. Полемика заключена в иронии, с которой Джармуш трактует американские мифы. В «Мертвец» с Джонни Деппом он посмеивался над мифом о покорении Дальнего Запада; в «Таинственном поезде» – над мифом короля рок-н-ролла Элвиса Пресли; в «Ночи на Земле» – над Голливудом, святая святых кинематографа для каждого режиссера и кинозрителя. В промежутках между полнометражными фильмами Джармуш снимал серию короткометражек «Кофе и сигареты», которые собирался со временем, когда их наберется штук десять, объединить в картину. В 1993 году очередная серия «Кофе и сигарет» удостоилась «Золотой пальмовой ветви» на кинофестивале в Канне. И вот спустя десять лет появился новый цикл, в котором в сигаретном дыму за чашечкой кофе солируют известные артисты – Роберто Бенини, Билл Мюррей,

Билл Мюррей

Кейт Бланшетт, и музыканты – Том Уэйтс, Игги Поп, Уайт Страйпс. Четыре друга сидят за столом в баре и болтают о том, о сем, с наслаждением покуривая и попивая кофе. И опять незаметный, на первый взгляд, вызов Америке, где никотин почти что объявлен вне закона. Фильм актерский и режиссерский. У актеров полная свобода импровизации, у режиссера право смонтировать их спонтанную игру в сюрреальную и интеллигентную мозаику из воспоминаний, мистификаций, музыки. «В результате получается нечто вроде CD, на котором каждый кусок имеет свою историю, свою гармонию, свою музыкальную тему, – говорит режиссер. – Я нахожу все это таким забавным и непредсказуемым, что едва ли остановлюсь на достигнутом. «Кофе и сигареты» наверняка будут продолжены». Я думаю, что для тех зрителей, которые тоскуют по экспериментальному кино, открывающему что-то новое в атмосфере, в интонациях, в монтаже, «Кофе и сигареты» станет лучшим фильмом.

Ну а Голливуд тоже не дремлет. В начале лета выйдет на экраны экранизация гомеровской «Илиады», которая будет называться или «Троя», или «Троянская война», пока режиссер Вольфганг Петерсен («Идеальный шторм») еще, как говорится, не определился. Фильм снимался на Мальте и в Мексике, в нем заняты звезды со стажем – такие, как Брэд Питт (Ахилл), и новые – вроде Орландо Блума (Парис) и Шона Бина (Улисс), ставшие известными благодаря

Брэд Питт на съемках «Трои»

«Властелину колец». Режиссер уверен, что лента, в которой есть все – любовь, измена, предательство, кровь и драки – станет прекрасным историческим колоссом, тем более успешным, что средний американец понятия не имеет о том, кто такой Гомер и где находилась Троя. «Таким образом, – говорит режиссер, – мы выполним еще и культурологическую функцию». Что ж, если в американский лексикон благодаря кино вошло слово «гладиатор», то отчего бы не пополнится ему еще и некоторыми легендарными именами, географическими точками и мифологическими понятиями (вроде троянского коня, Ахиллесовой пяты, покрывала Пенелопы и т.д. и т.п.). Думаю, и нашему зрителю не вредно будет познакомиться с занимательной древней историей – наглядно, впечатляюще и сравнительно быстро, немногим менее трех часов.

Елена НИКОЛАЕВА

НЕПОЗНАННОЕ ВОКРУГ НАС

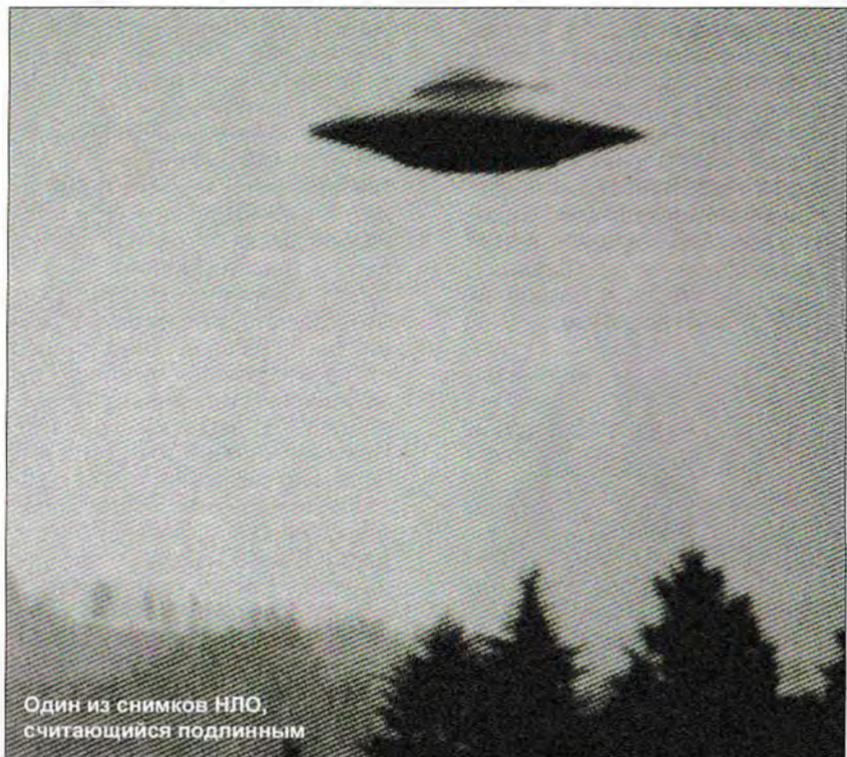
Когда знаменитому греческому философу Сократу задавали трудный вопрос, на который нет очевидного ответа, он не обходил его молчанием, а говорил: «Давайте исследуем.

Привлечем на помощь факты. Нужно помочь новой мысли родиться». К сожалению, когда речь идет загадке неопознанных летающих объектов, уфологи зачастую обращают внимание только на то, что уже многократно фиксировалось в отношении НЛО, и опускают новые факты, связанные с ними.

Между тем именно их анализ позволяет пролить дополнительный свет на природу этого феномена.

Сергей ДЕМКИН

ТАЙНА ТВЕРДОГО ЛУЧА

Один из снимков НЛО,
считающийся подлинным

«Я увидел плоский круглый объект голубоватого цвета. И слева – еще один, примерно таких же размеров и точно такой же формы, только зеленого цвета. Они сближались медленно и бесшумно, и когда между ними осталось километров пять, они повисли неподвижно. Внезапно от правого объекта отделился красноватый шар и медленно поплыл в сторону соседа. Левый же выпустил ослепительный луч-жало в сторону приближающегося шара, который «уперся» в него. После этого шар начал менять цвет на белый, все более яркий, и увеличиваться в размерах. Затем раздался звук, похожий на шлепок, шар зашипел и по крутой траектории стал падать прямо на пасаку. Луч пропал почти мгновенно после «шлепка», а объекты начали удаляться, каждый в свою сторону, также медленно и величаво, пока не исчезли из вида... Позднее разыскали «плюху»: зеленоватая шлакоподобная масса лежала около пенька, и даже была еще горячей...»

Так описывает очевидец А. Дешабо странное происшествие в воздухе под Пятигорском, свидетелем которого он стал в 1993 году. Образцы оставшейся на земле пемзоподобной стеклообразной массы исследовались специалистами Всероссийского института авиационного материаловедения и объединения «Севкавгеология». Результаты показали повышенное содержание таких редкоземельных

элементов, как церий, лантан, неодим и празеодим.

Ну а UFOлоги поспешили назвать происшедшее «одним из сражений «звездных войн» между космическими пришельцами», даже не попытавшись проанализировать очевидное очевидцем. Если это действительно было «бое столкновение», как говорят военные, то почему оно закончилось так мирно? А главное, что это было за оружие: «медленно плывущий шар» и луч, в который он «уперся»? Получается, что луч был твердым? Однако его мгновенное появление и исчезновение говорит о том, что не механическое устройство, а именно световое излучение.

Но ведь свет не может быть твердым! Не будем спешить с выводами, а обратимся к свидетельству летчика Льва Вяткина.

«Я хотел бы поделиться своими впечатлениями о встречах с НЛО. При этом даю слово чести, что все это правда. И так, 1967 год, 7 августа, военный аэродром близ Севастополя, время 6 часов 30 минут утра. Я сидел в кабине истребителя-перехватчика и не спеша выполнял привычную предполетную подготовку – проверял работу бортовой радиостанции, радиоконпаса и прочих приборов... В этот момент техник Николай Емельяненко тронул меня за плечо:

– Командир, посмотри-ка!..

Я повернулся вправо и замер от удивления. Примерно в двух километрах в небе стро-

го с севера на юг на высоте примерно метров триста плыл большой светящийся шар цвета горящей спички. В поперечнике он составлял не менее восьми – десяти метров. Солнце еще не взошло, и на фоне безоблачного светло-голубого неба шар был виден отчетливо. По мере перемещения траектория его полета пересекла силуэт горы Ай-Петри, и стало заметно, как заколыхалось изображение от нагретого им воздуха. Однако пламени не наблюдалось. Внутри шара просматривалось синее ядро, по краям ярко-зеленое. Шума или свиста, как бывает при работе двигателей, не слышалось.

Прибористы и электрики, хлопотавшие у самолета, вытянув шею, молча наблюдали за странным объектом. С трудом придя в себя, я нажал кнопку передатчика:

– Я – семьсот тридцатый, справа по азимуту сто двадцать градусов наблюдаю в воздухе объект, летящий курсом ноль градусов, на удалении полтора-два километра.

– Вас понял... Пока не наблюдаем...

Обождая немного и убедившись, что локатор объект не фиксирует, я посоветовал офицерам на командном пункте посмотреть на "чудо" визуально. Позже они говорили, что долго наблюдали за ним, но на индикаторе кругового обзора ничего не было, даже слабого отражения сигнала не наблюдалось».

Чтобы разобраться в загадочном явлении «радарной

слепоты», обратимся к тому, что говорил о ней в 1990 году главнокомандующий войсками ПВО генерал армии Иван Третьяк: «...Существует ряд материалов и форм, которые резко снижают радиолокационную и оптическую заметность объекта. Именно это реализуется в американской программе "Стелс"... В ряде случаев НЛО не поддаются радиолокационному обнаружению... Диапазон частот, на которых мы работаем, довольно узок, он специально предназначен, чтобы выявлять именно наши цели – самолеты, вертолеты, ракеты, – а не что-то другое. Если бы были организованы специальные посты наблюдения, расширены частоты, на которых работают радары, – скажем, перешли бы на работу на более длинных, метровых волнах, – мы, наверное, увидели бы больше».

А теперь вернемся к рассказу летчика.

«Я загорелся желанием подняться в воздух и осмотреть светящийся шар с разных сторон, заснять его, ибо фотокинопулемет был заряжен. Свою просьбу разрешить мне вылет я повторил дважды, КП не отвечал. Наконец в наушниках гермошлема я услышал: "Семьсот тридцатый, вылет запрещаю!" Позднее я узнал, что на КП отнесли шар к неопознанным летающим объектам и опасались за последствия – мой маневр мог быть принят за начало атаки.

А мы – пять техников и пилот – продолжали наблюдать

за странным объектом. Он двигался, не меняя высоты и скорости, пока не замер в воздухе. Свечение тонкой вращающейся оболочки было равномерным. Вдруг почти из центра возник тонкий луч, похожий на светящийся шнур, и отвесно уперся в землю. Затем шар "погасил" луч и мгновенно исчез вверху. При этом в наушниках возник сильный фон, вроде шипения.

На второй день я побывал там, где зависал шар. Долго бродил меж кустарников и старых окопов, но ничего достойного внимания не обнаружил.

Вторая встреча с таинственным объектом произошла через шесть дней во время ночных полетов. Было 23 часа с минутами. Я взлетел на истребителе-перехватчике для выполнения учебно-тренировочного задания. Включил форсаж и набрал высоту десять тысяч метров. Уточнил свое местоположение, доложил руководителю полетов и плавно ввел машину в левый вираж.

Была обворожительная безлунная ночь с яркими созвездиями. Мой самолет послушно выполнил половину виража и теперь смотрел в сторону моря. Далеко внизу, изогнувшись подковой, мерцала огнями Ялта. Привычно контролирую показания приборов. В этот момент, оторвав от них взгляд, я неожиданно увидел то, что потом долго не давало мне покоя: выше меня слева плыл большой яркий объект в виде светящегося

овала или сильно выпуклой линзы.

Обеспокоенный столь близким присутствием постороннего объекта я немедленно запросил руководителя полетов: кто находится в зоне? К моему удивлению он сообщил, что, кроме меня, в зоне никого не наблюдают и что все самолеты произвели посадку.

Стараясь не терять из вида странный объект, я переложил машину в правый вираж. Уклоняясь от опасного сближения, я попытался определить, куда он движется. Но через несколько секунд объект стал "гаснуть", причем так, как будто это делали изнутри при помощи реостата.

Выполнив полный вираж, мой самолет вернулся в исходную точку. После некоторого раздумья я решил выполнить и левый вираж, чтобы не менять полетного задания. Одновременно постарался быть предельно внимательным. Последнее оказалось весьма кстати. Едва я установил заданный крен, скорость и добавил обороты турбине, как точно по курсу откуда-то сверху вспыхнул белый свет и впереди возник слегка наклонный молочно-белый луч. Он быстро приближался, и, не уберя я вовремя крен, непременно ткнулся в него носом или кабиной самолета.

И все же я угодил в луч левым крылом! При этом, сопровождая НЛО взглядом, я увидел и ощутил нечто странное. Белый луч, едва коснувшись крыла, мгновенно рассыпался на мелкие блестящие, напомина-

ющие мерцающую россыпь угасающего праздничного фейерверка. При этом мой самолет сильно трянуло. Приборы стали попеременно зашкаливать вправо-влево с частотой метронома.

“Что за штука? Луч, похоже, твердый!” – подумал я.

Через несколько секунд все исчезло – и луч, и свет вверх.

Возвращаясь на аэродром, я еще долго обшаривал взглядом звездное небо, ожидая новых сюрпризов, но все было спокойно, и полет благополучно завершился.

По тому ощущению удара, который я испытал при соприкосновении с лучом, и по тому, как стали зашкаливать стрелки на приборной доске, можно сделать предположение, что это был не луч света, а светящийся газовый, сильно намагниченный стержень. Удерживая газ в “магнитной трубе” или “стержне”, в принципе, можно создать эффект “твердого луча” с “выдвижением” и “втягиванием”. Характерно, что мой рассказ в среде летчиков всегда воспринимался спокойно, без какого-либо недоверия».

Несмотря на всю свою фантастичность, рассказ летчика представляется абсолютно реальным. Тем более что зарегистрированы и другие случаи встреч с «твердым лучом». Так, начальник отделения милиции из города Воронежа В.Селявкин рассказал, что однажды ночью он шел по проселочной дороге в окрест-

ностях города. Вдруг сверху прямо с неба на него упал такой яркий и мощный луч света, что он почувствовал его прямо-таки физически. Своей тяжестью луч пригнул его к земле, а потом ушел в сторону и исчез.

Другой случай произошел 1 ноября 1990 года. Во время рейса Сургут-Куйбышев пассажиры воздушного лайнера наблюдали через иллюминаторы «световой щуп», который постепенно протянулся к самолету от шарообразного светящегося объекта. Правда, когда он коснулся своим отчетливо видимым торцом фюзеляжа, толчка никто не почувствовал. Встречи с НЛО, испускавшими подобные лучи-«щупы», фиксировались летчиками близ Иркутска, Волгограда, в Алтайском крае и над Северным Уралом. Аналогичный феномен наблюдался во Франции, Италии и США. Причем во всех случаях отмечена одна и та же характерная особенность: исходящий от НЛО луч выдвигается, как штатив, резко обрываясь на конце.

Поскольку никто из физиков пока не может дать объяснения «твердого луча», гипотеза о магнитном стержне представляется вполне правомерной. Только наполняет его, скорее всего, не намагниченный газ, а низкотемпературная плазма. Используется же такой щуп для получения каких-то данных. Это подтверждается и тем, что НЛО выдвигает луч-зонд не просто куда-то в сторону, а направляет его

на вполне определенный объект, например, на самолет, или на землю. В последнем случае он может выполнять функции волновода для считывания информации о поверхности, температуре, давлении, влажности и других параметрах.

В свете этого совершенно по-иному выглядит картина «одного из сражений "звездных войн"» под Пятигорском. На основании множества фактов твердо установлено, что НЛО технически на порядок выше самого совершенного земного оружия. Поэтому мало вероятно, что в случае «блестолкновения» один космический корабль выпустил в сторону другого медленно плывущий шар. А второй сначала остановил его «твердым лучом» и только потом уничтожил. НЛО способны почти мгновенно развивать огромную скорость: космический корабль мог просто уклониться от шара, да и вообще от сближения с «нападавшим».

А вот если «твердый луч» является волноводом, то все происходившее поразительно напоминает «дозаправку в воздухе». Один НЛО посылает в сторону другого своеобразный «аккумулятор» с запасом энергии. Второй вытягивает к нему луч-«шланг» и «перекачивает» энергию. А поскольку эта операция очень ответственная, все делается медленно. После того, как она закончена, «аккумулятор» разрушается, чтобы не выдавать секретов космических технологий, и падает на землю в виде шлакоподобной «плюхи».

Подтверждением правильности такой интерпретации «сражения» под Пятигорском может служить то, что произошло на Ржевском артиллерийском полигоне в Ленинградской области. Над ним часто появлялись НЛО, к которым все привыкли. Однажды «летающая тарелка» зависла прямо над подстанцией, питающей всю электросистему части. Внезапно от него к земле протянулись светящиеся «жгуты». Свет на полигоне померк, а в некоторых местах вообще отключился. Зато «жгуты» заискрились.

У высыпавших из казармы солдат было впечатление, что «летающая тарелка» буквально «всасывает» в себя электроэнергию из сети полигона. Вероятно, у нее случились какие-то неполадки, и она специально прилетела «подзарядиться» на военной базе. Это продолжалось не больше двух минут, после чего НЛО исчез в ночном небе. Позднее военные подсчитали расход электроэнергии: месячную норму будто «корова языком слизнула».

Ученые-уфологи считают, что НЛО вырабатывают необходимую для них энергию непосредственно на борту и не нуждаются в ее дополнительных внешних источниках. Однако, по-видимому, бывают какие-то неизвестные нам обстоятельства, когда они не могут обойтись без контакта с земными энергетическими системами, и тогда подключаются к ним с помощью луча-волновода.

НОВОСТИ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА,

ИЛИ

ВО ЧТО БЫ НАМ СЫГРАТЬ?

КНЯЗЬ 2

Требования к оборудованию:

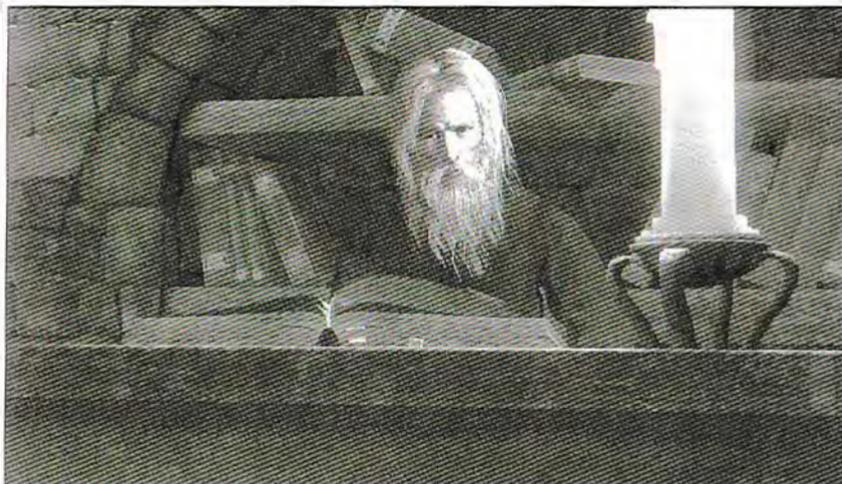
Процессор Pentium II 400 МГц
Оперативная память 64 Мб
16-скоростной CD-ROM
Видеоадаптер с поддержкой
режима 1024x768x16 бит
DirectX-совместимая звуковая
карта
Windows 95/98/ME/XP
Мышь

Любители отечественных квестов наверняка помнят игру «Князь: Легенды Лесной страны», выпущенную компанией «1С» несколько лет назад. Тогда многих поразила не только тематика (это была, пожалуй, одна из первых игр с ярко выраженной национальной славянской тематикой), но и сам сюжет игры. И вот теперь мы получили его продолжение под названием «Князь 2». Перед нами снова предстает фантазийный мир, основанный на неповторимой

атмосфере мифов трех великих народов: славян, скандинавов и византийцев. Что же произошло с нашими героями и со всей Лесной страной за это время?

А там стали происходить странные события. Зло и Добро поменялись местами, герой-победитель прошлой игры стал главным врагом Лесной страны. Недаром говорят, что власть портит человека. Полученный в схватке с Драконом магический браслет «Владыка» полностью подчинил себе волю и разум своего владельца. Под его воздействием властелин Лесной страны решил поставить себе на службу всех других магов и волхвов, и с этой целью безжалостно уничтожает не только их магические артефакты, но и их непокорных владельцев. Число волхвов в Лесной стране резко сокращается, теряют свою силу знахари и магические свитки.

Положение Лесной страны осложняется еще и тем, что ее правитель, который вернул себе статус бессмертного, перестал интересоваться жизнью своей страны и заботиться о своих подданных, простых смертных. Ему безразличны мольбы и просьбы о защите деревень от нападений чудовищ и появившихся банд разбойников. Наоборот, по приказу безжалостного браслета стражники правителя сами уничтожают древние капища и деревни, которые заподоз-

рены в том, что укрывают волхвов или знахарей.

Один из оставшихся в живых волхвов Лесной страны находит древнее пророчество. В нем сказано, что в самый страшный час, когда, казалось бы, все уже потеряно, проявит себя кровь Титанов. Волхвы собираются на месте гибели древнего Ара (о его подвигах мы помним по первой части игры) и вызывают его дух. Они обращаются к нему с просьбой назвать им живущих ныне смертных, в чьих жилах течет древняя кровь потомков Титанов. В ответ Ар произнес «Потомки Титанов, я посылаю в вас незримый огонь! Он будет жечь ваши души, пока вы не исполните предначертанное, а потушить его в силах будет только смерть». Повинуясь зову крови, потомки Титанов, отказавшись от своего привычного уклада жизни, каждый своей дорогой отправляются за разгадкой тайны, лишившей их душевного покоя.

Вам предстоит снова отправиться на спасение Лесной страны, выбрав себе в спутники одного из шести героев — суровых воинов или прекрас-

ных воительниц. Выбор спутников вас несомненно порадует — это лучшие из лучших.

Ратибор — князь деревни Борье. Самый старший и опытный среди прямых потомков Титанов, он много успел достичь за свою жизнь. Честный и непреклонный нрав Ратибора известен во всех пределах Лесной страны. Недаром Повелитель считает его своим смертельным врагом и посылает в подвластные ему земли отряд за отрядом. Немало таких набегов отразили дружинники Борье, во главе которых с тяжелым боевым топором в руке неизменно стоял сам князь.

Княгиня Велиславна — последняя из рода князей Черного Бора. Ценой своих жизней верным дружинникам удалось спасти ее от солдат Повелителя, которые до основания разрушили ее родовую деревню. Велиславна поклялась отомстить за причиненные беды. Зов крови Титанов только укрепил ее решимость сразиться с Повелителем Лесной страны. Как и ее предки, Велиславна отлично владеет мечом. В благородном сердце княгини живет память о спасших ее верных

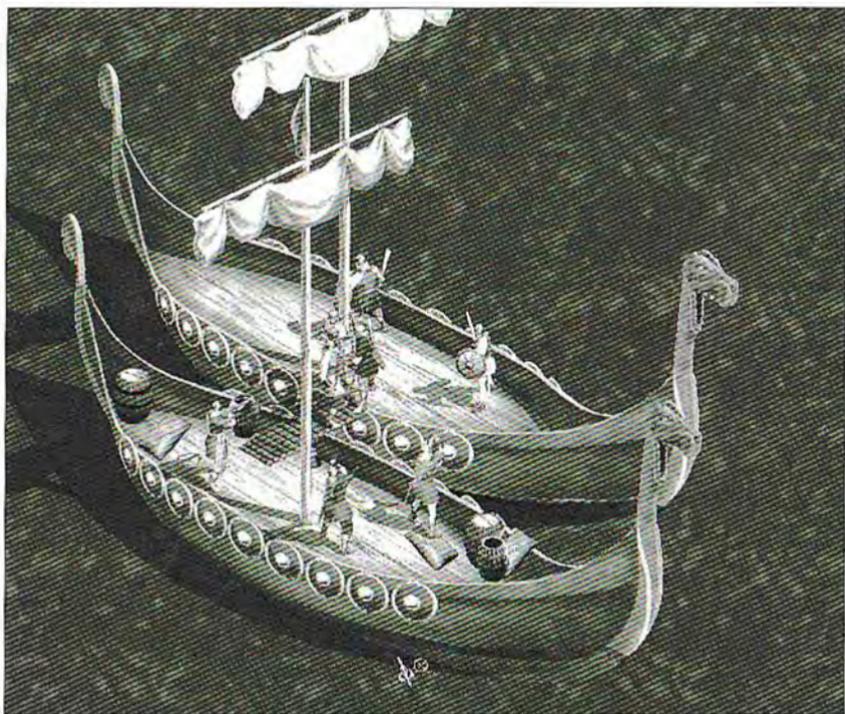
подданных. Поэтому, возрождая свою дружину, она, в первую очередь, отдает предпочтение воинам, зачастую отказывая даже прославленным воительницам Лесной страны.

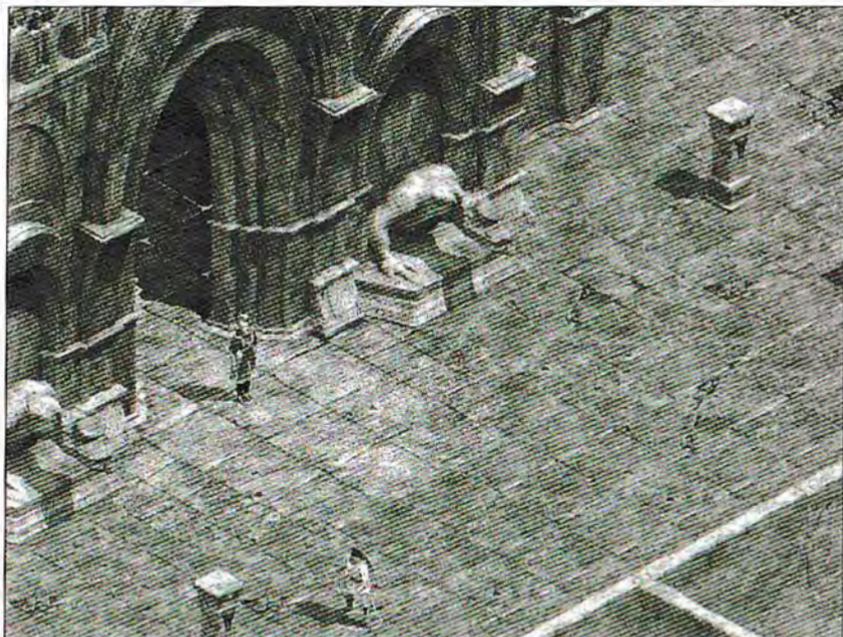
Викинг Эйнар — воин торгового скандинавского корабля. Он впервые в Лесной стране и мало что знает о нравах и обычаях местных жителей. Призыв Титанов застал Эйнара в Морском лагере викингов накануне отплытия к берегам родной Скандинавии.

Знахарка Нижнего лагеря Хельга. Для нее не существует тайн в искусстве врачевания и изготовления целебных смесей. Многих людей Хельга спасла от смерти. Подобно всем викингам, она отлично закалена и обучена военному искусству. Хельга неп-

лохо владеет любыми видами оружия и уверенно чувствует себя в бою даже без защитных доспехов. Смелая и решительная, она способна командовать большим отрядом.

Византиец Александр — ученик волхва. Самый молодой из оставшихся в живых потомков Титанов. Недостаток жизненного опыта юного героя компенсируется отменным чувством интуиции, которым он обладает с рождения. Александр разбирается в людях, практически безошибочно выбирает правильный тон разговора с любыми собеседниками. Догадываясь о высоком предназначении молодого византийца, волхвы передали ему не только свои тайные знания, но и обучили военным навыкам. Благодаря ежедневным упражнениям Алек-

сандр стал одним из лучших фехтовальщиков Лесной страны. Его излюбленное оружие — двуручный меч.

Византийка Анастасия — лучница стражи Летающего Острова. Она по праву считается одной из лучших воительниц Лесной страны. Мало кто может сравниться с ней в меткости стрельбы из лука и арбалета. С момента появления Анастасии на Летающем острове браслет «Владыка» ощутил, что поблизости находится серьезная угроза. Однако найти и уничтожить источник опасности оказалось не под силу даже волшебному браслету. Зов крови Титанов совершенно изменил жизнь Анастасии — она решила немедленно бежать с Летающего Острова, собрать отряд из лучших воительниц и вступить в открытую борьбу с Повелителем.

Как видите, выбирать есть из кого. Ваша главная цель — победить зло

и, завладев магическим браслетом, навсегда освободить Лесную страну от тирана.

По жанру «Князь 2» так же, как и его предшественник, является ролевой игрой с элементами квеста. В отличие от обычных «ходилок-бродилек», здесь нет жестко заданной цепочки последовательности действия. Вы можете сами выбирать, куда вы направитесь и какими методами будете действовать для достижения желаемого результата. «Князь 2» следует лучшим традициям классических ролевых игр, главные из которых — полная свобода действий героя и интерактивность игровой вселенной. Более того, само игровое пространство стало шире, появилась возможность путешествовать на кораблях, а значит, исследовать и новые земли. По сравнению с первой игрой в «Князе 2» много новых видов оружия

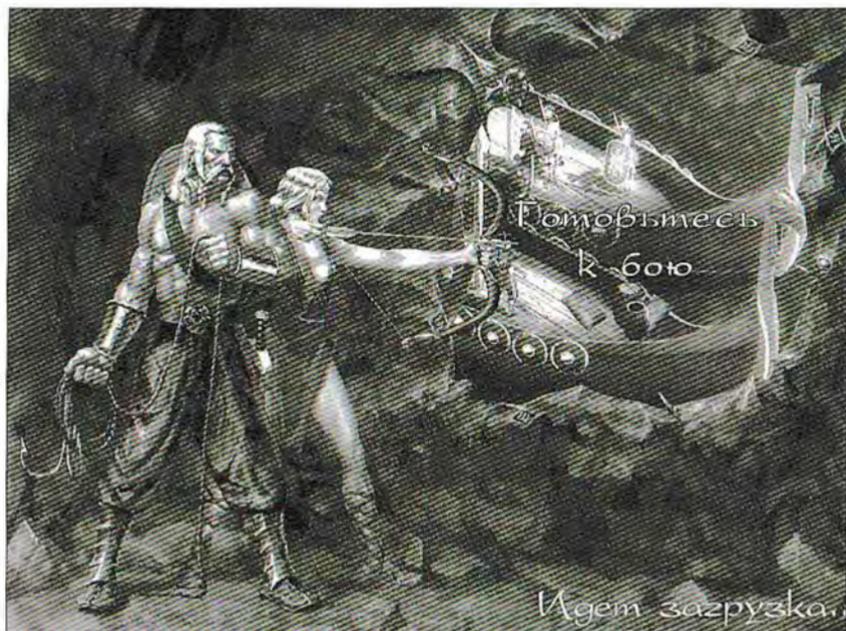
— арбалеты, кастеты, двуручные мечи, топоры, дубины. И, кроме того, появились новые приемы ведения боя, в частности, можно сражаться с оружием в двух руках. Это вам здорово пригодится, так как за вами будут охотиться не только монстры, но и разбойники, пираты и воины Повелителя. Монстров будет предостаточно; кроме уже знакомых по первой части, появилось много новых. Интеллект тварей значительно вырос, и справиться с ними будет непросто.

Кроме обилия врагов, добавилось и немало способов сражаться с ними как с помощью оружия, так и с помощью магии. Если постараться, то можно даже научиться создавать свои собственные заклинания. Игра «Князь 2» предоставляет вам массу возможностей — будь то игровые характеристики игры или персонажа, будь то

квесты. В игре их большое количество, как основной игровой линии, так и дополнительных — «для души». Порой задания запутанные, а решения найдутся случайно: для этого нужно просто ходить и со всеми, кто встретится вам на пути, разговаривать по душам.

Экономические возможности игры тоже продуманы. Есть даже некоторые элементы стратегии. Для обеспечения своего отряда всем необходимым можно взять под управление какое-нибудь поселение, защищать его, и оно будет снабжать вас всем необходимым в походе. Можно оставить в деревне опытного воеводу и спокойно отправляться в путешествие по тропинкам Лесной страны, где вас ждет столько приключений. И, надеюсь, они будут интересными.

Наталья ЯКОВЛЕВА

МОЗАИКА

ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ

Знаменитый французский мыслитель Жан де Лабрюйер, мастер афоризмов, говаривал в свое время: «У многих людей одно только имя имеет кое-какое значение. Если же посмотреть на них поближе, то окажется, что сами они вовсе ничего не стоят». Это, конечно, так. Но это только одна сторона медали. Бедный Лабрюйер отошел в мир иной даже не предполагая, какие могут быть имена на свете и какие они могут иметь значения. С другой стороны, смело можно сказать, что ему просто повезло. Например, в стране Панаме дошло до того, что власти готовятся принять закон, ограждающий детей от произвола родителей в части нареkania любимых отпрысков миллион родителескому сердцу именами. А имена у панамцев стали в моде весьма оригинальные. Мальчииков любовно именуют Адольфами, Гитлерами, Бенито, Муссолини. Девочек нарекают Вагинами и Лесбианами. Большой популярностью пользуются имена коммерческие.

Ну, нас-то этим не удивишь. Бывали у нас и Тракторины Петровны, и Идеи Михайловны, и Первомаи Павловичи, и Комбайны Васильевны, и Турбины Нико-

лаевны, и Гипотенузы Сергеевны... Особенно много мы преуспели в смысле имен-аббревиатур. Скажем, Виль, Вилен – Владимир Ильич Ленин, Мэлор – Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция, или Донара – Дочь Народа... Но это ерунда, так себе, без фантазии, без выдумки, без изюминки. А вот Оюшминальда – это кое-что! Это – Отто Юльевич Шмидт На Льдине. А Лагшмивара – Лагерь Шмидта В Арктике! Были даже Икки – Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала. Не говоря уж о Лорикэрике – Ленин, Октябрьская Революция, Индустриализация, Коллективизация, Электрификация, Радиофикация, Коммунизм – и все в одном имени. Коротко и ясно.

Так что выкрутасы панамских родителей нас, в России, в изумление не повернут. Мы можем поднапрячься и свою Проституцию Олеговну взрастить вместе с Демократией Игоревной. А то и припугнуть Мафией Вячеславовной. Вот только надо ли? А может, лучше называть своих детей обыкновенными человеческими именами: в Панаме – панамскими, в России – российскими. И не коверкать им жизнь, и не заставлять впоследствии в лучшем случае стыдиться своих «умных» пап и мам.

НЕДОСЫП И ПЕРЕСЫП

Каждому известно, что человек не может жить без сна. Поэтому наиболее изуверской считается пытка бессонницей. Через пару суток лишенный сна нормальный человек становится заторможенным, начинает все видеть в дымке, пол уходит у него из под ног, предметы расплываются. Через двести часов вынужденной бессонницы самый крепкий организм не выдерживает — начинается глубокий психоз. Однако не спешите с обобщениями.

Доподлинно известно, что один из слуг императрицы Елизаветы Петровны вполне довольствовался пятнадцатиминутным послеобеденным сном в сутки. Все остальное время он исправно бодрствовал возле ее покоев, охраняя святейший сон. К сожалению, имя этого верного стража затерялось в дебрях истории.

А вот гражданин Швеции по фамилии Эриксон в течение сорока шести лет вообще не испытывал потребности во сне. Такое ему досталось оригинальное осложнение после гриппа. Аналогичную бессонницу, длившуюся пятнадцать лет, получил и немец Клейн. Правда, приобрел он ее после перенесенного нервного шока.

Как бы позавидовали этим субъектам многие из тех, кто мучительным усилием воли приучают себя к ограниченному сну, дабы больше успеть сделать полезного в жизни. Например, Наполеон, Гете, Шиллер, Бехтерев, Черчилль ограничивали свой сон пятью часами в сутки. А Эдисон умудрялся набираться сил за два-три часа суточного отдыха. Как говорится, честь им и хвала!

Но есть люди, также поставившие в этом «сонном» деле рекорды, только с точностью до наоборот. К примеру, американка Линда Варнетто, чтобы хорошо себя чувствовать, должна поспать двадцать три часа в сутки, и ни минутой меньше. Что она и делает ежедневно. Кстати, такая особенность ее организма отнюдь не мешает ей быть прекрасной женой, матерью и дочкой. Одного часа бодрствования ей вполне хватает на то, чтобы привести в порядок дом, приготовить еду, созвониться с матерью и пообщаться с детьми.

Казалось бы, случай феноменальный. Но все познается в сравнении, и вряд ли он мог бы поразить Надежду Артемовну Лебединскую из Днепропетровска. Наверное, она сочла бы, что миссис Варнетто просто страдает бессонницей. И со своей точки зрения наверняка была бы права. Ведь ей довелось проспаться беспробудно целых двадцать лет. Будучи замужней женщиной и имея на руках пятилетнюю дочку, она в 1954 году легла, как обычно, спать. И проснулась в 1973 году на следующее утро после смерти своей матери. Первые пять лет своего сна она провела в больнице, последующие двенадцать лет за ней ухаживала мать Пелагея Максимовна; после того, как старушку разбил паралич, заботу за обеими родственницами взяла на себя сестра Надежды Анастасия. За эти годы муж Надежды Артемовны умер, дочь Валентина была отдана в интернат. Приехав на похороны бабушки, она, оторопев, увидела, как ее мать открыла глаза, заплакала и произнесла первые за два десятилетия слова: «Що, нема мами?»

ИЩУ ДРУГА

Конечно, каждая девушка мечтает о принце на белом коне. А вот Лилия, с письма которой мы решили начать этот выпуск нашей рубрики, мечтает еще, чтобы его звали Дима, Саша, Леша, Рома, Женя, Максим, Андрей, Виталья, Вова или Артем и чтобы ему, принцу, было от 20 до 25 лет. «Пусть мне напишут те, кому не безразлична судьба моя!» – восклицает девушка. Самой Лилии 20, она исключительно положительная девушка, веселая, но застенчивая, стеснительная, но общительная. В будущем собирается получить юридическое образование и стать адвокатом. Она любит читать, танцевать, бывать на концертах и в театрах, в музеях и на художественных выставках. У нее много интересов и, судя по описанию, вполне достойная внешность. Так чего вам, принцы, еще надо? Напишите Лилии письмо и, если есть хорошая фотка, не пожалейте ее для девушки. А писать ей так: *Хусаиновой Лилии, г. Нягань, 1-21-36, Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область, 628181.*

15-летняя Таня – фанатка фильма «Властелин колец» и хотела бы переписываться с коллегами по увлечению. А еще она любит группу «Rammstein» и Моби, коллекционирует фотки артистов, певцов и тех, кого она причисляет к знаменитостям.

Улевская Таня, ул. Школьная, д. 31, с. Старица Черныярского р-на Астраханской обл., 416241.

И вновь – Тюменская область. Здесь в городе Ялуторовске живет Ксюха, которая написала так: «Посылаю всем большой привет с севера на юг и с запада на восток. Я хороший друг, советчик и просто клевая девчонка. Некоторые говорят, что я похожа на Аврил Лавинь. Мне 15 лет. В основном слушаю рэп, редко – шансон, русский рок и попсу. Я бы очень хотела найти друзей по переписке (с 12 до 19 лет). Если кто-то не уверен, что я отвечу на его письма, уверяю всеми силами, что это не так!»

Ксюха, ул. Вокзальная, д. 20/65, г. Ялуторовск Тюменской обл., 627010.

12-летние девушки редко проявляют интерес к переписке – это удел ребят постарше. Тем приятней было получить письмо от Миляуши, которая хотела бы переписываться с девчонками и мальчишками 11-13 лет. Миляуша учится в музыкальной школе, играет на пианино, любит музыку и книги. «По знаку Зодиака я Рак, родилась в год Лошади. Увлекаюсь психологией, историей, биологией, люблю смотреть телепередачи про животных».

Сафина Миляуша, ул. 2-я Юго-Западная, д. 35, кв. 26, г. Казань, Республика Татарстан, 420124.

«Меня зовут Артур, я хотел бы переписываться с девушками от 16 до 18 лет. Мои увлечения: играю на гитаре, слушаю русский рок и иногда попсу».

Хабиров Артур, г. Октябрьский, микрорайон 29, д. 3, кв. 11, Республика Башкортостан, 452620.

«Что написать о себе? Наверное, то, что я мечтатель, пример-

но такой, как у Достоевского (моего любимого писателя). Не скажу, что столь же несчастна; в моей жизни бывают хорошие моменты, и я забываю все невзгоды, когда разговариваю с друзьями. Я не сумасшедшая, нет, просто я не такая, как все, да и то внутренне – внешне я настолько сливаюсь с толпой, что глупо говорить о моей индивидуальности. А еще я неисправимый романтик – если найдется человек, который захочет со мной переписываться, обязательно пошлю ему свои стихи и рассказы. Но сейчас трудно быть мечтателем, трудно в циничном мире не стать циником! Но я не пессимист. Я хочу быть, как все, и в то же время верить, что я – единственная...»

Лена, абон. ящик № 15, г. Ярославль, 150054.

Какие, однако, требовательные девушки пошли! Вот 16-летняя Надя излагает: «Хочу найти друзей по переписке от 16 лет, желательно пацанов. У нас в Похвистнево пацаны какие-то заторможенные, путевого редко когда увидишь, а в моем классе нет ни одного пацана, с которым хочется поделиться своими переживаниями. Если переписка завяжется – надеюсь, увидимся; я очень люблю путешествовать!» Надя, столь критически настроенная к местному сильному полу, увлекается танцами, музыкой в стиле рэп, любит фильмы и анекдоты.

Канеева Надежда, ул. Южная, д. 22-1, г. Похвистнево Самарской обл., 447452. (Надеемся, что фамилию Нади мы прочитали правильно. **Очень просим вас,**

друзья: пишите свои адреса, фамилии и имена разборчиво. В адресе указывайте, где номер дома, где – квартиры.)

13-летняя Таня пишет стихи и рассказы, любит весну и лето, когда самый класс походить на дискотеки и погулять допоздна. Хотела бы переписываться с ребятами от 13 до 15 лет.

Катушкина Таня, дер. Лосево, п/о Лосево, Великолукский р-н Псковской обл., 182178.

Гале 19 лет, по знаку Зодиака Скорпион, тоже любит гулять и ходить на дискотеки. Из музыки уважает «Руки вверх!», «Отпетых мошенников», «Та-Ту» и «Чай вдвоем». Ждет писем от девушек и парней от 15 до 24 лет.

Мальшева Галина, ул. Октябрьская, д. 11, кв. 2, п. Тея Северо-Енисейского р-на Красноярского края, 663293.

Под знаком Весов родилась на свет 15-летняя ныне Аня, которая любит читать книги Булгакова и Тургенева, а также стихи Есенина. «Обожаю людей с большим чувством юмора!»

Оловянишникова Анна, ул. Колхозная, д. 2, с. Рыбушка Саратовского р-на Саратовской обл., 410520.

16-летняя Оля любит слушать музыку и ходить на дискотеки. Больше про себя ничего не сообщила.

Оля, ул. Красная, д. 4, г. Тихвин Ленинградской обл., 187550.

**ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!
ПИШИТЕ!**

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Вообще-то, друзья, по нашему глубокому убеждению, люди творческие просто так дружить не могут.

Ну не могут они без шуток и приколов, без язвительной подначки и без веселых розыгрышей. Только в отличие от нас, простых смертных, они, творческие личности, на это не обижаются. Или делают вид, что не обижаются, а потом как ответят... такой же шуткой, только еще более «веселой».

Потому не стоит удивляться, что писатели-юмористы с удовольствием пишут рассказы и стихи о певцах, музыкантах и композиторах. Веселые и ехидные. Один поэт, например, скаламбурил так:

Слушал я вчера попсу
И водил рукой по псу.
От попсы был тик у пса,
Он скулил и грыз UPSA...

Кстати, да и сами эстрадные звезды нет-нет да и дадут повод повеселиться над ними. Особенно забавно получается, когда они начинают о жизни высказываться. И об искусстве. Один из участников знаменитых «Иванушек» однажды о своем пении высказался вот так: «Даже пукнуть можно пошло. А можно пукнуть так, что будет лежать весь зал». Тоже юморист в своем роде. А еще Аполлонов! Юмористы наши шутят поизящней. Давайте почитаем, что они сочинили такого музыкального...

А кто же они такие – певцы? Разные дороги ведут на эстраду. Одни претенденты на мировую славу на «Фабрику звезд» подались, другие – Гнесинки и консерватории позаканчивали... Но во всех певческих судьбах, по мнению журнала «Красная бурда», есть нечто общее. Работа тяжелая, слава скоротечная... Хорошо еще, если успеешь вовремя выгодно жениться (или замуж выйти). Тогда о музыке и позабыть можно, тьма тому примеров. И всё же манит людей сцена. А всё оттого, что не знают они, что там их ждет...

ПЕВЕЦ

Из цикла «РАССКАЗЫ О ПРОФЕССИЯХ»

Вот некоторые упрекают певцов – дескать, не умеют петь. И совершенно напрасно, ведь многие из них поют не хуже, чем многие остальные люди!

А работа у певца – ой, какая тяжелая. Как правило, он работает в помещении, ведет стоячий образ жизни, что отрицательно сказывается на его здоровье.

Поклонники суют своему кумиру охапки цветов, а ведь цветы – причина разнообразных аллергий.

Артист вынужден часто ездить в командировки, жить в гостиницах, совершать аморальные и антисоциальные поступки. При этом певцу приходится унижаться и петь не как все нормальные люди (в ванной), а на людях. А петь одни и те же песни в большом зале перед многотысячной публикой в тысячный раз – это вам не хухры-мухры!*

А чего стоят эти фанатские вопли и истерики? Скажем, при виде Принса или Преснякова-среднего поклонницы начинают визжать, как бы передразнивая своих кумиров. А вот при виде Бориса Штоколова мужики, например, начинают гудеть. При этом все хотят от тебя ребенка, и сделать его надо с песнями и танцами, пуская разноцветный эстрадный дым!..

Но добиться такого успеха у публики, стать популярным певцом нелегко – надо долго запоминать слова песен, мотивчики. На запоминание мотивчиков уходят долгие годы учебы в музыкальной школе. Зато и результат отличный. Разбуди певца ночью – он поднимет голову из тарелки с салатом – и запоет!

Опять же много опасностей подстерегает певца во время выступления. Можно напиться или нечаянно уколоться за кулисами. Может отключиться фонограмма. Поэтому у большинства певцов в голове только одна мысль – скорее спеть и в гримерку! А быстрее, чем «фанера» играет, не споешь! Вот и мучаются они, бедолаги, растягивая гласные по полчаса каждую.

---

* Хухры-мухры начинаются позже, в гостинице. (Прим. арт.)

А чего стоят певческие розыгрыши! Попросят старые певцы молодого взять до-бемоль и сидят, смеются, смотрят, как он бежит и совета просят.

Впрочем, раньше, при Советской власти, артистам приходилось еще труднее. Существовали строгие худсоветы, которые осуществляли цензуру на эстраде. Каждый артист обязан был представить справку от психиатра, в противном случае ему не разрешали развлекать народ. К счастью, теперь худсоветов нет, и на сцену пускают всех.

Многие родители хотят, чтобы их дети были всё время на виду, под присмотром телекамер. Так вот, если папа и мама решили, что их ребенок должен стать певцом, – пиши пропало!

Прощайте мокрые ноги, длинные сопли и надрывный кашель! От всех прелестей беззаботного детства избавят ребенка тираны-родители! А чтобы как следует разработать грудную клетку, из которой исходит голос, маленьких певцов жестокие педагоги накачивают велосипедным насосом.

Вообще считается, что голос должен иметь опору – желательно на папу-нефтяника или мужа-продюсера. Это новейшие исследования.

В прошлом веке многие певцы пели так называемой «душой». Но в двадцать первом веке на смену душе пришла фонограмма. Еще многие певцы предпочитают петь вместе с хором. Это и понятно – хор поет красиво, зрителям нравится и они хлопают хору, а заодно и певцу.

Среди певцов существует своя элита, это особая каста людей с очень высокими голосами. У некоторых этот дар от природы, другие – хирургическим путем увеличили себе голосовой диапазон**. Голос, добытый столь тяжким трудом, артисту приходится беречь – пить теплый коньячок, теплую водочку и пиво, курить теплые сигареты.

И все ради чего? Заработки у певца, конечно, высокие, но ведь и расходы большие! Песню купи, коньяк купи, в парикмахерской постригись – еще и внакладе останешься. Плюс ко всему, если ты певица, ты просто вынуждена красиво одеваться. Трусики, сандалики и лифчик должны быть всегда чисто постираны и тщательно отутюжены. Неряхам публика не рада. Зато посмотришь на клип каких-нибудь «Скрипящих» и невольно подумаешь – вот это женщины! А потом встретишь в трамвае – ни кожи, ни рожи, плащик весь изодрался, в руках авоська. Спросишь, как же так, а они тебе – «Да вы что, это же нас визажист три часа обрабатывал, да стилист еще два, да продюсер еще полчаса, а платишко-то арендованное было, у нас на такое платье и денег-то никогда не было!» Жалко их.

** Но вот что характерно: если любому певцу, даже самому низкому басу, наступить на ногу, или ударить по пальцу молотком, то он запоем фальцетом. (Прим. ред.)

Огромным успехом считается, если певцу удастся получить в Главном Концертном управлении (начальник Управления – Ангелина Совк) статус «звезды». В этом случае ему на Центральном Эстрадном складе выдают леопардовое пальто, блестящие сапоги, облегающие лосины и темные очки. Кроме того, за ним закрепляется лимузин и четыре постоянных фаната. Кроме того, звезда имеет право на десять бесплатных скандальных публикаций в год в центральной желтой прессе.

Карьера эстрадного артиста, как правило, скоротечна. С возрастом певцу становится все труднее выступать на сцене, «заводить» публику. Например, у Фрэнка Синатры или у Эллы Фитцджеральд вообще развилась «джампофобия» – болезненная боязнь прыжков в зал. Если же певец чувствует, что он больше не может петь и скакать по сцене, то он устраивает прощальный тур из ста-двухсот концертов и уходит на вокальный покой. Считается, что с такими бабками можно жить не поя, но припеваючи!..

Композиторам, бедняжкам, тоже приходится нелегко. Профессия эта тяжелая, неблагодарная. Певцов, даже бездарных – все знают... А вот композиторов? Только отдельных! Да и с самыми известными казусы случаются, вроде того, что поэт Сергей Сатин описал:

Говорят, как-то Игорь Крутой
Утром встал совершенно не с той.
Эта – тут, а где та –
Не понять ни черта,
Словом, братцы, хоть падай, хоть стой!

Ну, положим, композитора, о котором пойдет речь в рассказе Александра Мешкова, знают все. Но и в его биографии, оказывается, были юмористические страницы, переходящие в трагические...

Александр МЕШКОВ

ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ...

Ранним вечером в глубине барского сада двое разухабистых немолдых уже плотника неторопливо, как всё, что делает исконно русский человек, строили беседку – типа флигелька. Один из них, кряжистый, приземистый, кудлатый мужик по имени Трофим, одетый в парчовый щегольской армяк с барского плеча, напевал себе под огромный прыщавый красный нос:

– Во саду ли,
в огороде
бегала собачка,
хвост подняла –
навоняла,
вот тебе задачка...

Второй мужик, худой, изможденный, беглый каторжник-бродяга, бежавший третьего дни с Сахалина, бывший бурлак, волокита и бретер, картежник и пьяница Захар широко растворял щербатый губастый рот и хорошо поставленным драматическим контртенором подхватывал Трофиму в припеве в терцию:

– Хвост подняла, навоняла!
Вот тебе задачка!

Внезапно их пение было прервано каким-то странным звуком. В кустах жимолости вдруг что-то хлобыстнуло, жажнуло, крякнуло. И вслед за этим раздался короткий пук, и в глубину сада метнулась какая-то тень, какая-то фигура в меховом болеро, замелькали короткие подагрические ноги в нанковых панталонах винного цвета, отороченные мехом шиншиллы.

Трофим выпрямился во весь свой рост, швырнул вослед убегающей фигуре булыжником и, глубоко засунув в рот грязные, корявые, как осиновые сучки, пальцы, свистнул залихватски, по-разбойничьи! Он затопал ногами, замахал руками, заулюлюкал!

– Ату! Ату! Наху! Наху! – орал в радостном возбуждении нечеловечьим голосом немолодой уже вроде бы мужик.

Притихший Захар в недоумении смотрел на как бы обезумевшего своего товарища. На каторге он насмотрелся всяких припадочных и бесноватых, но такого он еще не видывал. Наконец, исчерпав свое нехитрое умение, свою исчерпаемую энергию, Трофим устало опустился на карачки.

– Кто это был? – осторожно спросил Захар часа через два, придя в себя.

– Это? – переспросил Трофим. – О! Это, брат, – личность! Это барин мой, Петр Ильич! Опять музыку приходили подслушивать! Поддай-ка мне енту хреновину... Вот так... – Трофим приладил к бревну доску и умело вогнал в нее гвоздь. – Они у меня всякий раз музыку подслушивают, когда за оперу садятся! Как вижу, что подслушивает, – значит, опять за оперу сел... Они в прошлый раз у меня таким вот образом «Во поле березонька стояла...» украли. Такой плагиаторщик! Не приведи Господь! – истово перекрестился Трофим.

А в это время запыхавшийся Петр Ильич, легко перемахнув через низенький заборчик, с маху, как сайгак, запрыгнув за письменный стол и потирая одной рукой ушибленный булжником затылок, торопливо записывал на нотной бумаге знаки, приговаривая:

– Какая страстность! Твою мать! Какая необузданная образность, задушевность... Какая динамика! Хвост подняла... Так... Навоняла... Хорошо... Вот тебе – задачка!

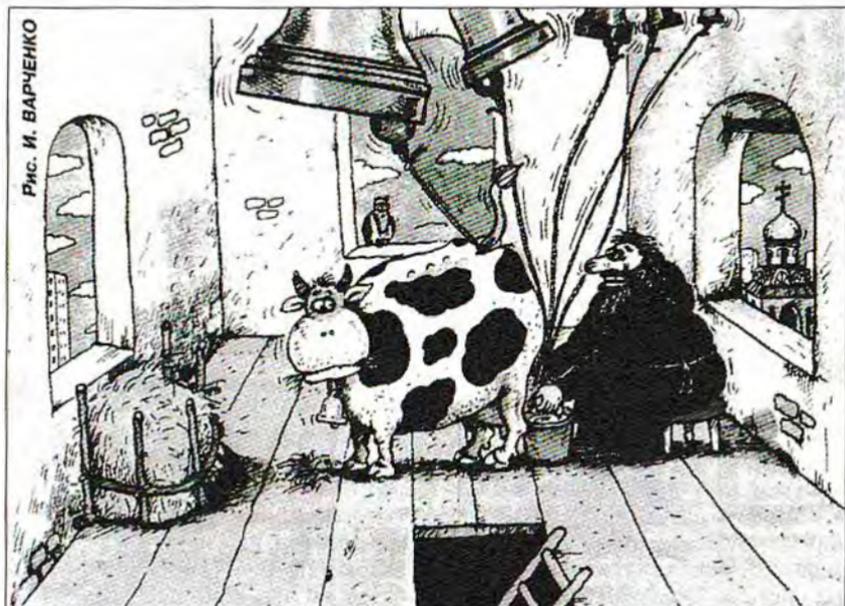

Рис. И. ВАРЧЕНКО

У Распутиной прелестной
Не отнять ее красоты,
Хоть не видно новых песен,
Но зато видны трусы!

Этот стишок сочинил юморист-классик Георгий Териков, который нет-нет да и воспевает в своих произведениях народных героев – есть у него стишки про Аллегрову, Моисеева, Газманова и прочих поп-звезд. Да, на такого поклонника певцы молиться должны... Но чаще к ним обращаются другие. Тоже поклонники.

Григорий ДЕДИНСКИЙ

ПИСЬМО

Дорогая Маша Распутина!

Угадай, в каком ухе звенит? Правильно, а все равно больно. Но это я так, для знакомства. Для первых строк своего письма. Оно от Гриши. Тоже Распутина. Но не с этикетки на бутылке, а из колонии строгого режима. Вот такое, блин, историческое совпадение, бывает, как амнистия, раз в жизни.

Для начала, Мария, предлагаю тебе дружить. Сперва по переписке, в смысле, я – тебе письмецо, ты сразу ответ – посылку. А потом, когда узнаю тебя поближе, можно будет дружить и домами. Это когда я из своего барака перееду в твой, в Москве.

Как меня увидишь возле себя, тебе сразу станет нехорошо от счастья. Но с годами ты к нему привыкнешь. По частям.

Когда я услышал тебя по радио по заявке одного мента-регулирующего, то поклялся на нарах, что ты, Маруся, у меня запоешь, как недо-резанная Эдита Пьеха.

Не так давно мне один знаток намекнул, что у тебя случился производственный роман. С Филиппом Киркоровым. Правда, давно, еще в пионерской палатке. Но все прошло, как понос после немывтого арбуза. Не переживай, я отходчивый, прощаю. Ну, было так было, не с Жириновским же. Теперь Киркоров любит Пугачеву, она – Родину, а я – тебя. И никто никому не завидует.

Можешь, Маня, подружкам похвастаться: не пью, не курю. Врачи запретили. «А то, – говорят они, – мы с тебя инвалидность снимем и коляску отберем». А так мужчина я видный, симпатичный, мое фото частенько украшает столбы с высоким напряжением. Получу со склада готовой продукции нижнюю челюсть – вообще от вашего брата, артисток, отбоя не будет, хоть из тюрьмы не выходи. К тому же я очень экономный. Прикинь, если от дождика встану навтыжку под твою грудь, зонтик можно не покупать.

Так что, Манон, крутись, зарабатывай бабки для нашего совмещенного гнезда. У меня скоро звонок, приезджай, заберешь. Но если тебя упекут на гастроли, не переживай, сам доберусь, с поводырем. Только, роднуля, в скором ответе сообщи номер квартиры и предупреди охрану, чтобы при моем появлении не открывала стрельбы.

Ну что ж, пора нам услышать и поэтическое слово. А то какая же музыка без поэзии? Тем более – такие у нас сегодня поэты! Каждый – живая бронза. Имя. Легенда... И все в музыке разбираются.

Игорь ИРТЕНЬЕВ
ЗАБЫТЫЙ ВАЛЬС

Вы играли на рояле,
Тонкий профиль наклона,
Вы меня не замечали,
Будто не было меня.
Из роскошного «Стейнвея»
Дивных звуков несся рой,
Я стоял, благоговей,
Перед вашею игрой.
И все то, что в жизни прежней
Испытать мне довелось,
В этой музыке нездешней
Станным образом слилось.

Страсть,
Надежда,
Горечь,
Радость,
Жар любви и лед утрат.
Отрезвонившая младость,
Наступающий закат,
Слезы брызнувшие пряча,
Я стоял лицом к стене.
И забытый
Вальс собачий
Рвал на части душу мне.

Инна САВЕЛЬЕВА
КАК ПИСАТЬ
НАРОДНЫЙ ШЛЯГЕР

Не забыть начать
с цветочков,
Что головками трясут,
Ржи, рябины, василечков,
Тех, что стонут там и тут.
И тогда уж можно вставить,
Что сердечко чье-то там,
Тоже стонет и страдает
В такт трясущимся цветам.
Не забыть про «оли-лели»
И про «ой» через строку,
И про ветер в чистом поле,
Что метет по большаку.
Тут кончаем о природе,
Принимаемся скульпить
И при ветреной погоде
Кудри дроли теревить.
Перхоть вспоминать не надо,
Надо очернить дотла

Дроли новую отраду,
Что подножку вам дала.
Нынче очень моден в драме
Казаков лихой разгул –
Намекните, что за вами
Приударил есаул.
И пускай потом втихую
Бывший милый, что слинял,
Пожалеет, что такую
Он на бабу променял.
Текст готов. К нему прибавим
Нудный, хнычущий напев,
Чтобы голосили бабы,
Плотно к водочке присев,
Чтоб под этот шлягер старый
Пальцем сделали
«блям-блям» –
Пусть он струны от гитары
Разорвет напополам!

Леонид ТУЧИНСКИЙ

ПРИДУРОК

Видно, в жизни чего-то прошляпил я,
Знать, не понял я в ней ни хрена:
Почему-то мне голос Шалапина
Поприкольней, чем группа «На-На».

То ль родился я прямо калекою,
То ли вырос потом уж урод:
Прошибает слезой от «Элегии»,
А Киркоров никак не берет.

Изотру пол церковный коленками,
Умоляя: «Господь, доведи.
Сделай так, чтоб от пения пенкиных
Вдруг заняло чего-то в груди».

Ну, наверное, пора дать слово и самим музыкантам. Тем более, что, как ни странно, некоторые из них и писать, оказывается, умеют. Могут, так сказать, отразить творческие мысли и чаяния. Рассказать о своих планах... Дневник, который обнаружил знаменитый питерский юморист Антон Макуни, столь живо обрисовывает музыкальные будни и праздники нашей провинции, что мы просто не имели права не загрузить его в нашу Телегу.

АНТОН МАКУНИ

ЗАПИСКИ РОК-МУЗЫКАНТА

2 мая. Нашу группу пригласили с концертами в Небалуйск. Погрузили инструменты на тачку и поехали. Тачку вез Хрипатый – наш ударник. Он у нас качок – вес 120 кг, рост – 205 см, ноги – 48-й размер, руки – грабли. Раньше, когда у нас была машина, ее тоже возил Хрипатый. На веревочке. Но однажды веревка оборвалась, и машина упала в реку. Вместе с саксофонистом. Теперь играем без саксофона.

3 мая. Прибыли в город. Встретили нас хлебом-солью. Больше ничего не дали. Поужинали, чем мэр послал...

На первом же концерте нас закидали помидорами, огурцами, картошкой и луком. Наелись. Жалко, что не закидывали колбасой, мясом и икрой. Весь следующий день торговали остатками сельхозпродукции на местном рынке. Выручка получилась раз в пять больше, чем от концерта. Особенно хорошо торговал Хрипатый: если кто-то тре-

бовал сдачу с крупных купюр, то получал ее в полном объеме. Штук тридцать подбитых глаз и расквашенных носов насдавал точно!

5 мая. Сегодня попробовали играть под фанеру – ее нам привезли целую машину с городской фанерной фабрики. Успех потрясающий! Нас трясли так, что вытрясли все деньги, полученные накануне на рынке. Фанеру растащили еще раньше...

6 мая. Сегодня играли как никогда! И никогда больше так не будем. В экстазе разбил на сцене две гитары. Одну о голову клавишника Петра. Клавишник в реанимации, я в шоке! Как играть завтра?

7 мая. У басиста Вали оборвалась струна – снесло первые пять рядов. Концерт пришлось прервать. Басиста же тем временем разорвали на сувениры – лежит в реанимации рядом с клавишником. Может, пе-

ренести концерты в больницу?

8 мая. Отыграли нормально. Вместо клавишника и басиста пригласил в группу местного алкаша Гогу. Самое странное, что Гога в ансамбль вписался – падал через каждые полминуты лицом на клавиши (самое потрясающее – как раз на те, которые нужно) и одновременно дрыгал ногой по струнам бас-гитары. Жалко, что через полчаса его укачало, и он уполз со сцены. После концерта мы его не нашли. Какой талант пропал!

Сегодня взбунтовался ударник Хрипатый. Сказал, что ему все по барабану. Причем по самому большому. Погрузил на себя все свои тарелки и отбыл в неизвестном направлении. Вечером нас допрашивала милиция – оказывается, Хрипатый вместе со своими тарелками прихватил и два вагона тарелок с местной фарфоровой фабрики.

10 мая. Выступали вдвоем с соло-гитаристом Колей – без ударника, клавишника, басиста и виртуоза Гоги. Во время антракта ко мне подошла девушка, поинтересовалась – на чем играет Коля. Сказал, что на соло. Она тут же поднесла Коле кусок сала, и он ушел с ней. Видимо, сало ему стало ближе, чем соло...

11 мая. Играл один. Вместо аплодисментов

сорвал голос. Пора срываться...

12 мая. Хотел сорваться, но из больницы выписался клавишник. Отдал мне должок. «Ямахой». Голова раскалывается. «Ямаха» раскололась еще раньше... Сразу после третьего удара...

1 августа. Два с лишним месяца пролежал в больнице. Клавишник в это время выступал один – играл на бубне, который забыл унести ударник. В тот день, когда меня выписали, его пригласили на Север. Шаманом... Двухкомнатная яранга, три жены и кормежка бесплатно. Звал меня – я отказался. В голове еще сплошные торосы, в глазах – северное сияние... Только яранги мне еще и не хватало! Ну ее в тюленя!

11 августа. По крайней мере устроился посудомойкой в местное кафе. Сыграл на чайных ложках «Полонез Огинского». Директор был в восторге! Выделяет мне деньги на организацию женского стриптиз-хора песни и пляски. Завтра начинаю проглядывание кандидаток – строго от восемнадцати до двадцати трех лет, строго 90-60-90... Прощай, рок-музыка! Да здравствует русское народное творчество! «Ой, мороз, мороз...»

На этом записи обрываются...

Ну что, остались еще желающие попробовать сделать музыкальную карьеру? Конечно, остались! Сколько угодно! Навалом! Ведь всегда есть люди, которые считают, что они созданы для сцены, как птица до полета. Видимо, именно для таких юмористы из замечательного журнала «Красная бурда» и сочинили две, можно сказать, производственные инструкции – как правильно быть музыкальной звездой и как не оскандалиться, если ты фанатеешь без устали, все дни и ночи... Надо ведь знать, как это всё делать правильно, с наибольшей отдачей.

ТЫ ПОКЛОННИК – Я КУМИР!

Быть звездой – это большая ответственность. От пятнадцати до двадцати лет лишения свободы и личной жизни. Поэтому идти на это дело нужно, лишь тщательно все продумать. Но уж если вас угораздило стать звездой, рекомендуем вам прислушаться к следующим советам...

*Как работать над своим имеджем?**

Перво-наперво выберите себе звучный псевдоним. Ну, например, Софокл. Есть же Юлиан, почему бы Софоклу не быть?

Или Вергилий...

Еще лучше – Василий!

Фернандель – вот тоже неплохой псевдоним!

Если вы уже звезда, а в подъезде у вас до сих пор ничего не написано, можете сами потихоньку начать, не дожидаясь тупых фанатов.

Напишите для начала что-нибудь простенькое, типа «**САФОКЛ – КАЗЁ...**», а дальше само пойдет!

---

* Все грамматические ошибки, встречающиеся в тексте, связаны, видимо, с опытом общения редакции «Красной бурды» с эстрадными звездами и их фанатами. – Прим. ред. «МЫ».

Еще одно правило для начинающей «звезды»: **надо знать, где тусоваться!**

Глупо тусоваться в «Отметелице», где бывают только такие же звезды, как и вы. Для приобретения настоящих, верных поклонников надо тусоваться в рабочих общежитиях, автобусах, недорогих столовых. Потолкайтесь на рынках, в музеях, глядишь, и встретите парочку своих фанатов...

В разговорах с журналистами надо почаще бросать фразы типа: «Кобзон любит бросать носки посреди комнаты», «Пенкин ужасно храпит», «Маша Распутина не поднимает стульчак в туалете». Это прибавит вам авторитета.

Не реже раза в полгода делайте пластическую операцию и меняйте ориентацию. Иначе люди будут ду-

мать, что у вас нет денег на операцию или на модную ориентацию, и засмеют.

Твердо решите: никогда не выступайте за гонорар меньше \$2000. Хотя полторы тысячи – тоже деньги. Ладно, иногда выступайте за \$1500. Хотя... иногда можно, в принципе, за \$1000 выступить, и за \$500. Да и сто рублей тоже на дороге не валяются!..

Никогда не выступайте за еду. Исключение – правительственные концерты и Дни милиции. Хотя и тут надо строго оговаривать – сколько еды вам дадут и какое количество до концерта, авансом, а сколько – сразу после выступления. И старайтесь брать черную, неучтенную еду.

Если кто-то из ваших спонсоров вдруг ласково похлопает вас по задку, примите это как должное.

Это же ваш хлеб, вы же профессионал. Человек за это деньги платит, и немалые.

Как вистить себя на своём канцерте?

Готовясь к выступлению, повесьте рядом с зеркалом афишу со своей физиономией. Так легче гримироваться.

Не берите пример с западных артистов, которые на сцене выкладываются без остатка, а потом ничего не могут сделать в семье – ни полку приколотить, ни ведро вынес-

ти. А также не ведут никакой общественной работы.

Никогда не прыгайте в зрительный зал, если ширина оркестровой ямы превышает 8 м 95 см!

Получив из зала записку со словами «Я хочу от тебя ребенка», вам следует взвесить все «за» и «против», побеседовать с родителями будущей мамы (отца), со своими родителями, со своей женой. Сходите в консультацию, наконец.

Выступая в местах лишения свободы, исключите на время такие фразы, как «Выше руки!» или «Какие вы все милые, я всех вас люблю!»

На сцене старайтесь громко не петь, чтобы не мешать зрителям слушать популярные записи.

Как вестить себя после канцерта?

После удачного выступления наденьте поверх фрака или платья с бриллиантами драную телогрейку со старыми, поношенными бриллиантами – и смело идите к фанатам. Если будут рвать, то не жалко.

Ни в коем случае не помогайте своим охранникам бить ваших поклонников.

Максимум, что вы можете себе позволить, – это подбадривать их негромкими криками и подсказывать, кому еще надо ввалить хорошенько.

Если вы банальный гетеросексуал, отвергайте предложения двенадцати-четырнадцатилетних девчонок провести с вами ночь.

Из окружившей вас толпы выберите зрелую, опытную, пожившую семнадцатилетнюю бабу!

При езде на длинном белом лимузине садитесь рядом с водителем. Фанаты подбегут к задней дверце, а вы спокойно выйдете за семь метров от обезумевшей толпы и убежите.

Как давать автографы?

Заметив поклонников, не стоит кричать во все горло: «А вот, кому автограф!» Просто не

Увы, вечно оставаться звездой вам не удастся!
Постарайтесь параллельно с выступлениями на сцене осваивать профессии токаря или, например, кондуктора. Тогда вы будете спокойны за будущее!

спеша достаньте авторучку и сделайте вид, будто ищете, где бы расписаться. Пусть фанаты сами предложат вам какую-нибудь бумажку.

Расписываясь на спинах своих поклонников, как можно сильнее давите на перо. Это все-таки память на всю жизнь.

Давая автографы, не ограничивайтесь одной подписью. Фанаты будут вас больше ценить, если вы каждому напишете что-нибудь личное. Например: «Рыжей толстой девушке в очках», «Здоровому мужику в красном пиджаке с пальцами вращающимися», «Тебе, прыщавый, с любовью» и т. д.

Я ПОКЛОННИК – ТЫ КУМИР!

Как правильно брать у звезды автографы?

Как показывает фанатская практика, главная проблема многих любителей автографов – ручки.

Чтобы звезда после того, как распишется, не отправила вашу ручку в свой объемистый карман, где уже лежит не одна сотня фанатских «Паркеров», привяжите ее к своей руке крепкой бечевкой. Веселое недоразумение, когда вы потянетесь за кумиром в его примерку или на сцену, или пробежите пару кварталов за его лимузином, запомнится вам на всю жизнь!

Предварительно натерев место для автографа воском, вы продлите счастливые мгновения общения со звездой.

Каждый автограф проверяйте на подлинность в почерковедческой экспертизе!

А то вдруг вместо подписи Мумийтролля вам подsunут автограф какого-нибудь Лагутенки из какого-нибудь Владивостока!

Если звезда спросит: «Кому написать?!», скажите: «На предьявителя!» или – еще лучше – «А тебя колыхнет?!»

Помните, что наибольшим спросом на аукционах типа «Сотби» пользуются автографы такого содержания: «Я, Пугачева Алла Борисовна, обязуюсь по первому требованию предьявителя сего вернуть ему 300 000 долларов». Или доверенность какая-нибудь.

Текст на листочке для автографа лучше написать заранее. Например: «Дорогая Катя! Выступая на сцене я не сводил с тебя восхищенных глас! Приижай ка ка мне в Маскву, можно с мамой, я тибя буду насыть на руках и насыпать падарками. Навеки твой...» Кумиру остается только расписаться.

Если бесплатно добыть подпись кумира не удастся, **знайте, что артисты, как правило, люди жадные, и за сто долларов наверняка для вас распишется. А за двести долларов он вообще будет петь для вас всю ночь!**

Как общаться со звездой?

Вычислите, на каком «Линкольне» или «Порше» ездит ваша звезда, и на перекрестке смело въезжайте в зад этого «Линкольну» на своей «Таврии». Наверняка вы не только познакомитесь с кумиром поближе, но и сможете подарить ему свою квартиру, дачу и т.п.

Никогда не пейте со своим кумиром больше трехсот пятидесяти грамм на брата. Иначе звезда потускнеет, побежит за водкой, начнет сомневаться в вашем к ней уважении.

Как вести себя на концерте?

Совет тем, кто любит забрасывать кумира цветами:

Букет цветов полетит гораздо быстрее и точнее, если вложить внутрь что-нибудь тяжелое, например, половинку кирпича. Хорошо долетают также цветы в горшках. Или просто кирпичи без цветов.

Чтобы привлечь к себе внимание кумира, можно, например, на его концерте подраться перед сценой с милиционерами. Или покрасить волосы в какой-нибудь цвет. Скажем, в голубой. Тут же, перед сценой, из двухлитровой банки.

Если вы фанатеете по Елене Образцовой и хотите

обратить на себя ее внимание, то на концертах громче всех кричите: «Оу! Образцова, ты лучшая! Я хочу от тебя ребенка!» Уверюем, она вас заметит. Еще один случай познакомиться с Образцовой вам представится, когда Елена Васильевна будет прыгать в зал на руки беснующейся публики.

Товарищи солдаты и офицеры Российской Армии! Фанатеть по Краснознаменному, трижды ордена Ленина и медали «За отвагу на концерте» Ансамблю песни и пляски Министерства обороны необходимо так: по команде старшего «К фанатению присту-ПИТЬ!» совершить несколько отрывистых выкриков «Ура!» и «Уау!» и совершить несколько соприкосновений ладонями правой и левой руки.

Но самым главным кумиром для вас должен оставаться ваш непосредственный начальник.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Идя навстречу вашим просьбам, мы решили организовать подписку на наш журнал непосредственно в редакции. Подписчикам журнал будет высылаться бандеролью.

КАК ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ?

Решите, на какие номера журнала вы хотите подписаться. Мы гарантируем высылку номера, если получим ваш заказ не позднее 5-го числа подписного месяца.

Стоимость одного номера с пересылкой – 45 рублей.

Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. В стоимость подписки не входит оплата услуг Сбербанка. Вышлите нам квитанцию (или ее ксерокопию) с отметкой банка. Разборчиво заполните бланк заказа на обороте и вышлите его в редакцию вместе с квитанцией.

Извещение

Форма № ПД-4

ООО "Литературно-художественный журнал "МЫ"

(наименование получателя платежа)

7701234320

(ИНН получателя платежа)

№ 407028104000000003232

(номер счета получателя платежа)

В АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. издательства)

(Индекс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "МЫ" _____ месяцев

(назначение платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

ООО "Литературно-художественный журнал "МЫ"

(наименование получателя платежа)

7701234320

(ИНН получателя платежа)

№ 407028104000000003232

(номер счета получателя платежа)

В АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. издательства)

(Индекс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "МЫ" _____ месяцев

(назначение платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Квитанция

Кассир

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МЫ»

Я подписываюсь на журнал «МЫ» на 2004 год на следующие номера:

6 7 8 9 10 11 12

и плачу _____ рублей

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

индекс _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

_____

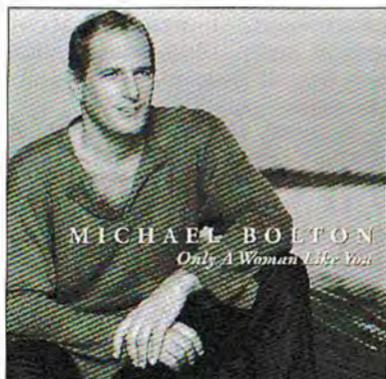
Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

_____

КОМПАКТ-ИЗВЕСТИЯ

МАЙКЛ БОЛТОН
(Michael Bolton)
Only A Woman Like You
Zomba Recording
Corporation, BMG

Если на душе скребут кошки, все валится из рук и жизнь, кажется, «не удалась», послушайте очень красивый альбом американского певца и композитора Майкла Болтона «Only A Woman Like You» – «Только женщина любит тебя». Приподнято-романтические мелодии, завораживающий и очень молодой голос артиста (несмотря на его пятьдесят один год) заставят вас восторгаться, вспомнить юность и... подойти к зеркалу. «Нет, я еще ничего: и морщин не так много, и шейка не дряблая, – скажете вы себе. – А главное – сердце горячее и душа живая».

Душа! Вот оно, ключевое слово. Ибо Болтон поет именно этой эфемерной субстанцией (даром

что американец!). Его хочется слушать и... воображать рядом с собой. Хотя внешность музыканта вовсе не испепеляюще-лучезарная: обычный городской парень с застенчивой улыбкой, открытым ясным взглядом и выразительным прямым носом. Такой тип нравится практически всем женщинам – «не архангел, не зануда, главное, что не трепач» (хотелось бы верить). Говорю это к тому, что любую хорошую музыку не стоит воспринимать мимоходом, отстраненно, вполуха. Будем же активны в своем постижении прекрасного – тогда жизнь повернется к нам стороной фортуны.

Касательно биографии певца нам особенно интересен тот факт, что настоящая фамилия Майкла – Болотин. Свой первый альбом он записал еще в 1975 году. Однако сведущие люди (и даже мать артиста) сочли, что «Болотин» – не лучшая марка для продажи на американском рынке, и предложили взять сценический псевдоним. Так Болотин стал Болтоном. Музыкант увлекался тогда хард-роком и даже некоторое время проработал в группе «Blackjack», распавшейся в 1980 году после выпуска двух не слишком удачных альбомов. Теперь Майк возвращается к сольной карьере и в 1983 году издает сингл «Fools Game» («Дурацкая игра»), попавший в сотню лучших хитов журнала «Биллборд».

В дальнейшем Болтон успешно оттачивает музыкальное перо, создавая шлягеры для известных поп-звезд. Так, в 1988 году его песня «I Found Someone» («Я нашла кого-то») в исполнении Шер добилась пятого места в тех же чартах. Однако музыканту явно не хватало какой-то крупной победы. И в 1989 году Болтон делает прорыв. Его альбом «Soul Provider» («Духовный провидец») буквально брызжет бриллиантавыми искрами: пять синглов с него попадают в престижный чарт «Тор 40» и позволяют певцу завоевать премию «Грэмми» в категории «Лучший мужской вокал». В 1991 году певец идет еще дальше и выпускает, пожалуй, самый успешный альбом – «Time, Love & Tenderness». В последующие годы артист, помимо

авторских композиций, записывает два альбома с римейками популярных песен из репертуара других музыкантов и групп, диск знаменитых американских рождественских хитов и даже пластинку с... ариями из классических опер. Она называлась «My Secret Passion» («Моя тайная страсть», 1998).

Однако вернемся к «Only A Woman Like You». Практически все 43 минуты звучания диска вам предстоит слегка подвигаться, но не в нынешних сумасшедших «кислотно-молодежных» ритмах – двести пятьдесят ударов в минуту, а – под ритм биения сердца вашего партнера (которого не поленитесь пригласить на этот вечер специально). Ибо слушая изысканные соул-баллады «Love With My Eyes Closed» («Любовь с закрытыми глазами»), «I Wanna Hear You Say It» («Я хочу услышать от тебя это») или блестящий мелодичный рок-шлягер «Dance With Me» («Танцуй со мной»), вам захочется чего-то большего, нежели простое сидение за красиво сервированным столиком при свечах. Поддайтесь сиюминутному настроению, отставьте стеклянные бокалы (ведь вы уже пригубили глинтвейн!), поднимите своего друга и... совершите с ним несколько медленных чувственных качаний с обязательным скольжением ладоней от линии плеча и ниже. Не бойтесь нежных слов, кротких улыбок, томных поцелуев, непрошенных слез. Воркуйте на здоровье. Все остальное – по вашему усмотрению.

Сергей БАТУСОВ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Каждый из десяти ее альбомов, выпущенных за последние шестнадцать лет, становился платиновым. Ей восхищаются во всем мире: женщина десятилетия в США, национальная героиня на родине, «самая желанная девушка» Британии, где поклонники не устают называть в ее честь новорожденных девочек, к тому же «поп-принцесса», «самое красивое тело планеты» и «самая сексуальная женщина мира». И вдобавок ко всему предприимчивая и удачливая бизнес-леди.

А вот как считает сама

**КАЙЛИ МИНОУГ:
«КАЖДЫЙ ВИДИТ ВО МНЕ ТО,
ЧТО ЕМУ ХОЧЕТСЯ...»**

Вот уже почти два десятка лет ее имя не сходит с полос музыкальной и светской хроники, а ее фотографии украшают обложки престижных глянцевого журналов. То она выпустит очередной клип, исполненный такого волнующего эротизма, что его запретят к показу, клип сродни времен ее двадцатилетней молодости, где она предстает самой привлекательной девчонкой конца восьмидесятых годов, по которой сходили с ума миллионы подростков. Вдобавок ко всему песня «Kigs» из этого же альбома тоже была запрещена к ротации на Би-Би-Си, поскольку в тексте упоминалась содомия. Правда, это был дуэт с самим Робби Уильямсом, а сингл, несмотря на все строгости, занял привычное для певицы первое место в хит-параде.

То вдруг сыграет эпизодическую роль в культовом

фильме вроде «Мулен Руж» – это после зубодробительного боевика «Уличный боец», который, впрочем, мы помним в основном благодаря Ван Дамму. То станет инициатором шоу для садоводов-любителей или огорошит организаторов международного турнира по регби, который пройдет нынешней осенью в Австралии, предложив заменить в роли свадебного генерала выбранного ранее Рассела Кроу (между прочим, австралийца) на француза Оливье Мартинеса, своего нынешнего бой-френда, всего лишь для того, чтобы на празднике открытия он исполнил с ней дуэтом балладу «Специально для тебя».

И это не всё. Может выйти новая марка газировки, названная её именем, а модный сетчатый бюстгалтер из коллекции женского белья «Лав-Кайли» неожиданно окажется лидером благотворительного аукциона в Лондоне. Что, в общем-то, вполне нормально – ведь бизнес-леди и должны заниматься бизнесом. А недавно в Музее мадам Тюссо отлитая в воске Миноуг появилась, стоя на четвереньках, – даже сэру Мику Джаггеру пришлось ждать места среди прочих восковых знаменитостей не одно десятилетие.

Эта светловолосая Дюймовочка – одна из немногих австралиек, которую знают и обожают повсюду. Два года назад в Британии был проведен социологический опрос с целью выяснения, кого из своих соотечественников

англичане считают лучшим примером для подражания. Так вот: молодежь в возрасте до тридцати пяти лет отдала свое предпочтение Кайли Миноуг, которая опередила даже нового молодежного кумира поп-певицу Дайло, сверхпопулярную телеведущую Дэвину Макколл и, наконец, молодую жену Пола Маккартни Хетер Миллз. Хотя для многих подобный результат стал полной неожиданностью: конечно, Кайли живет в Англии, но ведь родилась-то она в Австралии.

И кто бы мог предсказать крохотной, самой незаметной – с таким-то ростом! – девочке блестящее будущее? Подруги играли в теннис, баскетбол, плавали, мечтали об Олимпийских играх, а она мечтала о том, чтобы подрасти. Наверняка ведь и в той далекой стране есть аналог известной русской поговорки: «Мя подруги – «локомотив». Сингл, который стал самой продаваемой пластинкой в Австралии летом 1987 года. На съемочной площадке «Соседей» Кайли познакомилась с розовощеким паймальчиком, кумиром австралийских девчонок Джейсоном Донованом, который стал не только ее близким другом, но и вместе с ней преодолел серьезный барьер в шоу-бизнесе. Записав совместный сингл «Только для тебя», начинающие музыканты немало изумились, когда хит был восгорженно встречен на австралийском радио. Эта песня, кстати, дала успешный

импульс и карьере самого Донована, правда, успех этот был довольно мимолетным, и сейчас о нем мало кто помнит. Зато сердечный друг тайком отправил кассету с песнями Кайли на звукозаписывающую студию.

Восходящей звездой заинтересовались в Лондоне. Известным продюсерам Стоку, Эйткину и Уотерману (именно они позднее «раскрутили» «девочек с перчиком») не стоило особых усилий выковать из девушки новую икону танцевального диско. Ей устроили контракт с крупной звукозаписывающей фирмой, в результате чего австралийские хиты стали хитами международными. Следующие три сингла Кайли по очереди заняли первое место английского хит-парада – такого не удавалось ни одному дебютанту в истории. А дебютный альбом «Кайле», вышедший в Англии в 1988 году, разо-

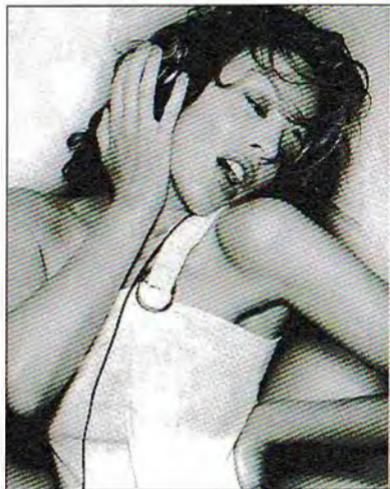
Вот уже почти два десятка лет ее имя не сходит с полос музыкальной и светской хроники, а ее фотографии украшают обложки престижных глянцевого журналов. То она выпустит очередной клип, исполненный такого волнующего эротизма, что его запретят к показу, клип сродни времен ее двадцатилетней молодости, где она предстает самой привлекательной девчонкой конца восьмидесятых годов, по которой сходили с ума миллионы подростков. Вдобавок ко всему песня «Kigs» из этого же альбома тоже была запрещена к ротации на Би-Би-Си, поскольку в тексте упоминалась содомия. Правда, это был дуэт с самим Робби Уильямсом, а сингл, несмотря на все строгости, занял привычное для певицы первое место в хит-параде.

То вдруг сыграет эпизодическую роль в культовом

нэйджеров. Даже знаменитый «гладиатор» Рассел Кроу согласился принять в нем участие только потому, что там была очаровательная крошка Кайли.

Нельзя сказать, что неожиданный успех вскружил девочке голову, однако она твердо решила, что быть актрисой – ее судьба. Впрочем, родители думали иначе. Они видели, как работает конвейер киноиндустрии, поглощая всё свободное время ребенка, практически лишая ее детства и отрывая от школьных занятий. И так, сначала всё-таки была школа и учеба. Кайли даже боялась остаться невостребованной актрисой и после окончания школы написала заявление, чтобы получать пособие по безработице. Но тут подоспели «Соседи».

В общем-то, обычный молодежный сериал имел такой

лидером благотворительной аукциона в Лондоне. Что, в общем-то, вполне нормально – ведь бизнес-леди и должны заниматься бизнесом. А недавно в Музее мадам Тюссо отлитая в воске Миноуг появилась, стоя на четвереньках, – даже сэру Мику Джаггеру пришлось ждать места среди прочих восковых знаменитостей не одно десятилетие.

Эта светловолосая Дюймовочка – одна из немногих австралиек, которую знают и обожают повсюду. Два года назад в Британии был проведен социологический опрос с целью выяснения, кого из своих соотечественников

грандиозный успех, который не могли предвидеть сами его создатели. За два года, пока он демонстрировался по телевидению, девушка стала настоящей звездой. Причем не только у себя на родине, но и в Англии. И когда там стали показывать «Соседей» в дневное время, британские школьники взбунтовались и, чтобы прекратить массовые прогулы, пришлось перекраивать всю эфирную сетку и выделить для них вечерние часы. Именно за этот сериал Кайли получила свою первую награду – приз зрительских симпатий, к тому же ее объявили самой популярной актрисой Австралии.

Когда приходит известность, можно позволить себе то, что очень хочется. И Кайли решила запеть. Возможно, ее уговорил сделать это ее тогдашний бой-френд Майкл Даффи, написавший для своей подруги «Локомотив». Сингл, который стал самой продаваемой пластинкой в Австралии летом 1987 года.

На съемочной площадке «Соседей» Кайли познакомилась с розовощеким паймальчиком, кумиром австралийских девчонок Джейсоном Донованом, который стал не только ее близким другом, но и вместе с ней преодолел серьезный барьер в шоу-бизнесе. Записав совместный сингл «Только для тебя», начинающие музыканты немало изумились, когда хит был восторженно встречен на австралийском радио. Эта песня, кстати, дала успешный

импульс и карьере самого Донована, правда, успех этот был довольно мимолетным, и сейчас о нем мало кто помнит. Зато сердечный друг тайком отправил кассету с песнями Кайли на звукозаписывающую студию.

Восходящей звездой заинтересовались в Лондоне. Известным продюсерам Стоку, Эйткину и Уотерману (именно они позднее «раскрутили» «девочек с перчиком») не стоило особых усилий выковать из девушки новую икону танцевального диско. Ей устроили контракт с крупной звукозаписывающей фирмой, в результате чего австралийские хиты стали хитами международными. Следующие три сингла Кайли по очереди заняли первое место английского хит-парада – такого не удавалось ни одному дебютанту в истории. А дебютный альбом «Кайле», вышедший в Англии в 1988 году, разо-

шелся более чем семимиллионным тиражом. Сама же дебютантка получила едва ли не все премии, существующие в поп-музыке. Но это еще не всё. Успех Кайли продолжал оставаться ошеломляющим: через год после выхода альбома ее восковая фигура, которая обошлась лондонцам в восемьдесят тысяч долларов, появилась в Музее мадам Тюссо, и ее восковую попу теперь ежегодно могут потрогать более двух миллионов посетителей. Словом, Кайли стала знаменитой.

Покорив британских меломанов, Кайли отправляется за океан, в Лос-Анджелес, находит самых модных продюсеров, естественно, тех, кто раньше работал с Мадонной, и потихоньку меняет свой имидж. Обстоятельства вынудили ее поступить именно так, поскольку таблоиды

начали язвительно утверждать: «Вспыхнула и погасла». Еще в Лондоне она целыми днями крутила пластинки Мадонны, пытаясь проникнуть в тайну ее постоянного успеха. И она поняла: «Надо меняться, давать публике то, что она хочет, – шок». Имидж Кайли становится почти «мадоннистым», то есть – шокирующим. Незатейливые поп-песенки уступают место эпатажным шлягерам для продвинутой молодежи. Сборники ее видеоклипов начинают продаваться даже успешнее, чем пластинки: всех привлекает миниатюрная блондинка с эффектной внешностью и непринужденностью, с которой она обнажается. Свой новый клип «Шокированная» Кайли исполнила, появившись на сцене в одном исподнем белье, заявив таким образом о своем творческом перерождении.

Надо сказать, это этим она отчасти обязана и своему земляку, лидеру суперпопулярной австралийской группы «INXS», обаятельному и талантливому Майклу Хатченсу. В то время певице исполнился двадцать один год – «самый подходящий возраст, чтобы познакомиться с сексом, наркотиками и рок-роллом», как писала тогда пресса.

«Мое хобби – развращать Кайли Миноуг», – шутил Хатченс. Правда, слишком много правды таила эта шутка. Кайли с головой ушла в богемную жизнь Майкла, за которым прочно закрепилась

репутация редкостного дебошира, наркомана и бабника. «Я понимала, что мы сходим с ума, – вспоминала она потом, – но это было так здорово. Я встретила его в тот момент моей жизни, когда лишь училась смотреть на мир, и он открыл мне глаза. Мы были вместе всего полтора года, но год с ним стоил десяти». Действительно, во многом благодаря Майклу, его поддержке и советам, карьера певицы резко пошла в гору.

В то же время Кайли понимала, что ей трудно делить Майкла с законной супругой и их детьми. А тут еще Майкл увлекся фотомodelью Хеленой Кристенсен, затем известной британской телеведущей Полой Йетс, которая родила ему дочь. Но страшнее всего были наркотики.

Они расстались, но Майкл все же позвонил ей по телефону и предложил начать всё с начала. Однако услышав в ответ роковое «нет», решил, что пора поставить точку. Кайли улетела на гастроли в Токио, но концерты пришлось отменить, выплатить огромную неустойку и вернуться на похороны того, кого она любила и не смогла простить в слезы. Хатченс повесился в отеле на крюке, на котором раньше висела люстра. «Майкл был самой большой любовью моей жизни, – скажет она годы спустя. – Эта боль теперь навсегда останется со мной. А то, что он испортил меня... Так я ведь никогда не была тем анге-

лочком, которым меня хотели видеть».

Любовь любовью, но когда друзья познакомили ее с Ником Кейвом, Кайли поняла, что это именно то, что ей нужно. В творческом плане. Во всяком случае, певица утверждает, что Ник вернул ей веру в себя. Их дуэт – мрачная и красивая баллада «Где цветут дикие розы» – стал заметным явлением в мире андерграундной музыки. Знаменитый клип, где Кайли, как шекспировская Офелия, лежит под водой в окружении роз и змей, произвел фурор. Красоте не место на земле, поет «дикая роза» Кайли, которую постигла участь утопленницы, убитой своим возлюбленным за то, что она очень красива.

Кейв написал еще несколько песен для своей партнерши – грустных и мрачных. Не случайно новый альбом Миноуг получился во всех смыслах роковым. Она

назвала его «Невозможная принцесса» и волей случая попала в довольно щекотливую ситуацию: незадолго до его выхода погибла принцесса Диана. Конечно, пришлось срочно менять название и отсрочить появление альбома.

Конечно, Кайли не забыла и о том, что свой путь в шоу-бизнесе она начинала с кино. Правда, здесь ее успехи менее заметны. В 1994 году она снялась вместе Ван Даммом в «Уличном бойце», а в следующем – в комедии «Био-Дом» со Стивеном Болдуином. Раньше еще был фильм «Это не секрет», но теперь уже о нем вряд ли кто помнит. Зато кино подарило ей новую любовь: на вечеринке в Лос-Анджелесе, посвященной премьере фильма «Миссия невыполнима 2», Кайли представили британского манекенщика Джеймса Гудинга. Они даже были помолвлены, но два с лишним года, что они провели вместе, довели примадонну до нервного срыва: «Я никогда не знала, как он будет вести себя завтра, будем ли мы вместе или снова расстанемся на неопределенное время».

Уже ходили слухи о том, что Миноуг и Гудинг тайно поженились, но после очередного скандала Джеймс дал (вернее, продал за огромные деньги) интервью английскому таблоиду, где не только поведал историю своего романа с поп-принцессой, но и рассказал, как он изменял ей направо и на-

лево, потому что «ему было скучно и хотелось разнообразия», и закончил подробностями из истории их отношений, о которых говорить неприлично. В общем, поступил не по-мужски. Тем более непонятно, почему он так страдал, когда у Миноуг начался новый роман. Бедняга чуть не покончил с собой: принял большую дозу кокаина, пригоршню аспирина и запил всё это водкой. Его чудом спасли. После этого он отправил Кайли послание: «Желаю тебе встретить такого же парня, как ты сама, – холодного и циничного. Тогда ты получишь по заслугам, бессердечная тварь».

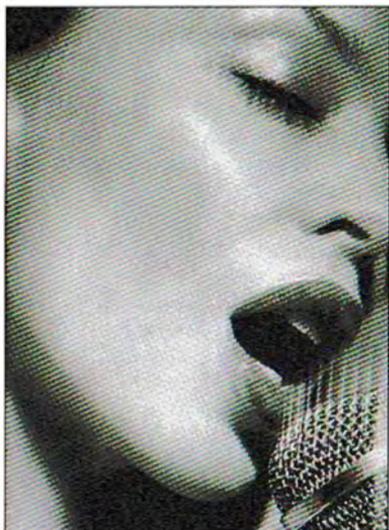
После такого оскорбления Миноуг сбежала домой к маме в Австралию и думала покинуть сцену. Нет, петь она всё же не бросила, а вот доверие к мужчинам потеряла.

Год двухтысячный стал для Миноуг своеобразным «возвращением бумеранга»: имя «Кайли» происходит от слова из языка австралийских аборигенов, означающего «бумеранг». Кайли вернулась к поп-музыке для всех, которая десять лет назад принесла ей ошеломляющий успех. Новый сингл и последовавший за ним альбом оказываются на первом месте в Англии и сразу же возвращают певицу на музыкальный Олимп.

По сути дела, всю свою жизнь Кайли Миноуг положила на алтарь искусства, и, по

большому счету, для нее не существовало ничего важнее карьеры и творческого успеха. Но с годами она открыла для себя очень важную и простую истину: кроме карьеры и работы, есть еще и обычная, нормальная жизнь, не связанная ни с работой, ни с профессией. «Я помню, отец говорил мне много лет назад, когда у меня случился небольшой нервный срыв, еще в Австралии: "Дорогая, ты знаешь, что ты создана для творчества, для того, чем ты занимаешься, но нельзя всему на свете говорить только «да». Нельзя хвататься за всё подряд". Я жила в таком стиле долгие годы, я всё время работала, но теперь я часто говорю "нет". И ничего страшного не произошло, мир не рухнул. У меня появилось больше времени на жизнь. Да, я люблю работу.

Я многого достигла, но слишком большой ценой. И теперь жалею об этом».

Впрочем, жалеть Кайли пришлось недолго: кажется, судьба подарила ей еще один шанс найти настоящую любовь в лице Оливье Мартинеса. Впервые они встретились в марте 2003 года на торжественной церемонии вручения музыкальных призов «Гремми» в Лос-Анджелесе. Актер был там по долгу службы – в костюме от Армани, чью фирму он представлял. На праздничном банкете Кайли с Мадонной устроились за одним столиком: они давно считаются закадычными подругами, в Лондоне живут неподалеку друг от друга, и Мадонна даже написала для подруги песню «Я снова одна».

У Мартинеса всегда была особая власть над женщинами. В школе отличницы делали за него уроки, в дорогих бутиках продавщицы просили у него автографы и предлагали взять приглянувшиеся покупки на память, в ресторанах он редко платил за ужин, расплачиваясь с официантками обворожительной улыбкой, а на курсы актерского мастерства в Парижской академии искусств он поступил благодаря личному поручительству Катрин Денев. Роман с кинозвездой Жюльетт Бинош сделал Оливье необычайно популярным, его сняли для обложки модного журнала с самим Аленом Делоном – вроде как принимающего эстафету секс-симво-

ла Франции. Известная голливудская актриса Мира Сорвино, получившая «Оскара» за роль в фильме Вуди Аллена «Могучая Афродита», притащила Мартинеса в Голливуд, познакомила с акулами шоу-бизнеса, нашла ему лучшего артистического агента, наняла частного преподавателя английского языка и в день рождения подарила роскошный автомобиль. Оливье стал получать выгодные роли, газеты расточали ему комплименты, называя его «французским Брэдом Питтом» и «самым желанным мужчиной Голливуда».

Словом, женщины всегда обращали внимание на «сладкого мальчика», и Кайли Миноуг не стала исключением. Правда, в начале она приняла его за Антонио Бандераса и, расставшись с Мадонной и присев за столик к французу, начала расхваливать фильм «Однажды в Мексике». На ее счастье, в зале было шумно, Оливье толком не понял, почему Кайли так понравился фильм, и уточнил, что он не мексиканец, а француз и вообще мечтает о музыкальной карьере. Певица вызвалась помочь, оценить его способности, для чего им пришлось оставить банкет и отправиться в соседний отель. С тех пор они не расставались.

Миноуг стала планировать свой режим работы так, чтобы они как можно больше были вместе. «Раньше я говорила: работа – это легко, а жизнь может быть тяжелой,

– сказала певица в недавнем интервью. – Но сейчас я даю себе перерывы, чтобы увидеться со своим возлюбленным, чтобы просто пожить. Я встречаюсь со школьными подругами, и у каждой куча детей. Я думала: нет, я на такое не способна. А потом приезжаю к своей подруге, которая живет в Париже с замечательным мужем и очаровательными детишками, и думаю: а может, и способна».

Подобная ситуация вполне возможна. Совсем недавно во время уик-энда на Лазурном берегу Оливье сделал предложение, подарил Кайли

шикарное бриллиантовое кольцо стоимостью почти в сорок тысяч долларов и признался, что все его любовные увлечения до встречи с ней были «незначительными и ошибочными, безуспешным поиском идеальной женщины», которую он наконец встретил. К тому же после свадьбы одной из лучших подруг певицы Натали Имбрульи, состоявшейся 31 декабря 2003 года, пресса почти официально объявила о помолвке Миноуг и Мартинеса. «Когда Натали бросила свой букет, он упал прямо в руки Кайли. Теперь она точно выйдет замуж, потому что верит в приметы», — писали газеты. Но потом выяснилось, что никакого букета невеста не бросала...

Однако вслед за этим выяснилось нечто более серьезное. После картины «Спецназ Города Ангелов», где

Оливье играет наркобарона, актер с экрана телевизора заявил, что у него «нет никакой определенной жизненной цели» и он просто хочет спокойствия и тишины, чего никогда не бывает в обществе законной супруги. Более того, стало известно, что Оливье проводит свободное время в обществе своей партнерши по фильму Анджелины Джоли, она подарила ему серебряный браслет, покупает футболки от Жан-Поля Готье и заявляет, что им нет смысла скрывать взаимную симпатию. Так что теперь остается гадать: когда же будет свадьба и чья?

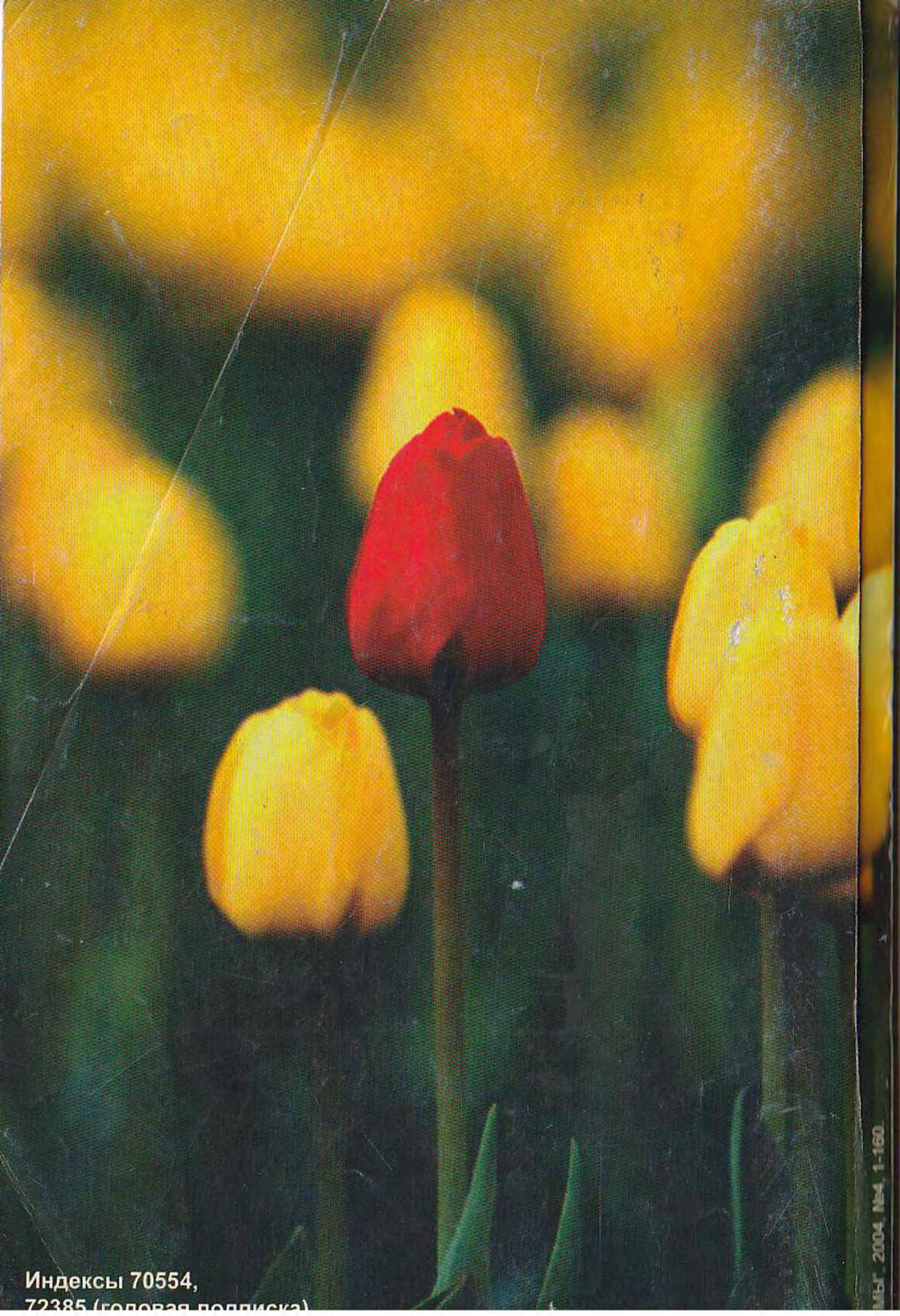
А пока Кайли Миноуг находит утешение в работе. Как и многие поп-звезды, создала собственную торговую марку и запустила модную линию женского белья: бикини, майки, шорты — ее фирменный стиль на сцене и в видеоклипах. Конечно, всё идет на раруху. К тому же два ее последних альбома «Лихорадка» и «Язык тела» вновь оккупировали вершины хит-парадов, а сама певица признана лучшей исполнительницей года. Во всем же остальном она такой же человек, как и все, как любая женщина, любит гулять по магазинам и может найти у себя кучу недостатков. В общем, как утверждает сама Миноуг, «каждый человек видит во мне то, что ему хочется. Я не собираюсь разрушать созданный ими образ».

Сергей ЧАЙКИН

**Кайли
МИНОУГ**

Индексы 70554,
72385 (годовая подписка)